АДМИРАЛЪ

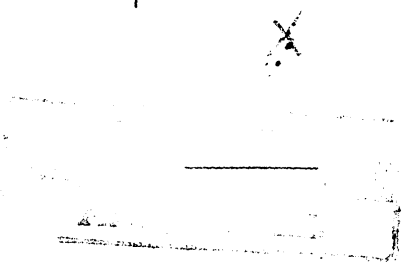
Алексѣй Самуиловичъ

Грейгъ.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

СОСТАВИЛЪ

Авраміи Асланбеговъ.



САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ МОРСКАГО МИНИСТЕРСТВА,
въ Главномъ Адмиралтействѣ.
1873.

Печатано по распоряженію Морскаго Министерства.

АДМИРАЛЪ

АЛЕКСѢЙ САМУИЛОВИЧЪ ГРЕЙГЪ.

Лит. М. Съмечкиной, у Кокушк. мос. д. №70.

АДМИРАЛЪ АЛЕКСѢЙ САМУИЛОВИЧЪ ГРЕЙГЪ.

Біографическій очеркъ (*).

ВВЕДЕНІЕ.

Въ непродолжительномъ времени будетъ оконченъ въ Николаевѣ памятникъ адмиралу А. С. Грейгу. Сооруженіе памятника подало мнѣ мысль составить очеркъ жизни этого государственнаго дѣятеля, болѣе подробный, чѣмъ тѣ отрывочныя статьи, замѣтки, воспоминанія, которыя до сихъ поръ являлись въ періодическихъ изданіяхъ и словаряхъ. Буду считать себя совершенно счастливымъ, если въ состояніи буду исполнить строго заданный себѣ планъ воспроизвести образъ этого, столько же замѣчательнаго и ученаго адмирала, покорителя Анапы и Варны, сколько глубокомысленнаго и дальновиднаго администратора, представивъ на судъ соотечественниковъ и въ особенности сослуживцевъ

(*) Для составленія этого біографическаго очерка я пользовался нижеслѣдующими сочиненіями, документами, архивными дѣлами и письмами, стараясь, на сколько это было возможно, провѣрять ихъ одни другими, а потому привожу эти источники здѣсь, чтобы не останавливать текста безпрерывными на нихъ ссылками.

1) Записки Ученаго Комитета XVII т.

2) Морской Сборникъ: 1861 № 12, 1862 № 8, 1863 № 3 и 9, 1864 № 2.

3) Кронштадт. Вѣстн.: 1862 № 71 и 94, 1864 № 20, 1865 №№ 78, 82, 85 и 87.

4) Одесскій Вѣстникъ: 1861—№ 109.

5) Иллюстрація—1845—№ 1.

6) Сынъ Отечества—1849—№ 5.

7) Словарь Достопамятныхъ людей—Бантышъ-Каменскаго.

8) Военно-Энциклопедическій Лексиконъ.

всю его служебную карьеру съ подробнымъ изложеніемъ его дѣйствій, предположеній, плановъ, съ удачнымъ и неудачнымъ исполненіемъ, со всею борьбою противъ враговъ, которые растутъ пропорціонально талантамъ, извѣстности и дарованіямъ, но которые предъ судомъ исторіи отпадутъ и уничтожатся подобно иглам, мѣняющимся каждую весну на хвойныхъ деревьяхъ, подымающихся все выше и выше къ небу. Правда, что вражда, зависть и злоба доставляютъ много горя при жизни, останавливаютъ лучшіе счастливѣйшіе порывы ума, изобрѣтательности, прозорливости, часто даже пресѣкаютъ полезную, дорогую жизнь, но въ большинствѣ, онѣ не болѣе тѣхъ преградъ, пороговъ, которые не помѣшаютъ большой рѣкѣ дойдти до назначеннаго ей моря. Для болѣе блестящаго и поэтическаго выраженія моей мысли я воспользуюсь словами поэта, обращенными къ одному изъ нашихъ же адмираловъ:

Такъ въ грозной красотѣ стоитъ
Сѣдой Эльбрусъ въ туманѣ мглистомъ;
Вкругъ буря, градъ, и громъ гремитъ
И вѣтръ въ ущельяхъ воетъ съ свистомъ,
Внизу несутся облака,
Шумятъ ручьи, бѣжитъ рѣка,
Но тщетны гордые порывы,
Эльбрусъ, Кавказскихъ горъ краса,
Возноситъ верхъ свой горделивый
И подпираетъ небеса.

---

9) Справочный Энциклопедич. Словарь Крайя.

10) Описаніе дѣйствій Черномор. флота въ прод. войнъ 1828 и 1829. вице-адм. Мелихова.

11) Описан. замѣчат. крушеній.—Головнина.

12 Историческое обозрѣніе устройства Морск. Вѣдом.—В. Чубинскаго

13) Описаніе турецкой войны.—Капит. Лукьяновича

14) Жизнь адмирала Ушакова.—Скаловскаго.

15) Исторія войны (1807—1812). Михайловскаго-Данилевскаго.

16) Дѣла Морскаго Архива.

17) Семейныя письма и бумаги адмирала.

18) Письма и воспоминанія современниковъ.

19) Историческое изложеніе построенія Пулковской обсерватор.—Струве.

20) Формулярный списокъ подписанный Адмираломъ.

21) Записки Адмиралтейск. Департам. Часть XI.

Біографія адмирала рельефно распадается на три главныя эпохи.

Первая, составляетъ прохожденіе по службѣ, до назначенія его Главнымъ командиромъ, т. е. съ 1775 до 1816 года.

Вторая и важнѣйшая—командованіе черноморскимъ флотомъ и портами, съ 1816 до 1833 года.

Третья — служба членомъ государственнаго совѣта, съ 1833 по 1845 г.

Итакъ, долгъ нашъ, прослѣдить внимательно и съ должною критическою оцѣнкою, всю дѣятельность, съ ея послѣдующими результатами, въ каждой изъ эпохъ, чтобы читатели сами пришли къ свободному и независимому умозаключенію.

I.

Прохожденіе службы отъ рожденія до назначенія главнымъ командиромъ черноморскаго флота. Троекратная посылка въ Англію. Командованіе кораблемъ «Ретвизанъ» и Гельдерскій бой. Участіе въ знаменательномъ комитетѣ улучшенія флота. Отправленіе начальникомъ эскадры въ Средиземное море съ весьма важнымъ дипломатическимъ порученіемъ. Штурмъ Тенедоса. Сраженія у Дарданеллъ и близъ Аѳонской горы. Блокада Данцига.

Адмиралъ Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ родился въ 1775 году 6 сентября, въ Кронштадтѣ. Крестила его Императрица Екатерина II, съ гр. Алексѣемъ Григорьевичемъ Орловымъ-Чесменскимъ. 20 октября того же года, отецъ его, вице-адмиралъ Самуилъ Карловичъ, въ то время бывшій главнымъ командиромъ въ Кронштадтѣ, уже извѣстный герой Чесьмы, а впослѣдствіи адмиралъ и славный побѣдитель шведовъ при Гогландѣ (6 іюля 1788 года), получилъ отъ адмиралтействъ-коллегіи слѣдующій Высочайшій указъ:

«Ея Императорское Величество всемилостивѣйше пожаловать изволила новорожденнаго вашего сына во флотъ мичманомъ».

Итакъ, съ первой минуты рожденія карьера новорожденнаго твердо опредѣлилась и его съ юности начали готовить быть достойнымъ высокой монаршей милости. Въ 1785 г. онъ былъ произведенъ въ лейтенанты съ назначе-

ніемъ флигель-адъютантомъ въ штабъ къ своему отцу, который, узнавъ объ этомъ назначеніи, въ письмѣ къ своему другу вице-президенту адмиралтействъ-коллегіи Графу Чернышеву, писалъ такъ: «милость, которую мнѣ оказалъ Его Императорское Высочество нашъ августѣйшій начальникъ генералъ-адмиралъ (*), составляетъ верхъ моего счастія, милость эта особенная и я не найду словъ, чтобы выразить все, что я чувствую и что я долженъ сказать по этому случаю. Я самъ, конечно, никогда не осмѣлился бы просить о томъ, что составляетъ теперь счастіе отца и сына». Въ томъ же году А. С. Грейгъ отправленъ по Высочайшему повелѣнію въ Англію, гдѣ плавалъ на судахъ, и по возвращеніи своемъ, въ 1788 году (19 мая) поступилъ на корабль «Мстиславъ» бывшій подъ командою капитана Муловскаго и былъ въ сраженіи съ французскимъ приватиромъ.

Въ сентябрѣ 1789 г. онъ былъ во второй разъ отправленъ въ Англію для пріобрѣтенія знаній въ морскихъ наукахъ и практикѣ, откуда отправился въ Остъ-Индію и Китай на одномъ изъ судовъ остъ-индской компаніи.

15 октября въ Ревелѣ, на кораблѣ «Ростиславъ» скончался его отецъ, адмиралъ, достойно прославленный, какъ громкими своими побѣдами, такъ равно и творческими соображеніями, зрѣлостью плановъ и необычайною энергіею. Императрица видѣла въ немъ и мудраго совѣтника и самаго твердаго исполнителя своихъ предначертаній; она вполнѣ умѣла его цѣнить и облекала полнымъ своимъ довѣріемъ; узнавъ о его смерти она сказала: «это великая потеря, это потеря государственная».

Ея Величество повелѣла, чтобы на погребеніи его, происходившемъ съ большою пышностью въ Ревелѣ, несенъ былъ кейзеръ-флагъ, присвоенный лишь званію генералъ-адмирала. Флагъ этотъ и понынѣ украшаетъ гробницу адмирала, воздвигнутую Императрицею изъ бѣлаго карарскаго мрамора, надъ мѣстомъ, гдѣ покоится прахъ его, въ Ревельской Домкирхѣ и на которой латинская надпись, гласящая

(*) Великій Князь Павелъ Петровичъ.

о подвигахъ флотоводца, говоритъ и о *великодушной печали* Екатерины. Большая золотая медаль, выбитая въ тоже время на монетномъ дворѣ, по повелѣнію Государыни, изображаетъ съ одной стороны русскій флотъ съ приспущенными флагами и отопленными реями, съ другой семейный гербъ Грейговъ, на который Слава возлагаетъ цѣпь ордена св. Андрея Первозваннаго.

4 декабря Алексѣй Самуиловичъ произведенъ въ капитанъ-лейтенанты 13 лѣтъ отъ роду, а 17 августа 1791 года онъ возвратился въ Россію.

Въ 1792 году въ третій разъ былъ посланъ въ Англію и служилъ волонтеромъ на разныхъ военныхъ ея корабляхъ, въ Средиземномъ морѣ, по 28 апрѣля 1796 года, и по возвращеніи тотчасъ же былъ назначенъ на корабль «Ретвизанъ» подъ команду капитанъ-командора Чичагова (Павла Васильевича), на которомъ плавалъ у береговъ Великобританіи до 23 октября, когда былъ командированъ въ лежащій близъ Эдинбурга портъ Литъ, для скорѣйшаго отправленія въ Россію фрегата «Михаилъ», бывшаго подъ командою капитанъ-лейтенанта Броуна, странныя похожденія котораго, долго послѣ того, служили предметомъ веселыхъ разсказовъ въ каютъ-компаніяхъ. Алексѣю Самуиловичу удалось, хотя не безъ труда, вывести изъ Литта загостившагося чудака, но фрегатъ былъ старъ—команда совсѣмъ загулялась; у Паркалаудскихъ шхеръ фрегатъ претерпѣлъ крушеніе. Алексѣй Самуиловичъ выказалъ при этомъ замѣчательную распорядительность и знаніе, за что декабря 17 произведенъ былъ въ капитаны 2 ранга.

1798 г. мая 9 назначенъ командиромъ корабля «Ретвизанъ» (23 лѣтъ), на которомъ въ эскадрѣ вице-адмирала Макарова отправился къ берегамъ Англіи и участвовалъ въ десантѣ на берегъ при взятіи Гельдерской крѣпости и голландскаго флота, за что былъ награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й ст.; а какъ въ царствованіе Императора Павла никто не получалъ ордена Св. Георгія, то въ іюнѣ 1801 г. адмиралъ графъ Кушелевъ писалъ ему: «Государь Императоръ Высочайше указать мнѣ соизволилъ, за взятіе вами при атакѣ и сдачѣ

голландскаго у Гельдерской крѣпости флота въ 1799 г. корабля *Вышектота* объявить вамъ Монаршее Его Величества благоволеніе; предоставляя вамъ право, такъ какъ отъ командовавшаго, тогда россійскою эскадрою представленія о семъ не было, просить о награжденіи васъ за дѣло сіе въ капитулѣ ордена Св. Великомученика Георгія, когда оный откроетъ свои засѣданія въ Петербургѣ». Въ слѣдующемъ 1802 г. дума удостоила его орденомъ Георгія 4-й степени.

Въ описаніи кораблекрушеній Головнина находится подробный разсказъ замѣчательно энергическихъ и образцовыхъ дѣйствій капитана 1 ранга Грейга во время стоянія на мели корабля «Ретвизанъ», шедшаго въ боевой линіи по диспозиціи за англійскимъ кораблемъ *Glatton*, имѣвшимъ углубленіе менѣе «Ретвизана», а потому только слегка коснувшагося мели; вскорѣ начался отливъ, а потому немедленно приняты мѣры укрѣпить корабль стрѣлами, чтобы не повалило его на бокъ; вѣтеръ сталъ свѣжѣть, волненіе увеличиваться и удары были такъ жестоки, что корабль находился на краю гибели. Капитанъ въ своемъ донесеніи говоритъ: «находился въ совершенно отчаянномъ состояніи, и не иначе, какъ особливымъ Божіимъ милосердіемъ спасся. А я къ сему (говоритъ Головнинъ) утвердительно могу присовокупить, что корабль «Ретвизанъ», послѣ всесильной помощи Божіей, безъ коей всѣ наши усилія бываютъ тщетны, обязанъ своимъ спасеніемъ присутствію духа и искуству своего начальника, твердости и непоколебимому усердію офицеровъ, расторопности нижнихъ чиновъ и вообще рѣдкому порядку и дисциплинѣ, на семъ кораблѣ во всю кампанію существовавшимъ».

Далѣе приведены слова адмирала Шишкова: «капитанъ видя, что не остается никакихъ способовъ къ спасенію корабля и людей, посовѣтовавшись съ офицерами рѣшился отрубить канатъ и распустить стаксели».

«Паруса наполнились, корабль двинулся и пошелъ, стуча о землю; ужасна была его неподвижность, но движеніе его было еще ужаснѣе: громада сія, лишенная руля, ставъ совершеннымъ игралищемъ свирѣпаго вѣтра и волненія, шествуетъ, безъ всякаго управленія, по мелямъ, влача съ собою

подставы свои и раздирая килемъ своимъ дно моря; толстыя обшивныя доски отрываются отъ ней и позади ея вверхъ всплываютъ; казалось, что сильное треніе и удары вскорости обнажатъ ее до самыхъ ребръ и наполнятъ водою; но Рука Господня спасаетъ ихъ; ибо кто въ семъ совершенномъ отчаяніи могъ ожидать мгновенной перемѣны? Кто вообразитъ себѣ радость ихъ, когда они вдругъ почувствовали, что корабль ихъ сошелъ на глубину и имѣетъ подъ собою одиннадцать саженъ воды? Тотчасъ бросили якорь. Тогда начинало уже разсвѣтать. Немедленно приступили къ исправленію всего того, что могли, и капитанъ, видя, что вице-адмиралъ Митчель стоитъ еще на якорѣ, и думая, что онъ, по причинѣ уменьшенія двумя кораблями линіи своей, не вступаетъ въ сраженіе, тотъ же часъ, не взирая на чрезмѣрное корабля своего поврежденіе и на великое, послѣ столь страшнаго бѣдствованія силъ своихъ изнуреніе, послалъ къ нему рапортъ, что онъ съ мели снялся и вскорѣ мѣсто свое въ линіи заступитъ и бой начать готовъ. Чрезъ краткое время въ самомъ дѣлѣ былъ уже онъ въ своемъ мѣстѣ».

1 января 1799 г. произведенъ въ 1 рангъ, продолжая плавать и командовать кораблемъ до 25 іюня 1800 г., когда возвратился въ Кронштадтъ.

Въ 1801 году назначенъ былъ президомъ коммисіи для улучшенія Кронштадтскаго порта, а въ 1802 г. членомъ Высочайше учрежденнаго комитета для *исправленія* флота.

Какую степень важности Императоръ Александръ придавалъ этому комитету, который долженъ былъ, по словамъ рескрипта, извлечь флотъ изъ настоящаго мнимаго его существованія и привести въ подлинное бытіе, лучше всего выяснится изъ самыхъ словъ слѣдующаго рескрипта на имя графа Воронцова отъ 24 августа 1802 г.

«Графъ Александръ Романовичъ. Желая постановить морскія силы наши и всѣ сопряженныя съ ними части на основаніяхъ, наиболѣе сходственныхъ съ нынѣшнимъ состояніемъ первенствующихъ въ Европѣ флотовъ, сообразивъ величину и силу нашего съ доходами и числомъ жителей, въ Россіи обитающихъ, и дабы оной хотя важную часть защиты со-

ставляющей, не былъ бы однако же для него содержаніемъ своимъ отяготителенъ, признали мы нужнымъ для достиженія сея цѣли учредить особливый комитетъ, коего первымъ присутствующимъ назначаемъ васъ, повелѣвая быть членами онаго: адмиралу Фондезену, адмиралу Мордвинову, адмиралу Балле, адмиралу Макарову, вице-адмиралу Карцову, контръ-адмиралу Чичагову и капитану 1 ранга Грейгу, поколику время занятія его отъ другихъ должностей ему дозволить можетъ. По всѣмъ дѣламъ, до сего комитета касающимся, докладывать намъ непосредственно препоручаемъ контръ-адмиралу Чичагову. Главнѣйшимъ изъ предметовъ, коими комитетъ заниматься долженъ, прилагается при семъ въ руководство оному начертаніе. Сверхъ сего повелѣваемъ, чтобы по отношеніямъ сего комитета доставляемы были неукоснительно, какъ отъ частныхъ лицъ, такъ и отъ присутствующихъ мѣстъ всѣ свѣдѣнія, къ предметамъ по части сей принадлежащія».

А въ приложенномъ при семъ Высочайшемъ рескриптѣ, начертаніи за собственноручнымъ Его Императорскаго Величества подписаніемъ, заключается:

«1. Комитетъ первымъ долгомъ себѣ поставитъ войти въ подробное изслѣдованіе всѣхъ причинъ, особенное вліяніе имѣющихъ на опредѣленіе величины и силы флота нашего; главнѣйшія изъ оныхъ зависятъ отъ способовъ, коими государство наше болѣе или менѣе изобилуетъ первоначальными веществами, въ составленіе флота входящими, какъ то: различнаго рода лѣсами, желѣзомъ, мѣдью, пенькою, и проч. и отъ мѣстнаго положенія государства въ отношеніи портовъ, теперешняго ихъ состоянія съ ихъ выгодами и неудобствами, и пространство морей, по коимъ кораблеплаваніе наше производиться должно. Здѣсь надлежитъ также принять въ разсужденіе и плаваніе въ отдаленнѣйшія мѣста, кои предполагаемы быть могутъ.

2. Величина и сила флота нашего должна быть соразмѣрена морскимъ силамъ сосѣдственныхъ державъ и соотвѣтствовать принятымъ съ союзниками нашими обязательствамъ и проч.

3. Комитетъ сообразивъ вышеписанныя обстоятельства, да опредѣлитъ число и величину линейныхъ кораблей, фрегатовъ, корветовъ, бриговъ, одномачтовыхъ катеровъ, бомбардирскихъ кораблей, число и родъ судовъ гребной флотъ и защиту береговъ составлять долженствующихъ, и, наконецъ, число и родъ перевозныхъ и разныхъ другихъ мелкихъ судовъ, ко флоту принадлежащихъ. Сдѣлавъ такое опредѣленіе морскихъ силъ да представитъ оное намъ на усмотрѣніе и утвержденіе наше.

4. Потомъ комитетъ займется подробнѣйшимъ разсмотрѣніемъ всѣхъ доселѣ изданныхъ указаній, регламентовъ, уставовъ, штатныхъ положеній, правилъ употребленія суммъ, заготовленія съѣстныхъ и разныхъ другихъ припасовъ, и всѣхъ учрежденій, на коихъ правленіе и хозяйственное распоряженіе морскаго департамента, со всѣмъ къ нему принадлежащимъ, основано. Мы желаемъ, чтобы комитетъ, отдѣливъ отъ оныхъ всякое излишество, оставивъ полезнѣйшее, усовершивъ или пополнивъ недостаточное, привелъ все оное въ возможную краткость и ясность сіе учинить въ такомъ намѣреніи, чтобы доставить флоту надежнѣйшій путь къ достиженію желаемаго и столь нужнаго благоустройства, пресѣчь по возможности всѣ вкравшіяся злоупотребленія и открыть удобныя средства къ возведенію его на степень совершенства со славою государства, тѣснымъ союзомъ сопряженную. По мѣрѣ изслѣдованія сихъ предметовъ въ комитетѣ, да представитъ оное на усмотрѣніе наше. При всѣхъ таковыхъ положеніяхъ или образованіяхъ какой-либо части, комитету предписуется поставить себѣ образцомъ предусмотрительныя и полезнѣйшія указанія учредителя флота нашего, блаженныя памяти Государя Императора Петра Великаго, заимствуя также и изъ основанія первенствующихъ въ Европѣ флотовъ. Почерпая изъ оныхъ постановленій, стараться должно различнымъ изъ многократныхъ опытовъ, извѣданнымъ усовершенствованіемъ сдѣлать наиприличнѣйшее къ нашей службѣ приложеніе, имѣя всегда въ виду какъ собственные наши способы въ произведеніяхъ земли, въ нравахъ и способностяхъ народныхъ состоящія, такъ и заим-

ствованіе оныхъ отъ постороннихъ съ пользою намъ служить могущихъ.

5. При хозяйственномъ назначеніи расходовъ и употребленіи вещей, надлежитъ сообразоваться съ нынѣ существующими цѣнами и при томъ особеннымъ предметомъ хозяйственной части поставлять должно учрежденіе въ различныхъ мѣстахъ, смотря по надобности, контрольныхъ экспедицій, составленныхъ изъ искуснѣйшихъ и знающихъ по касательнымъ до нихъ отношеніямъ людей и по правотѣ и безпристрастію своему извѣданныхъ.

6. Комитетъ да потщится предписать отличительнѣйшимъ образомъ должности и обязанности каждаго съ отвѣтственностью за всякое небреженіе или упущеніе оныхъ неминуемо послѣдовать имѣющею.

7. Съ толикою же ясностью должно показать и уравнить преимущества и выгоды каждаго изъ служащихъ во флотѣ соотвѣтственно роду, и соразмѣрно количеству или важности возлагаемыхъ должностей, понесенныхъ трудовъ, или оказанныхъ заслугъ; однимъ словомъ содѣлать службу для каждаго въ оную вступившаго нужною и лестною. И для того мы ожидаемъ, что комитетъ приложитъ всевозможное попеченіе, дабы вновь сдѣланныя постановленія морской службы по примѣру всѣхъ, постоянно процвѣтающихъ учрежденій, соединивъ пользу общественную, съ пользою, соразмѣрною способности и службѣ каждаго, не только не были бы для служащихъ отяготительны, но паче внушали бы и поддерживали тѣ истинныя правила чести и благороднаго возвышенія духа, которыя душею всякаго воинскаго состава быть должны. Сими единственно средствами произвесть возможно будетъ взаимное ревнованіе, столь дѣятельно всегда способствовавшее къ возведенію на высшую степень совершенства полезнѣйшихъ произведеній ума человѣческаго.

8. Равнымъ образомъ мы препоручаемъ комитету войти въ подробное разсмотрѣніе правилъ, на коихъ всѣ общественныя по флоту учрежденія основаны. Какъ-то: Морской корпусъ, больницы, училище штурманское и корабельной архитектуры, школы и проч. и стараться изыскать средства

къ произведенію оныхъ въ такое положеніе, которое наиболѣе сходствовало бы съ нынѣшнимъ состояніемъ познаній человѣческихъ. Таковыя средства комитетъ, при мнѣніи и планахъ, да представитъ на утвержденіе наше. Не упустить при семъ изъ виду одно изъ первыхъ предметовъ, *образованіе лѣснаго учрежденія*, пекущагося о сбереженіи и доставленіи лѣсовъ, также и заведеніе школы лѣсоводственной науки и приведенія въ наилучшій порядокъ и дѣйствіе всѣхъ заводовъ, для снабженія адмиралтейства и флота нужнѣйшими припасами, учрежденныхъ. Заняться изысканіемъ легчайшихъ и удобоисполнимыхъ средствъ къ формированію добрыхъ и опытныхъ матросовъ, къ обученію и доставленію для флота потребныхъ художниковъ по разнымъ мастерствамъ, какъ-то: плотничному, столярному, кузнечному и проч. и сіе учинить съ такимъ расчисленіемъ, чтобы производство работъ основано было на правилахъ, соразмѣрныхъ выгоднѣйшему употребленію силъ человѣческихъ. Опытность и по разнымъ частямъ особенное знаніе и усердіе къ пользѣ общественной, членовъ сего комитета, подаютъ намъ несомнѣнную надежду, что оный не упуститъ войти во всѣ, не только вышеупомянутые, но и впредь ему представиться могущіе, предметы, наиболѣе способствующіе къ выгодному образованію морскаго департамета.

А дабы дать убѣдительное доказательство истиннаго нашего желанія объ успѣшномъ преобразованіи сея части, и сколь охотно всѣми способами къ тому спомоществовать желаемъ, мы повелѣваемъ оному комитету непосредственно относиться къ намъ о всѣхъ мѣрахъ, каковыя токмо нужнымъ почтено будетъ принять ко *извлеченію флота изъ настоящаго мнимаго его существованія и ко приведенію онаго въ подлинное бытіе*».

Кажется, что назначеніе членомъ подобнаго комитета, на который Государь возлагалъ надежды и полное довѣріе, молодаго 26 лѣтняго капитана, между заслуженными адмиралами, само за себя говоритъ, чтобы нужно было еще что-нибудь прибавить. Рескриптъ этотъ весьма интересенъ потому, что рисуетъ картину состоянія флота унаслѣдованнаго отъ предъ-

идущаго царствованія, гдѣ *истина* изъ царскихъ устъ о мнимомъ существованія флота служитъ несомнѣннымъ авторитетомъ.

За успѣшное выполненіе этихъ порученій А. С. Грейгъ получаетъ въ 1802 г. брилліянтовый перстень, въ 1803 г. производится въ капитанъ-командоры и, наконецъ, въ 1804 г. вступаетъ въ первый разъ въ независимое командованіе. Ему поручается эскадра изъ двухъ кораблей «Ретвизанъ» и «Св. Елена» и двухъ фрегатовъ «Венусъ» и «Автроплъ» для слѣдованія въ Корфу, куда онъ приходитъ 11 января 1805 г. и принимаетъ подъ свое начальство находившуюся тамъ эскадру капитана Сорокина, состоявшую изъ 3 кораблей, 2 фрегатовъ, 6 корветовъ и 4 бриговъ.

Кампанія эта, продолжавшаяся въ Средиземномъ морѣ до 1808 года, по важности политическихъ событій приготовлявшихся въ Адріатическомъ морѣ служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ довѣрія и уваженія къ уму и достоинствамъ молодаго капитанъ-командора.

Порученія, ему данныя, хорошо выясняются изъ инструкціи, полученной въ Корфу за подписью товарища министра морскихъ силъ вице-адмирала Чичагова, а потому она приводится здѣсь вполнѣ.

Инструкція господину капитанъ-командору и кавалеру Грейгу.

«По прибытіи вашемъ въ Корфу найдете вы составленный по Высочайшему повелѣнію комитетъ изъ россійскаго полномочнаго графа Моцениго, изъ командующаго сухопутными войсками генералъ-маіора Анрепа, въ которомъ и ваше превосходительство присутствовать будете и положенія коего вамъ объявлены будутъ. Оныя и впредь опредѣляемы быть должны съ общаго согласія вашего; но они не касаются собственно до внутренняго и хозяйственнаго распоряженія эскадры, вашему начальству ввѣренной; въ общихъ же мѣрахъ, клонящихся ко благу и безопасности сей покровительствуемой Его Величествомъ Республики, ваше превосходительство обязаны содѣйствовать по всей вашей возможности, и старшинство генералъ-маіора Анрепа даетъ ему право

главнаго начальства надъ всею военною частью; почему, въ поведеніи вашемъ вы должны будете сообразоваться съ симъ общимъ постановленіемъ. Но какъ обстоятельства потребовать могутъ нѣкоторыхъ въ томъ перемѣнъ и г. Анрепъ, можетъ быть, долженъ будетъ съ большою частію войскъ оставить Корфу, въ каковомъ случаѣ воля Его Императорскаго Величества есть, чтобы начальство надъ воинскою частію въ Корфу приняли вы, то на таковой случай долгомъ имѣю представить вашему превосходительству слѣдующее:

1) По отбытіи генералъ-маіора Анрепа, принявъ въ вѣдомство ваше всѣ остающіяся войска и укрѣпленія, равно какъ и Адмиралтейство со всѣми его принадлежностями и судами, обязанностію вашею будетъ пещись не только о содержаніи всего сего въ благоустройствѣ, въ наилучшемъ оборонительномъ состояніи и во всегдашней готовности къ военнымъ дѣйствіямъ, но и о продовольствіи сихъ войскъ всѣмъ слѣдующимъ имъ по закону, или особо сдѣланному между вами положенію.

2) Какъ съ отбытіемъ генералъ-маіора Анрепа комитетъ вашъ долженъ рушиться, то предъ отъѣздомъ его нужно будетъ вамъ сдѣлать и утвердить въ комитетѣ положеніе какъ о числѣ войскъ, оставляемыхъ на Семи соединенныхъ островахъ и способахъ ихъ продовольствія, такъ и о прочихъ мѣрахъ, какія по обстоятельствамъ предусмотрѣны и за нужныя почтены быть могутъ. Впрочемъ, во всѣхъ случаяхъ не зависящихъ отъ предусмотрѣнія и вновь встрѣчающихся, требующихъ соображеній съ пользою жителей и могущихъ имѣть вліяніе на тамошнее правительство, ваше превосходительство должны будете сноситься съ россійскимъ полномочнымъ графомъ Моценигомъ, который, имѣя нужныя предписанія отъ двора, во всемъ, касающемся до внутренняго распорядка и устройства республики, по мѣстнымъ и политическимъ своимъ свѣдѣніямъ, можетъ подавать вамъ полезные совѣты и по долгу своему во всемъ способствовать вамъ будетъ.

3) Принявъ, по отъѣздѣ генералъ-маіора Анрепа, всѣ войска и укрѣпленія на Семи островахъ въ вѣдомство ваше, вы должны имѣть попеченіе о безопасности не токмо острова Корфу, но и всѣхъ острововъ и мѣстъ, принадлежащихъ сей республикѣ.

4) Ежели набираемый изъ Фанаріотовъ и Албанцовъ корпусъ, по отъѣздѣ генералъ-маіора Анрепа, составленъ будетъ въ Корфу, то ваше превосходительство, принявъ равно и надъ онымъ начальство, должны будете, по сношенію съ полномочнымъ нашимъ графомъ Моценигомъ отправить его куда потребуется.

5) Адмиралтейство примете стараніе довесть до такой степени исправленія, чтобы не токмо можно было производить тамъ всякія починки, но и вновь строить небольшія суда, и чтобы въ тамошнихъ портахъ какъ килевать суда, такъ и мачты на нихъ перемѣнять можно было.

6) Матеріалы, для сего нужные, требовать вы можете по удобности изъ Черноморскаго Адмиралтейства, о чемъ къ тамошнему главному командиру адмиралу маркизу де-Траверсе отъ меня и писано; какихъ же бы оттуда получать вы не могли о тѣхъ изволите относиться ко мнѣ.

7) Впрочемъ, вы не оставите развѣдать и обстоятельно узнать, какими пособіями изъ окрестныхъ мѣстъ и ближайшихъ острововъ, въ разсужденіи продовольствія служителей, или снабженія Адмиралтейства и судовъ, заимствоваться можно, и меня о томъ увѣдомить.

8) Примите также въ особенное вниманіе ваше приведеніе въ исполненіе предположенія о комплектованіи войскъ и судовъ тамошними жителями и всѣ получаемыя вами о томъ свѣдѣнія и мнѣнія ваши извольте доставлять прямо ко мнѣ.

9) Какъ обстоятельства требовать иногда будутъ отсутствія вашего изъ Корфу, въ каковомъ случаѣ команда послѣ васъ принадлежать должна по старшинству капитанъ-командору Сорокину, и какъ сіи ваши отлучки могутъ случаться нерѣдко, то я предполагаю за лучшее, чтобы ваше превосходительство оставили его непремѣннымъ командиромъ надъ портомъ подъ вѣдомствомъ вашимъ.

10) При отбытіи же вашемъ изъ Корфу, вы не оставите снабдить его полною инструкціею не только въ отношеніи соблюденія должнаго порядка по воинской части, но и въ разсужденіи всего того, что до безопасности и благоустройства тамошняго порта и до сношеній съ тамошними жителями относиться можетъ.

11) По отбытіи изъ Корфу генералъ-маіора Анрепа, находящійся при немъ надворный совѣтникъ Боголюбовъ, который будетъ уже ему ненуженъ, останется при вашемъ превосходительствѣ, который по тѣмъ же предметамъ и вами употребляемъ быть можетъ, равно есть-ли усмотрѣны вами будутъ и другіе способные къ тому чиновники изъ находящихся при генералъ-маіорѣ Анрепѣ, и онъ не будетъ уже имѣть въ нихъ нужды, то вы и ихъ отъ него потребовать можете.

12) Наконецъ, долгомъ вашимъ будетъ обо всемъ, что теперь или впослѣдствіи происходить, или предполагаться будетъ, увѣдомлять меня подробно на основаніи даннаго вамъ предписанія.

Впрочемъ, опытность ваша и искуство въ отправленіи дѣлъ службы, соединенныя съ свойственными вамъ благоразумiемъ и прозорливостію, даютъ мнѣ все право ожидать, что ваше превосходительство исполните всѣ сіи порученія къ совершенному удовольствію начальства и Его Императорскаго Величества, возлагающаго на васъ свою довѣренность въ той важной экспедиціи».

С.-Петербургъ. Февраля 9 дня
1805 года.

Съ особеннымъ, свойственнымъ ему, тактомъ и дальновидностью выполнялъ онъ данную ему инструкцію и въ нѣсколько мѣсяцевъ пріобрѣлъ общее расположеніе какъ своихъ, такъ и иностранцевъ. Предѣлы этого очерка не позволяютъ мнѣ вмѣстить нѣсколько десятковъ писемъ, относящихся къ этому времени, сохранившихся въ семейныхъ бумагахъ, которые могутъ послужить будущему историку этой кампаніи. Между ними замѣчательно письмо знаменитаго

Нельсона, писанное оставшеюся у него лѣвою рукою, гдѣ морской герой Англіи говоритъ съ особымъ уваженіемъ о славѣ отца и весьма лестно отзывается о заслугахъ сына. Корабли были исправлены, снабжены всѣмъ необходимымъ и готовы ко всякаго рода предпріятіямъ, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ русская эскадра съ десантомъ дивизіи, подъ начальствомъ Анрепа, соединясь съ англійскимъ флотомъ, имѣвшимъ также десантныя сухопутныя войска, высадилась въ Неаполѣ, гдѣ оставалась до половины января 1806 года, когда войска наши, уступая превосходству французскихъ силъ подъ предводительствомъ Массены, были взяты на суда,а эскадра пошла въ Корфу, гдѣ, въ концѣ января, поступила въ командованіе вице-адмирала Сенявина, прибывшаго изъ Кронштадта съ новымъ отрядомъ изъ 5 кораблей, 1 фрегата и 2 бриговъ, и назначеннаго главнокомандующимъ всѣми русскими военными силами въ Средиземномъ морѣ, какъ морскими такъ и сухопутными, вмѣсто отозваннаго въ Россію генерала Ласси.

Въ одномъ изъ первыхъ своихъ приказовъ Сенявинъ благодаритъ Грейга за всѣ его распоряженія и вслѣдъ за этимъ торопится письменно поздравить его съ производствомъ въ контръ-адмиралы, послѣдовавшимъ 7 декабря 1805 года.

Здѣсь, конечно, не мѣсто описывать всю знаменитую сенявинскую кампанію, которая принадлежитъ къ числу славнѣйшихъ эпохъ русскаго флота, принимавшаго такое дѣятельное участіе въ ходѣ политическихъ событій. Исторія несомнѣнно достойно оцѣнитъ славнаго адмирала Дмитрія Николаевича, попеременно дѣлавшагося то дипломатомъ, то администраторомъ, то предводителемъ войскъ, то невольною главою возстанія славянскихъ племенъ, благоговѣвшихъ предъ его именемъ и видѣвшихъ въ немъ своего спасителя. Съ геройскимъ хладнокровіемъ водилъ онъ лично войска у Кастель-Нуово и Тенедоса, мужественно врѣзывался въ непріятельскій флотъ у Дарданеллъ и Аѳонской Горы и столь же доблестно бралъ на себя громадную, безпримѣрную отвѣтственность, не сдавая Боко-ди-Каттаро, въ противность полученному повелѣнію; это высокое гражданское мужество, какъ и всегда, было вполнѣ вознаграждено послѣдующими событіями, вслѣдствіе отмѣнен-

ныхъ приказаній. Но такъ какъ Алексѣй Самуиловичъ всюду и вездѣ является какъ ближайшій его сотрудникъ, которому Сенявинъ съ неограниченнымъ довѣріемъ поручаетъ важнѣйшія обязанности, то мы пройдемъ хотя поверхностно всѣ главнѣйшія событія, и чтобы пояснить существовавшія между ними отношенія, приведемъ нѣсколько собственноручныхъ писемъ Дм. Н. Сенявина.

«Милостивый государь мой Алексѣй Самойловичъ!

«Госпиталь морской на фрегатѣ видѣлъ я въ наилучшемъ устройствѣ и совершенномъ порядкѣ, что относится, конечно, извѣстному вашего превосходительства усердію, какъ на пользу службы Его Императорскаго Величества, такъ и чувствительнѣйшимъ соболѣзнованіямъ вашимъ къ страждующимъ; я въ чаяніи, что вашему превосходительству будетъ не непріятно продолжать таковыя полезнѣйшія попеченія ваши, предоставляю оную госпиталь въ совершенное ваше распоряженіе и тѣмъ не лишите меня наипріятнѣйшихъ случаевъ отдавать вамъ, милостивый государь мой, должную справедливость, почитая всегда моею обязанностью.

Впрочемъ, имѣю честь пребыть наивсегда съ совершеннымъ почитаніемъ и искреннею преданностью, милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Дмитрій Сенявинъ. 5 февраля 1806 года».

«Милостивый государь мой Алексѣй Самойловичъ!

«Примите, ваше превосходительство, совершенную мою благодарность за всѣ ваши распоряженія въ Корфу и увѣдомленія меня; по чести вамъ скажу, что я отъ стороны сей имѣю великое облегченіе при недостаткахъ моихъ. Андрей Яковлевичъ Италинской пишетъ мнѣ отъ 14 (26) сентября, что дѣла наши съ Портою приняли такой оборотъ, который, вѣроятно, побудитъ его оставить Константинополь. Я прошу вашего превосходительства сохранять сіе предварительное извѣщеніе покуда въ тайнѣ. Если же отъѣздъ его долженъ воспослѣдовать непремѣнно, то онъ еще благовременно увѣдомитъ меня. Итакъ, буде бы случится разрывъ дружбы нашей съ Портою и хотя бы турки вышли на насъ, то тогда только мнѣ и нужно, чтобъ ваше превосходительство съ кораблемъ

«Ретвизанъ» прибыли сюда чѣмъ скорѣе; впрочемъ, все будетъ хорошо; турки къ Корфу, а Корфу за себя постоитъ, между тѣмъ мы, собравшись всѣ, на нихъ ударимъ и тогда что Богъ дастъ!

Здѣсь начались уже дожди и съ недѣлю продолжались проливные; сегодня только погода разгулялась немного. Жители завѣряютъ будто скоро послѣдуютъ за симъ стужи и временно со снѣгомъ. Есть надежда скоро прекратится все потому здѣсь военные такъ сулятъ.

Имѣю честь быть навсегда съ особеннымъ почтеніемъ и преданностью моею, Милостивый государь мой, вашего превосходительства Д. Сенявинъ. 10 октября 1806 года».

И дѣйствительно, много было дѣла энергическому, кипучему начальнику и флоту, который употреблялся всюду и для котораго не было невозможнаго. Онъ свозилъ десанты, бралъ укрѣпленія, штурмовалъ крѣпкія позиціи, держалъ крейсерство отъ Тріеста до Константинополя и въ самое бурное время блокировалъ порты.

Флотъ Сенявина состоялъ изъ 10 кораблей, 5 фрегатовъ, 6 корветовъ, 7 бриговъ, 12 канонерскихъ лодокъ, 2 шебекъ 2 корветовъ (взятыхъ у французовъ); на нихъ было 1154 орудія, 7908 матросовъ и 13 000 сухопутныхъ войскъ (15 дивизіи Анрепа вмѣстѣ съ албанскимъ баталіономъ суліотовъ).

Положеніе Сенявина было крайне неопредѣленно и затруднительно, по безпрестанно мѣнявшимся политическимъ обстоятельствамъ, вслѣдствіе которыхъ враги дѣлались союзниками, а друзья становились во враждебное положеніе. Личному мужеству, благоразумію и находчивости, онъ обязанъ быстрымъ своимъ успѣхамъ, съ самыми незначительными потерями.

Понимая важность сохраненія Іоническихъ острововъ, онъ занимаетъ область Боко-ди-Каттаро, вытѣсняетъ французовъ съ острова Лиссы, дважды овладѣваетъ островомъ Курцола, освобождаетъ русскія купеческія суда, задержанныя Австріею по договору съ Франціею, штурмуетъ неприступную высоту, командующую Новою Рагузою и выбиваетъ французскія войска Лористона, готовится захватить самую Рагузу, получаетъ повелѣніе сдать область, но

удерживаетъ за собою до разъясненія обстоятельствъ и борется съ успѣхомъ съ Мармономъ, который, несмотря на грозныя приказанія Наполеона выбить русскихъ изъ Каттаро, не имѣлъ успѣха до самаго парижскаго договора.

Узнавъ, 10 декабря 1806 г., о разрывѣ съ Турціею и непріязненныхъ дѣйствіяхъ янинскаго паши, онъ спѣшитъ къ Корфу, гдѣ получаетъ приказаніе идти въ Архипелагъ. Появленіе флота его у острова Идры сильно взволновало грековъ, ожидавшихъ только благопріятной минуты, чтобы сбросить иго турокъ, но Сенявинъ умѣлъ ихъ удержать въ предѣлахъ благоразумія и только около 20 судовъ принялъ на службу при своемъ флотѣ.

Въ это время англійская эскадра, подъ начальствомъ вице-адмирала Дукворта, назначенная содѣйствовать русскому флоту, прорвалась въ Дарданеллы. Эскадра эта, состоявшая изъ 7 кораблей, 3 фрегатовъ, 2 бомбардирскихъ судовъ, прошла проливъ, бросила якорь у Принцевыхъ острововъ, въ безплодныхъ переговорахъ простояла 10 дней и ушла, не получивъ никакого удовлетворенія, на заявленныя ею условія, потерявъ болѣе 1000 человѣкъ убитыми и ранеными. Вотъ результатъ нерѣшительности въ критическія минуты, и когда фактъ совершится, тогда только становится яснымъ значеніе военнаго генія, который умѣетъ вдохнуть въ подчиненныхъ и силу и увѣренность въ побѣдѣ. Замѣните Дукворта Нельсономъ, то или Константинополь со всѣмъ флотомъ былъ бы сожженъ, или условія были бы приняты, т. е. французскій посолъ Себастіани выѣхалъ бы изъ Константинополя, Молдавія и Валахія были-бы уступлены Россіи, а турецкій флотъ сданъ англійскому. Для подтвержденія моихъ словъ, стоитъ только вспомнить положеніе Нельсона въ Копенгагенѣ, когда онъ съ разбитыми своими кораблями ослушивается сигнала главнокомандующаго Паркера и предписываетъ энергическія условія Крон-принцу. Апатичная 10-ти дневная стоянка привела къ тому, что можно было отъ нея ожидать, то есть къ безплодной напрасной потерѣ 1000 человѣкъ и къ униженію достоинства своего флага. Когда Сенявинъ сошелся у Тенедоса съ Дуквортомъ и предложилъ

*

ему снова соединенно идти къ Константинополю, то онъ отказался и писалъ къ Колингвуду, что онъ едва вышелъ изъ пролива. Тогда Сенявинъ просилъ у него въ помощь только два корабля и два бомбардирскія судна, но и въ этомъ получилъ отказъ. 1 марта Дуквортъ ушелъ, а Сенявинъ рѣшился держать Константинополь въ тѣсной блокадѣ, и для выполненія этого плана первымъ средствомъ ему представившимся было завладѣніе островомъ Тенедосомъ, чтобы имѣть вблизи якорное убѣжище и мѣсто для освѣженія команды.

Онъ потребовалъ сдачи Тенедоса, но получилъ отказъ. Переговоры поручены были контръ-адмиралу Грейгу и вотъ что писалъ Сенявинъ ему отъ 3 марта 1807 года.

«Милостивый государь мой Алексѣй Самойловичъ.

«Внушенія ваши, сдѣланныя Агѣ турецкому весьма благоразумны, что ихъ правленіе обмануто французами и что, конечно, противъ желанія всей почти націи турецкой вовлечены они въ войну съ нами; если удастся склонить вамъ Агу получить воду безпрепятственно, тогда можно будетъ обойдтись съ нимъ безъ всякой ссоры, а потомъ, ознакомившись хорошо, можно будетъ взять иныя мѣры. Если же откажетъ, тогда неминуемо приступимъ брать силою. Я думаю, всего лучше корабли отвести отъ крѣпости и дать имъ дорогу къ побѣгу, а потомъ сдѣлать десантъ; можетъ быть, они разсудятъ тогда сами оставить островъ, а корабли ставить къ крѣпости мнѣ не хочется и 10 пушекъ противъ корабля съ берегу не шутка. Ваше превосходительство весьма хорошо изволили сдѣлать, что не позволили Агѣ имѣть сношеніе съ матерымъ берегомъ; конечно, одна только проволочка, ибо и въ пять дней не получитъ онъ рѣшенія изъ Дарданеллъ. Усердіе господина Синадораки, приверженность вашего лоцмана я никакъ не забуду и изъявлю имъ на прямомъ дѣлѣ признательность мою. Благодарю ваше превосходительство всепокорнѣйше за всѣ прочія увѣдомленія ваши. Судно австрійское призадержите я прикажу высмотрѣть его хорошо. Посылаю къ вамъ Даніила Ивановича и прошу васъ сообщить ему мысли ваши, какимъ образомъ присту-

пить и произвесть атаку, буде турки вынудятъ насъ къ тому. Я вамъ есть и всегда пребуду съ истиннымъ почтеніемъ моимъ и преданностію. Милостивый государь мой, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Дмитрій Сенявинъ».

Оставя 2 корабля у Дарданеллъ, съ прочими 6 кор. и фрег. «Венусъ», 6 марта Сенявинъ пришелъ къ Тенедосу, 8 открылъ огонь по крѣпости и свезъ десантъ въ двухъ колоннахъ.

Первую колонну изъ 950 чел. съ 4 пушками велъ контръ-адмиралъ Грейгъ, а вторую изъ 600 чел. съ 4 пушками и 6 фалконетами — самъ главнокомандующій; сто албанскихъ стрѣлковъ и охотники изъ солдатъ и матросовъ предшествовали колоннамъ. Скоро взяты были шанцы на высотахъ передъ крѣпостью, а вслѣдъ за тѣмъ войска ворвались и въ самую крѣпость и комендантъ сдался на предложенную ему капитуляцію. Марта 10 гарнизонъ въ числѣ 1200 человѣкъ а равно и многіе изъ пожелавшихъ жителей перевезены были на анатольскій берегъ. Мы имѣли 4 убитыхъ и 86 раненыхъ; турки потеряли вчетверо; трофеями нашими были 5 знаменъ, 79 пушекъ въ томъ числѣ 48 мѣдныхъ, 3 мортиры и большой запасъ снарядовъ.

10 же марта Сенявинъ письмомъ поздравилъ Грейга со взятіемъ Тенедоса. Укрѣпленія Тенедоса тотчасъ приведены были въ возможно лучшее состояніе, для отраженія внезапнаго нападенія.

8 мая турецкій флотъ изъ 4 кораблей (1—120 пушечн. и 3—80 п.), 6 фрегатовъ, 5 мелкихъ судовъ и 50 канонерскихъ лодокъ, предводимый храбрымъ Саидъ-Али, вышелъ изъ Дарданеллъ съ намѣреніемъ освободить Тенедосъ. Сенявинъ, желая отвлечь непріятеля далѣе отъ пролива, отошелъ къ острову Имбро. Турки сдѣлали вылазку на Тенедосъ, но были опрокинуты русскимъ гарнизономъ съ потерею до 300 человѣкъ. На другой день Сенявинъ стоялъ у Тенедоса, а Саидъ-Али у входа въ Дарданеллы. 10 мая дулъ сѣверовосточный вѣтеръ, самый удобный для нападенія на насъ, но нападенія однако не было. Въ 2 часа вѣтеръ перешелъ къ юго-западу и черезъ полчаса нашъ флотъ былъ

подъ парусами; 10 кораблей шли въ линіи баталіи, имѣя фрегатъ «Венусъ» впереди. Турки, увидя движеніе нашего флота, тотчасъ же снялись съ якорей и пошли въ проливъ. Въ 7 часовъ вечера передовые наши корабли завязали дѣло, продолжавшееся 2 часа до наступленія темноты, которая перемѣшала сражающихся, поражаемыхъ безразлично съ дарданельскихъ замковъ, что, конечно, было для насъ выгодно. Сдѣлавшійся штиль сблизилъ наши корабли къ Европейскому берегу, такъ что по нимъ открыли ружейный огонь; во второмъ часу ночи теченіемъ ихъ вынесло изъ пролива и они стали на якорь. Съ разсвѣтомъ увидѣли 3 турецкіе корабля на мели у азіатскаго берега, а другіе три подъ парусами въ проливѣ. Тотчасъ же контръ-адмиралу Грейгу было приказано атаковать ихъ 4 кораблями и фрегатомъ. Южный вѣтеръ помогъ ему скоро приблизиться къ непріятелю и открыть огонь, но турки почти не отвѣчали, стараясь только убѣгать, при чемъ 2 корабля стали на мель. Вѣтеръ стихъ, теченіе усилилось, а потому сигналомъ приказано было прекратить погоню и возвратиться къ флоту. Въ сраженіи у Дарданеллъ мы лишились 28 убитыхъ и 56 раненыхъ. Между убитыми былъ третій флагманъ, капитанъ-командоръ Игнатьевъ. Турки потеряли около 2000 человѣкъ и 3 корабля ихъ не годились болѣе для службы.

Итакъ, турецкій флотъ не возвратилъ Тенедоса и былъ прогнанъ въ Дарданеллы, которыя содержались въ такой строгой блокадѣ, что въ Константинополѣ открылся голодъ, который породилъ мятежъ и султанъ Селимъ былъ свергнутъ съ престола.

Въ началѣ іюня контръ-адмиралу Грейгу поручено было взять о-въ Лемносъ, и только-что онъ высадилъ десантъ на островъ и овладѣлъ имъ, какъ получилъ приказаніе взять обратно десантъ и присоединиться къ флоту, по случаю извѣстія о приготовленіяхъ турокъ ко вторичному выходу въ море. Чрезъ нѣсколько дней Алексѣй Самуиловичъ былъ посланъ съ кораблемъ «Ретвизанъ» и фрегатомъ «Венусъ» атаковать городъ Салонику, но едва прибылъ въ заливъ и

сдѣлалъ распоряженіе объ атакѣ, какъ получилъ повелѣніе вновь соединиться со флотомъ.

10 іюня показался турецкій флотъ въ числѣ 10 кораблей, 9 фрегатовъ и 1 брига, подъ начальствомъ того же капитанъ-паши, которому было приказано, во чтобы то ни стало, снять блокаду съ пролива и освободить Тенедосъ. Онъ направился къ этому острову и высадилъ сильный отрядъ 5 т. войска, который приступилъ тотчасъ же къ осадѣ крѣпости. Два раза турки рѣшались штурмовать и 2 раза были отбиваемы отважнымъ гарнизономъ. Между тѣмъ турецкій флотъ съ разсвѣтомъ 19 іюля былъ усмотрѣнъ на якорѣ за островомъ Лемносъ и здѣсь произошло морское сраженіе. Вѣтеръ былъ ONO; непріятель, увидавъ нашъ флотъ, вступилъ подъ паруса и, построясь на N, шелъ по направленію къ Аѳонской горѣ. Въ началѣ 9 часа турки открыли огонь, когда нашъ флотъ стройно на нихъ спускался, слѣдуя инструкціи, предписывавшей нападать вдвоемъ на каждый изъ адмиральскихъ кораблей, составлявшихъ кордебаталію. Корабли «Ретвизанъ» и «Елена», подъ начальствомъ контръ-адмирала Грейга, атаковали авангардію; около часу времени Сенявинъ съ 2 кораблями выжидалъ въ резервѣ рѣшительной минуты и, наконецъ, бросился на передовой корабль, выбилъ его, и тѣмъ разстроилъ всю линію. Несмотря на отчаянное сопротивленіе турокъ, мы скоро начали брать перевѣсъ мѣткостію артиллеріи и нѣсколько турецкихъ кораблей сильно обитые, стали спускаться къ Аѳонской горѣ. Корабль «Твердый», подъ флагомъ Сенявина былъ дважды атакованъ непріятелемъ на пистолетный выстрѣлъ и сражался противъ 3 кораблей и одного фрегата. Сраженіе было упорно и продолжалось 4 часа; поврежденія съ обѣихъ сторонъ были значительныя, а какъ вѣтеръ стихъ, то флоты разошлись, чтобы осмотрѣться и исправить поврежденія, хотя нѣкоторыя исправленія производились подъ картечнымъ огнемъ, какъ наприм. корабль «Селафаилъ» (капитанъ Рожновъ) перемѣнилъ марса-рею въ пылу сраженія, что можетъ служить вѣрною оцѣнкою дисциплины и боеваго духа, существовавшихъ на нашемъ флотѣ. Корабль «Рафаилъ», несмотря на смерть своего храбраго

капитана Лукина (извѣстнаго своею необыкновенною силою) обитый и упавшій подъ вѣтеръ, снова вступилъ въ линію и дрался на оба борта.

Одинъ изъ турецкихъ кораблей потерялъ всѣ реи и паруса и остался съ однѣми мачтами, а потому его вели на буксирѣ. Въ 6 часовъ велѣно было сигналомъ отрѣзать задніе непріятельскіе корабли и Рожновъ на «Селафаилѣ» успѣлъ догнать обитый турецкій корабль, тогда суда, его буксировавшія, бросили и этотъ 84 п. корабль, бывшій подъ адмиральскимъ флагомъ капитанъ-бея, взятъ въ плѣнъ. Этимъ кончилась аѳонская битва. Корабль и 2 фрегата турецкіе не успѣли обойдти, 20 іюня, мыса и остались въ заливѣ Монте-Санто и тогда контръ-адмиралъ Грейгъ посланъ былъ преслѣдовать ихъ. Турки, увидѣвъ рѣшительность его дѣйствій, поставили суда свои на мель и, съѣхавъ на берегъ, сожгли ихъ. Кромѣ этихъ 3 судовъ, турки сожгли еще корабль и фрегатъ у о-ва Тассо и 2 ихъ фрегата потонули у о-ва Самондраки. Итакъ, изъ 20 судовъ, вышедшихъ изъ пролива, 10 іюня, воротились 26 іюня, только 12. Убитыхъ и раненыхъ на турецкомъ флотѣ было весьма много; на кораблѣ, взятомъ въ плѣнъ убито 230 чел. и ранено 160, на кораблѣ капитанъ-паши убитыхъ и раненыхъ было до 500 человѣкъ. Надобно отдать справедливость туркамъ, что они въ этомъ сраженіи защищались храбро и не спускали флаговъ, и мы взяли у нихъ одинъ только корабль, немогшій защищаться; но, несмотря на это, многіе изъ капитановъ казнены, за то, что возвратились живыми. У насъ было убитыхъ 77, раненыхъ 190; у насъ было 754 орудія, а у турокъ 1196.

Послѣ этого сраженія Сенявинъ пошелъ къ Тенедосу, все еще державшемуся, несмотря на превосходство силъ непріятеля. Тогда было приступлено къ переговорамъ и отрядъ турецкихъ войскъ въ 5000 челов. перевезенъ былъ 28 іюня на анатольскій берегъ; 24 іюля гарнизонъ нашъ взятъ на суда, а укрѣпленія взорваны на воздухъ.

Вскорѣ Сенявинъ соединясь съ главнокомандующимъ англійскимъ флотомъ адмираломъ Колингвудомъ, ходилъ къ Дарданелламъ. Въ соединенномъ крейсерствѣ и блокадѣ

между русскимъ и англійскимъ флотомъ происходили недоразумѣнія, которыя приводили иногда къ нѣкоторому недовѣрію, что можно вывести изъ слѣдующихъ двухъ секретныхъ инструкцій адмирала Сенявина.

«Господину контръ-адмиралу и кавалеру Грейгу.

«Командиръ англійскаго корабля *Кентъ* г. капитанъ Роджерсъ, прибывъ сюда, увѣдомилъ меня при первомъ свиданіи, что онъ присланъ ко мнѣ изъ числа нѣкотораго отдѣленія англійскихъ кораблей состоящихъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Мартына, назначеннаго сюда для содѣйствія со мною противъ общаго непріятеля нашего. На третій день онъ, г. Роджерсъ, испросилъ мое согласіе, дабы отправиться ему съ однимъ бригомъ къ острову Имбро и потомъ занять постъ между онымъ и европейскимъ берегомъ, обѣщавъ притомъ увѣдомлять меня по всѣмъ случаямъ, заслуживающимъ вниманія моего. Нынѣ дошло до свѣдѣнія моего, что г. Роджерсъ имѣлъ съ турками сношеніе, а сегодня узналъ я, что турки учредили съ нимъ сигналъ для переговоровъ; увѣдомленія жъ отъ него по предмету сему не имѣю я никакого. Разсуждая, что таковое поведеніе англійскаго капитана можетъ быть предосудительно пользѣ службы Всеавгустѣйшаго Государя нашего, предлагаю вашему перевосходительству отправиться немедленно съ кораблями «Ретвизанъ», «Селафаилъ», «Сильный» и шлюпомъ «Шпицъ-Бергенъ» къ мѣсту его пребыванія, и при первомъ сношеніи съ нимъ дайте ему выразумѣть, что молчаливость, наблюдаемая имъ противъ меня, относительно сношенія его съ турками, тѣмъ болѣе меня удивляетъ, что оная совсѣмъ не сообразна съ тою откровенностью, которая существовать должна между тѣсными союзниками, а равномѣрно и съ собственными выраженіями его на свиданіи со мною; въ одно время ваше превосходительство можете примѣтить капитану Роджерсу, что я имѣю неоспоримое право требовать полнаго свѣдѣнія въ разсужденіи сообщенія его съ турками, что потому желательно, чтобы при всякомъ свиданіи ихъ съ оными находился одинъ изъ офицеровъ нашихъ и, наконецъ, объявить ему, что мы, съ нашей стороны, готовы оказывать ему полное довѣріе во всемъ томъ, что

между нами и турками происходить будетъ. Буде бы капитанъ Роджерсъ не показалъ бы вамъ ни малой наклонности къ удовлетворенію справедливаго нашего требованія, въ такомъ случаѣ ваше превосходительство имѣете объявить ему о данномъ вамъ приказаніи не пропускать въ Дарданеллы никакого судна, подъ какимъ бы флагомъ ни было, безъ особливаго на то отъ меня позволенія, и въ случаѣ ослушанія со стороны капитана Роджерса, предписываю вамъ употребить силу противъ силы. Впрочемъ при всякомъ случаѣ имѣете, ваше превосходительство обходиться съ ними сколько можно вѣжливѣе и снисходительнѣе. № 776. Іюля 8 дня 1807 г. Корабль «Твердый», при островѣ Тенедосѣ».

«Господину контръ-адмиралу и кавалеру Грейгу.

«Капитанъ Роджерсъ, по возвращеніи своемъ отъ устья Дарданеллъ, сообщилъ мнѣ о поводахъ сношенія его съ турками, что и побуждаетъ меня вовсе отмѣнить данное предъ симъ вашему превосходительству секретное предписаніе подъ № 776, но такъ какъ корабль *Кентъ* вторично отправляется къ Дарданелламъ, имѣя, вѣроятно, въ предметѣ вторичныя съ турками сношенія, то и почитаю я нужнымъ поручить вамъ токмо имѣть бдительный надзоръ за всѣми подвигами капитана Роджерса и мнѣ исправно доносить о всемъ томъ, что по сему предмету до свѣдѣнія вашего превосходительства доходить будетъ. № 804. Іюля 11 дня 1807 г. Корабль «Твердый», при островѣ Тенедосѣ».

23 августа Сенявинъ, получивъ приказаніе возвратиться въ Россію, прибылъ въ Корфу; 19 сентября вышелъ оттуда и 1 ноября пришелъ въ Лиссабонъ, гдѣ суда были сданы англійскому правительству на сохраненіе, а команда возвратилась въ Россію. Такъ окончилась эта кампанія; за нея контръ-адмиралъ Грейгъ получилъ орденъ св. Анны 1 степени.

Тутъ наступаютъ для него 4 года бездѣйствія. Въ Лиссабонѣ онъ получилъ разрѣшеніе отправиться въ С.-Петербургъ, а потомъ въ Москву, гдѣ и находился по 1812 г. Въ этомъ году 17 апрѣля онъ отправился при адмиралѣ Чичаговѣ, назначенномъ Главнокомандующимъ молдавскою ар-

міею и Черноморскимъ флотомъ. Пользуясь особеннымъ его довѣріемъ, онъ имѣлъ весьма важныя порученія въ Константинополь, Мальту, Сицилію, Англію. Въ формулярномъ спискѣ говорится о дипломатическомъ порученіи по Высочайшему повелѣнію, чтобы согласить южныя державы, соединиться съ Россіею противъ Франціи. Въ семейныхъ бумагахъ сохранилось относящееся къ этому времени собственноручное письмо извѣстной королевы неаполитанской Каролины, въ которомъ она *умоляетъ* адмирала употребить свое вліяніе для возстановленія королевскаго дома въ отторгнутыхъ у него владѣніяхъ. Въ январѣ 1813 года адмиралъ Грейгъ отправился въ Петербургъ и оттуда въ главную квартиру Его Императорскаго Величества въ Калишъ, гдѣ Высочайше поручено ему было наблюдать за судами, въ непріятельскихъ портахъ находящимися, по мѣрѣ занятія ихъ нашими войсками, и опредѣлять какія изъ нихъ считать призами и какія освобождать. Вслѣдъ за этимъ Алексѣй Самуиловичъ назначенъ главнымъ начальникомъ всей гребной флотиліи и парусныхъ судовъ при блокадѣ и осадѣ Данцига. 21, 23 августа и 4 сентября атаковывалъ, по приказанію герцога виртембергскаго, непріятельскія укрѣпленія. 20 октября отправился съ флотиліею въ Кенигсбергъ, гдѣ находился по 23 января и, по окончаніи военныхъ дѣйствій, возвратился въ С.-Петербургъ, сдавъ командованіе контръ-адмиралу графу Гейдену.

За дѣйствія противъ непріятельскихъ береговыхъ укрѣпленій Алексѣй Самуиловичъ награжденъ орденомъ Владиміра 2 степени, а за отличіе при блокадѣ и осадѣ Данцига, гдѣ командовалъ батареями, управляемыми флотскими офицерами и командами, произведенъ въ вице-адмиралы.

1816 года 2 марта онъ назначенъ главнымъ командиромъ черноморскаго флота и портовъ и николаевскимъ и севастопольскимъ военнымъ губернаторомъ.

Жизнь человѣка находится въ такой тѣсной связи съ окружающею его средою, обществомъ, обстоятельствами, что, разсматривая одну, невозможно не касаться другихъ. Изъ

выясненія обстоятельствъ можно сказать, что могъ сдѣлать человѣкъ и что было ему невозможно.

Великіе умы прежнихъ вѣковъ, могучіе двигатели цивилизаціи, знали менѣе того, что могутъ знать наши юноши— такова судьба человѣчества, двигающагося руководящею его силою къ свѣту и истинѣ. Конечно, случалось не разъ, что оно принимало вмѣсто истиннаго свѣта блуждающіе огоньки, какъ бы въ силу общечеловѣческаго закона—ошибаться, но потомъ возвращалось снова на настоящій путь, къ настоящему своему руслу и подходило къ тому океану познаній, на берегу котораго, по выраженію великаго Ньютона, онъ успѣлъ собрать только камешки.. Нашимъ потомкамъ покажется страннымъ и ничтожнымъ рѣшеніе задачъ, надъ которыми мы ломаемъ голову, тогда какъ имъ онѣ представятся простыми и понятными.

Въ силу этихъ обстоятельствъ Алексѣй Самуиловичъ съ первой минуты рожденія окруженъ былъ самыми выгодными условіями. За отцомъ его, адмираломъ Самуиломъ Карловичемъ были важныя государственныя заслуги и Великая Екатерина, умѣя чтить ихъ, съ великодушіемъ, ей свойственнымъ, ознаменовываетъ рожденіе сына особенною наградою.

Первою заботою отца было сдѣлать его достойнымъ той карьеры, которую ему назначила Великая Монархиня и онъ дважды при жизни его, посылается въ Англію, какъ страну, которая тогда считалась по всей справедливости разсадникомъ морскаго образованія. Когда онъ возвратился изъ плаванія въ Остъ-Индію и Китай, онъ не засталъ уже своего отца въ живыхъ, и тогда Императрица сама заботится докончить образованіе своего питомца и избранника и отправляетъ его въ третій разъ въ Англію, а по возвращеніи оттуда поручаетъ его даровитому, блестяще-образованному, капитанъ-командору Павлу Васильевичу Чичагову. Десятилѣтніе нравственные труды и почти непрерывныя плаванія не напрасны; при первомъ представившемся случаѣ онъ распоряжается, какъ вполнѣ опытный и знающій офицеръ, при крушеніи фрегата «Михаилъ». Репутація его сдѣлана и онъ 23 лѣтъ отъ роду, съ достоинствомъ принимаетъ корабль «Ретвизанъ»

и поступаетъ въ эскадру адмирала Макарова, назначенную въ двухлѣтнее плаваніе къ берегамъ Англіи. Итакъ, заботливое воспитаніе окончено, морская опытность въ суровыхъ плаваніяхъ пріобрѣтена, ему открывается новое поприще—война и онъ не замедлилъ отличиться. При взятіи Гельдерской крѣпости онъ беретъ голландскій корабль и дѣлается георгіевскимъ кавалеромъ, какъ мы видѣли, по иниціативѣ самого Императора Александра.

Блестящія дарованія, обширныя и разностороннія знанія, почетное мѣсто, пріобрѣтенное имъ на флотѣ, невольно обращаютъ на него вниманіе. Ему поручаютъ улучшеніе главнаго порта имперіи и онъ, единственный изъ всего флота и вмѣстѣ самый юный капитанъ, избирается въ комитетъ заслуженныхъ адмираловъ, который долженъ привести русскій флотъ, по словамъ рескрипта, изъ мнимаго существованія въ подлинное бытіе. Наконецъ, онъ получаетъ эскадру, назначенную въ Средиземное море, съ такимъ важнымъ политическимъ значеніемъ. Въ свое время мы уже говорили съ какимъ достоинствомъ и успѣхомъ онъ оправдалъ это довѣріе. Вскорѣ ходъ событій заставляетъ послать туда большую эскадру и дать начальнику ея обширное полномочіе и подчинить ему всѣ сухопутныя войска. Алексѣй Самуиловичъ остается первымъ помощникомъ главнокомандующаго, лучшимъ его совѣтникомъ, его другомъ, которому онъ пишетъ обо всемъ и всегда отдаетъ полную справедливость. Военные подвиги слѣдуютъ одинъ за другимъ; онъ въ передовой колоннѣ идетъ на приступъ Тенедоса, онъ преслѣдуетъ турецкіе корабли у Дарданеллъ, онъ схватывается съ авангардомъ у Аѳонской горы и онъ же заставляетъ непріятеля сжечь три корабля у Монте-Санто. Война открывается въ Балтійскомъ морѣ, и онъ начальникъ гребной флотиліи при блокадѣ и осадѣ Данцига, и снова побѣда вѣнчаетъ его храбрость и распорядительность. Вице-адмиральскій чинъ имъ взятъ съ боя; и когда этотъ молодой, полный силы, знаній и энергіи, вице-адмиралъ, получилъ такой важный, самостоятельный постъ, главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, то уже весь балтійскій флотъ зналъ и чтилъ

нимя Алексѣя Самуиловича Грейга и былъ увѣренъ, что обширное поле, ему предоставленное, откроетъ новыя и обширныя средства доказать, что славная Екатерина не даромъ пеклась о воспитаніи своего крестника, а Императоръ Александръ не напрасно украшалъ его Георгіемъ и такъ рано началъ давать важныя и знаменательныя порученія. Посмотримъ теперь, насколько онъ оправдалъ общія ожиданія, столь же справедливыя и подобныя тѣмъ, когда въ прекрасномъ климатѣ, на тщательно воздѣланной почвѣ будутъ посѣяны отборныя сѣмена.

II.

Бѣглый очеркъ основанія и первыхъ дѣйствій черноморскаго флота. Положеніе въ которомъ адмиралъ Грейгъ застаетъ управленіе черноморскимъ флотомъ. Его дѣятельность по всѣмъ частямъ управленія. Турецкая кампанія 1828 года. Покореніе Анапы и Варны. Кампанія 1829 года. Послѣдніе годы управленія и приготовленія къ кампаніи 1833 года. Выѣздъ изъ Николаева.

Прежде описанія вступленія вице-адмирала Грейга въ командованіе черноморскимъ флотомъ и портами, бросимъ краткій взглядъ на прошедшее.

Завѣтная мысль Великаго Петра—основать русскій флотъ въ Черномъ морѣ, исполнилась, какъ и многое изъ его предначертаній, въ царствованіе достойной его преемницы Екатерины Великой. Въ 1768 г., при открытіи первой турецкой войны вице-адмиралу Сенявину (Алекс. Ник.) велѣно было возобновить вновь Таганрогскій портъ, основанный Петромъ и уничтоженный по прутскому трактату и бѣлградскому договору и привести его въ такое состояніе, чтобы онъ могъ служить не только убѣжищемъ для судовъ, но и мѣстомъ для постройки ихъ. По заключеніи, въ 1774 г., кучукъ-кайнарджскаго мира, открывшаго свободное плаваніе русскимъ судамъ по Черному морю и выходъ изъ него въ Средиземное, приступлено было къ созданію военнаго флота на Черномъ морѣ. Въ 1775 и 78 годахъ послѣдовали повелѣнія объ устройствѣ гавани и верфи при устьѣ Днѣпра, и мѣсто это названо Херсономъ. Въ 1778 году заложены были крѣпость и верфь

въ Херсонѣ, и въ слѣдующемъ 1779 г. 16 сентября спущенъ первый корабль «Слава Екатерины», послѣ названный «Преображеніе Господне». Онъ былъ 66 пушечный и имѣлъ слѣдующія размѣренія: длина 160 ф., ширина 44, и углубленіе ахтерштевня 19 футъ. Въ 1783 г., по присоединеніи Крыма къ Россіи, учрежденъ Севастопольскій портъ, сдѣлавшійся потомъ главнымъ военнымъ портомъ Чернаго моря. Мелководіе при гирлахъ Днѣпра въ Херсонѣ, заставило искать другаго порта и по распоряженію князя Потемкина, бывшаго первымъ полномочнымъ начальникомъ Черноморскаго флота, основанъ портъ при сліяніи Буга съ Ингуломъ, подъ именемъ Николаева, 6 декабря 1789 г., въ память первой годовщины покоренія Очакова. Выгоды были несомнѣнны; суда могли выходить въ Черное море свободно безъ камелей, провіантъ и строительные матеріалы, удобно доставляться водяными сообщеніями какъ изъ внутреннихъ губерній, такъ и изъ за границы. Для надобностей порта князь Потемкинъ завелъ селенія адмиралтейскихъ мастеровыхъ: Богоявленское, Воскресенское, Покровское, Березнеговатое.

Первоначальные штаты черноморскаго адмиралтейства и флота утверждены въ 1785 г. По этимъ штатамъ положено имѣть въ Черномъ морѣ 12 кораблей, 20 фрегатовъ и до 23 мелкихъ судовъ. По окончаніи же въ 1791 г., второй турецкой войны и по заключеніи ясскаго договора, составъ флота увеличенъ до 15 кораблей, 18 фрегатовъ, 75 мелкихъ судовъ, 15 канонерскихъ лодокъ, 8 бригантинъ и разныхъ портовыхъ судовъ. Въ 1794 г. черноморское адмиралтейское управленіе поставлено въ независимое положеніе и адмиралтействъ коллегіи не подчинялось, будучи образовано по ея образцу, т. е. состояло изъ предсѣдателя, который былъ въ то же время главнокомандующимъ флотомъ и членовъ: вице-адмирала (заступавшаго въ отсутствіе мѣсто предсѣдателя), оберъ-штеръ-кригсъ-коммисара, оберъ-интенданта, цейхмейстера, казначея и контролера (которые были въ то же время начальниками экспедицій), прокурора и экзекутора.

По смерти Потемкина предсѣдателемъ въ черноморскомъ адмиралтейскомъ управленіи назначенъ былъ вице-адмиралъ

Мордвиновъ (Н. С. впослѣдствіи адмиралъ, графъ и членъ государственнаго совѣта). Въ 1796 г. главное управленіе изъ Херсона перешло въ Николаевъ и черноморское вѣдомство подчинено было генералъ-губернатору екатеринославскому, вознесенскому и таврическому, князю Зубову, на томъ же основаніи, какъ оно подчинялось князю Потемкину. Въ томъ же году по смерти Императрицы Екатерины, положеніе главнаго управленія измѣнилось и его привели въ зависимость отъ адмиралтействъ коллегіи, откуда оно начало получать и суммы, хотя при этомъ точно не опредѣлили взаимныхъ предѣловъ власти. Эта неопредѣленность продолжалась даже и послѣ штатовъ 1808 г., когда, по соглашенію съ главнымъ командиромъ Маркизомъ де-Траверсе сказано было, что власть надъ экспедиціями сосредоточивается въ лицѣ главнаго командира, который въ случаяхъ, превышающихъ ея предѣлы, относится къ министру морскихъ силъ, но тѣмъ не менѣе самые предѣлы положительнымъ закономъ не опредѣлены. При главномъ командирѣ положена была особая канцелярія, названная управленіемъ черноморскимъ департаментомъ.

По заключеніи бухарестскаго мира, въ 1812 году, содержалась постоянно отъ черноморскаго вѣдомства дунайская флотилія. Портовыя управленія сосредоточивались въ Николаевѣ, Херсонѣ и Севастополѣ, а Таганрогскій портъ въ 1816 году былъ вторично упраздненъ.

Маркизъ де-Траверсе, по болѣзни вице-адмирала Чичагова назначенъ былъ морскимъ министромъ въ 1809 г. и мѣсто его заступилъ вице-адмиралъ Языковъ, у котораго Алексѣй Самуиловичъ принялъ командованіе въ 1816 г.

Наполнивъ этимъ бѣглымъ поверхностнымъ очеркомъ сорока лѣтнее существованіе юнаго флота и различныя видоизмѣненія его управленія, я скажу, что флотъ этотъ въ краткій періодъ времени имѣлъ уже за собою громкія и славныя побѣды адмирала Ушакова (у Керченскаго пролива, у Тендры и у Каліакріи), который разнесъ извѣстность его по Черному и Средиземному морямъ. Одно имя его *паша-Ушакъ* наводило трепетъ на турокъ, почти не смѣвшихъ съ нимъ состязаться, а покореніе Корфу и освобожденіе Неаполя отъ

французовъ были такими блистательными подвигами, что даже самъ Нельсонъ *началъ завидовать и интриговать*. Но тѣмъ не менѣе должно сказать, что средства портовъ, вся матеріальная и техническая части, были въ младенческомъ положеніи. Приходилось строить корабли почти подъ выстрѣлами непріятеля и поспѣшно снаряжать для встрѣчи съ многочисленнымъ врагомъ, основывать города и верфи въ мѣстахъ пустынныхъ и безлѣсныхъ и создавать порта въ странѣ только что завоеванной и удаленной.

Для созданія черноморскаго флота и портовъ нужна была именно та могучая воля, та настойчивость и то обширное полномочіе, которыми владѣлъ основатель его, великолѣпный князь Тавриды. Въ Высочайшемъ рескриптѣ 13 августа 1785 г. сказано: «утвердивъ поданные отъ васъ штаты адмиралтейству и флоту нашимъ на Черномъ морѣ, по главному вашему начальству въ томъ краѣ, повелѣваемъ быть ему въ полномъ вѣдѣніи и управленіи вашемъ; но, по связи флотовъ нашихъ, вы имѣете въ узаконенное время доставлять надлежащіе рапорты и вѣдомости Генералъ-Адмиралу. Князю Потемкину предоставлено было право производить въ чины до капитана 2 ранга. Безлюдныя степи (говоритъ Скаловскій) огласились говоромъ нѣсколькихъ тысячъ работниковъ, призванныхъ изъ далекихъ губерній; огромные караваны изъ середины государства, съ строительными матеріалами неслись по теченію Днѣпра и Дона; тяжелые обозы тянулись по дурно устроеннымъ дорогамъ къ новымъ портовымъ городамъ—къ этому широко-раскинутому новоселью». Но не стало Потемкина и многія смѣлыя его начинанія и предначертанія (имѣть 20 линейныхъ кораблей, 20 фрегатовъ и т. д.) остановились и заглохли, и самобытная дѣятельность управленія, какъ уже мы видѣли, вскорѣ подчинена петербургской коллегіи. Военный духъ, энергію, увѣренность въ побѣдѣ, сохранялъ еще нѣсколько лѣтъ, избранный и угаданный княземъ Потемкинымъ, адмиралъ Ушаковъ, побѣждая съ флотомъ, состоявшимъ изъ кораблей старыхъ, гнилыхъ, неспособныхъ къ зимнему плаванію, не обшитыхъ мѣдью, и самыхъ плохихъ ходоковъ. Въ письмѣ своемъ, въ концѣ 1798 г.,

графу Кушелеву, онъ говоритъ такъ: «долгомъ моимъ поставляю донести, что корабли и фрегаты въ прошлую войну строились съ великою поспѣшностью, только чтобы поспѣвали въ военное дѣло; отъ такого поспѣшнаго построенія не такъ крѣпки, а часто и многія гнилости уже въ членахъ показываются. Артиллерія на всей эскадрѣ весьма тяжелая, посему всегда, когда хожу я на морѣ, стараюсь для сохраненія судовъ избѣгать крѣпкихъ вѣтровъ и уходить въ закрытіе къ берегамъ».

Но вотъ и Ушаковъ, вслѣдствіе интригъ и зависти къ славѣ и знаменитости, имъ пріобрѣтенной, въ Средиземномъ морѣ, въ 1800 году удаляется со сцены и черноморскій флотъ надолго осиротѣлъ.

Потемкинъ и Ушаковъ—это великая, смѣлая мысль и геройское исполненіе. У одного власть и средства созидать, у другаго мужество и энергія превозмогать и достигать цѣли: это—*слово* и *дѣло!* И воистину, много было задумано и много было исполнено великаго, могучаго и славнаго въ это богатырское время. Исторія черноморскаго флота, конечно, не забудетъ воздать должное высокимъ личностямъ Потемкина и Ушакова, игравшимъ такую знаменательную роль въ его созданіи и первыхъ подвигахъ, и тѣмъ поставитъ тотъ нравственный памятникъ *нерукотворный*, *который переживетъ ихъ прахъ и тлѣнья убѣжитъ*, если бы могло случиться, что рукотворные не поставятся имъ современемъ въ Николаевѣ и Севастополѣ.

И вотъ, осиротѣвшій черноморскій флотъ, въ открывшейся въ концѣ 1806 года, турецкой войнѣ, почти не заявляетъ о своемъ существованіи; онъ не принимаетъ никакого участія и его дѣйствія находятся внѣ всякой связи съ дѣйствіями нашей арміи, закончившими столь нетерпѣливо ожидаемымъ бухарестскимъ миромъ, заключеннымъ Михаиломъ Иларіоновичемъ Голенищевымъ-Кутузовымъ.

Дѣйствія черноморскаго флота въ 1807 году заключались въ напрасныхъ приготовленіяхъ къ высадкѣ въ Босфоръ, разореніи Анапы, безплодныхъ покушеніяхъ противъ Синопа

и Требизонда. Виды же правительства были несравненно обширнѣе.

Черноморскій флотъ имѣлъ повелѣніе изготовиться весною къ походу въ Босфоръ, для чего туда препроводили 20 мушкетерскихъ и гарнизонныхъ баталіоновъ въ 17000 человѣкъ. Флотомъ и сухопутнымъ войскомъ командовалъ контръ-адмиралъ Пустошкинъ. Ему было предписано:

1) Выступить изъ Севастополя въ началѣ апрѣля, идти не разобщаясь съ перевозными судами, забирать встрѣчающіяся дорогою суда, развѣдывая отъ нихъ о турецкомъ флотѣ, и приблизиться къ Константинопольскому проливу ночью, или въ туманное время, незамѣтно отъ турокъ.

2) Войдя въ проливъ обратить огонь на береговыя батареи и, заставя ихъ молчать или сбивъ ихъ, плыть далѣе, а потомъ въ одно время начать высадку у Буюкдере, бомбардированіе, пустить брандеры и атаковать турецкій флотъ.

3) Принудивъ непріятельскіе корабли отступить, немедленно продолжать слѣдованіе къ Константинополю, стрѣлять по немъ съ моря, а десанту наступать на столицу съ сухаго пути.

4) При успѣхѣ требовать отъ Порты свободнаго прохода черезъ Дарданеллы эскадрѣ Сенявина, находившейся въ Архипелагѣ.

5) Если встрѣтится великая и непредвидимая опасность или невозможно будетъ овладѣть Царьградомъ и возвратиться въ русскіе порты, то пробиться сквозь Дарданеллы въ Архипелагъ и соединиться съ Сенявинымъ».

Таковы были данныя морскимъ министромъ Чичаговымъ контръ-адмиралу Пустошкину наставленія, въ заключеніе коихъ сказано: «вамъ предоставляется черезъ сіе способъ пріобрѣсть государству безсмертную славу а себѣ воздвигнуть памятникъ на вѣчныя времена, съ извѣстнѣйшими людьми сравнить васъ могущій».

Приготовленія къ походу въ Босфоръ были возложены по морской части на командира черноморскаго флота маркиза де-Траверсе, а по сухопутной—на новороссійскаго военнаго губернатора герцога де-Ришелье. Обоимъ приказано было какъ можно скорѣе приступить къ приготовленіямъ и избѣ-

гая медленности, сопряженной съ перепискою, ибо одинъ жилъ въ Одессѣ, а другой въ Николаевѣ, съѣхаться въ любомъ изъ этихъ городовъ и на словахъ условиться объ исполненіи. При первомъ совѣщаніи герцогъ де-Ришелье и маркизъ де-Траверсе убѣдились въ невозможности высадки въ Босфоръ. Въ назначенныхъ къ десанту 13 мушкетерскихъ и 7 гарнизонныхъ баталіонахъ, не имѣвшихъ полнаго комплекта, состояло 6200 рекрутовъ, въ томъ числѣ считались и ожидаемые въ мартѣ, т. е. ко времени отплытія флота. Въ гарнизонныхъ баталіонахъ, за выборомъ изъ нихъ въ полевые полки людей, оставались солдаты старые, не надежные къ военнымъ дѣйствіямъ, и штабъ и оберъ-офицеры, опредѣленные въ гарнизонъ, по неспособности къ армейской службѣ, да и тѣхъ, за выборомъ изъ нихъ во вновь формировавшіеся полки, не было и третьей части противъ штатнаго положенія. «Съ такимъ войскомъ, писали Ришелье и Траверсе, нельзя ручаться за успѣхъ и мы не осмѣливаемся отваживать на удачу, честь и славу Россіи». Послѣ полученія этого донесенія въ Петербургѣ, приказано отмѣнить походъ на Царьградъ, имѣвшій цѣлью «положить въ самомъ началѣ конецъ войнѣ, въ тогдашнее смутное время поставлявшей Россію въ затруднительное положеніе».

Пока донесеніе было въ дорогѣ, маркизъ де-Траверсе получилъ извѣстіе, что въ Синопѣ, на анатолійскомъ берегу, стоялъ вновь выстроенный 80 пушечный турецкій корабль, къ походу еще не приготовленный, и для прикрытія его назначены изъ Константинополя три фрегата. Маркизъ де-Траверсе приказалъ капитанъ-командору Перскому съ кораблемъ «Правымъ», двумя фрегатами и брандеромъ отправиться къ Синопу и овладѣть турецкимъ кораблемъ. Марта 4-го Перскій пришелъ на Синопскій рейдъ и увидѣлъ корабль, стоявшій подлѣ самой крѣпости. Онъ собралъ совѣтъ. Единогласнымъ рѣшеніемъ членовъ, найдено невозможнымъ атаковать корабль подъ огнемъ крѣпости, или употребить брандеръ, подвергнувъ его перекрестнымъ выстрѣламъ непріятелей, могущихъ потопить его прежде произведенія имъ желаемаго дѣйствія. Сверхъ того, опасаясь, что «жестокость

вѣтровъ можетъ учинить жертвою туркамъ какое-либо изъ нашихъ судовъ, рѣшились воспользоваться первымъ способнымъ вѣтромъ и возвратиться въ Севастополь».

На донесеніи о семъ происшествіи Императоръ Александръ I написалъ собственноручно: «если бояться выстрѣловъ, то никакого военнаго предпріятія совершить будетъ невозможно».

Въ 1809 году князь Багратіонъ писалъ главному командиру черноморскаго флота Языкову объ отряженіи военныхъ судовъ для бомбардированія Варны и усиленіи крейсеровавшихъ при устьѣ Дуная 74 пуш. корабля и 3 фрегатовъ. Языковъ отвѣчалъ, что не только онъ не можетъ исполнить сего вызова, но даже этому кораблю и фрегатамъ велѣно возвратиться въ Севастополь, *полагая опаснымъ* плаваніе въ морѣ при наступленіи равноденствія и ссылаясь на примѣры въ войнахъ Императрицы Екатерины, когда, во время бурь, свирѣпствовавшихъ во время равноденствія, нѣсколько кораблей, потерявъ снасти, были носимы по морю по произволу вѣтра и волнъ, одинъ корабль погибъ, а другой былъ увлеченъ теченіемъ въ Константинополь. Доводы Языкова не убѣдили Багратіона, онъ жаловался на адмирала, но дѣло по случаю зимы кончилось перепиской.

Далѣе слѣдуетъ опять занятіе Анапы безъ сопротивленія и приготовленіе отразить мнимую высадку англичанъ и турокъ. На вопросъ Императора, почему туркамъ позволили приблизиться къ Варнѣ, оправдывались невозможностью удержать непріятеля за противнымъ вѣтромъ.

Флотъ не выходилъ изъ Севастополя.

Въ 1810 году Сарычевъ три раза самымъ постыднымъ образомъ ходитъ по Черному морю съ гнилыми кораблями, на которыхъ мачты едва держатся, съ оборванными снастями и парусами.

Первый разъ вмѣсто того, чтобы идти къ Варнѣ идетъ въ Анатолію и, не дойдя до высоты Варны возвращается въ Севастополь.

Второй разъ, по приказанію Императора, снова посылается, подходитъ къ Варнѣ, не рѣшается дѣйствовать, возвращается въ Севастополь, встрѣчаетъ турецкій флотъ—ожидаетъ отъ

него нападенія, а потомъ какъ-будто гонится и на разсвѣтѣ идетъ въ Севастополь.

Третій разъ приказано овладѣть Требизондомъ: дано 5000 десанта; онъ приходитъ въ близкую къ Требизонду Платанскую бухту, встрѣчаетъ небольшое сопротивленіе и на собранномъ военномъ совѣтѣ рѣшаютъ, что, вѣроятно, въ Требизондѣ сопротивленіе будетъ еще сильнѣе, а потому возвращаются въ Севастополь (Сарычевъ былъ отставленъ отъ службы).

Въ 1811 году флотъ опять стоитъ въ Севастополѣ, выходитъ въ крейсерство на двѣ недѣли и привозитъ 250 цынготныхъ. Наконецъ, *въ 1812 году* Императоръ, узнавъ, что турецкія суда привозятъ горцамъ порохъ и оружіе, спросилъ какимъ образомъ флотъ нашъ, господствуя на Черномъ морѣ не препятствуетъ этому? тогда только отправились суда къ Варнѣ и усилили крейсерство.

Итакъ, дѣятельность портовъ умолкла, корабли гнили въ гаваняхъ, флотъ пересталъ плавать и въ то время, когда громъ непрерывныхъ побѣдъ сопровождалъ русскую армію отъ Москвы до Парижа, когда она записывала въ свои лѣтописи Смоленскъ, Бородино, Красной, Дрезденъ, Лейпцигъ, Краонъ и Монмартръ, черноморскій флотъ былъ въ полномъ и безмятежномъ усыпленіи. Застой этотъ продолжался и въ послѣдующіе 4 года и въ это то время апатіи и бездѣйствія прибылъ въ Николаевъ и вступилъ въ командованіе черноморскимъ флотомъ и портами Алексѣй Самуиловичъ Грейгъ.

Бѣглый разсказъ о предшествовавшихъ событіяхъ можетъ дать понятіе о нравственномъ и матеріальномъ составѣ черноморскаго вѣдомства и позволяетъ стать на настоящую точку зрѣнія, чтобы безпристрастно и справедливо судить обо всемъ, что было сдѣлано адмираломъ, съ строгою критическою оцѣнкою.

Главный командиръ, осмотрѣвъ флотъ и порты, при обширныхъ своихъ знаніяхъ и опытности, легко могъ понять и нравственное разложеніе, которое существовало въ черноморскомъ вѣдомствѣ и скудость матеріаловъ, бѣдность адмиралтейскихъ и портовыхъ сооруженій и въ особенности

полное пренебреженіе къ морской наукѣ и къ морскому искуству.

Онъ принимается самъ за составленіе новыхъ чертежей кораблей, фрегатовъ и мелкихъ судовъ, изъ которыхъ послѣднихъ почти не было во флотѣ, между тѣмъ какъ они всегда служатъ лучшей школой для образованія офицеровъ и командъ, и одновременно посылаетъ въ Англію избранныхъ имъ способныхъ и молодыхъ людей для изученія корабельной архитектуры, канатнаго, такелажнаго и паруснаго мастерствъ, а въ Петербургъ учиться топографіи, бухгалтеріи, гражданской архитектурѣ, практической механикѣ, литографіи и гравированію.

Назначаетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ экзамены офицерамъ и каждый изъ служащихъ въ черноморскомъ флотѣ проходитъ передъ его глазами. Понятно, что экзаменаторы и экзаменующіеся открыли книги и что *весь флотъ началъ учиться*. Въ Севастополѣ явилась офицерская библіотека, въ Николаевѣ—обсерваторія, гдѣ приглашенный имъ астрономъ Кнорре (Карлъ Христофоровичъ, нынѣ столь извѣстный ученому міру) открылъ свои занятія какъ съ офицерами, такъ и воспитанниками морскихъ учебныхъ заведеній; желающимъ имѣть инструменты и зрительныя трубы предоставлена была возможность выписывать изъ заграницы съ разсрочкою платы. Начались скоро описи морей и рѣкъ; постановка знаковъ и постройка маяковъ херсонскаго, инкерманскихъ, тарханкутскаго, таклынскаго, айтодорскаго, кинбурнскаго, еникальскаго и одесскаго, слѣдовали одинъ за другимъ.

Въ Николаевѣ строится штурманское и артиллерійское училища, три корабельныхъ и мортоновъ элинги и значительно улучшается депо картъ. Въ Севастополѣ полагаютъ имѣть сухіе доки.

Съ слѣдующаго 1817 года черноморскій флотъ началъ плавать постоянно въ эскадрахъ и адмиралъ, по выходѣ флота изъ Севастополя приходилъ на своей яхтѣ къ флоту и вступалъ въ командованіе имъ, ежегодно плавая отъ 5 до 6 недѣль. Его приказы, отдаваемые по флоту, могутъ назваться

вполнѣ образцовыми. Съ какимъ неусыпнымъ вниманіемъ онъ слѣдитъ за всѣми дѣйствіями флота, его капитановъ, вахтенныхъ лейтенантовъ и командъ. Читая эти приказы, вы видите, что ни одно движеніе не уходитъ отъ его зоркаго глаза и вмѣстѣ находитъ полное поясненіе, наставленіе—доказательство пользы, когда практика идетъ рука объ руку съ теоріей.

Долго оставался памятенъ его сигналъ: кто вахтенный лейтенантъ? которымъ обращалось вниманіе на происшедшій маневръ, и не разъ случалось, что послѣ него адмиралъ переѣзжалъ на корабль, и заставлялъ повторить его въ своемъ присутствіи. Въ воскресные и табельные дни всѣ капитаны приглашались къ обѣду и послѣ этого свиданія, каждый уносилъ убѣжденіе, что ничто не остается незамѣченнымъ, и какъ похвала, такъ и наставленіе передавались съ строгою деликатностью.

Можно ли было не учиться? конечно, нѣтъ, и потому всѣ учились.

Видя недостаточность системы маневрированія, онъ вводитъ новыя эволюціи и новые сигналы, дневные, ночные, туманные и особенные для транспортовъ и, наконецъ буквенный телеграфъ, оказавшій впослѣдствіи, при осадѣ Варны, большую услугу при передачѣ длинныхъ и многосложныхъ приказаній съ флота на берегъ.

Обращая особенное, полное вниманіе на юношество, онъ пишетъ инструкцію ихъ занятіямъ, входя въ самыя точныя подробности и наставленія, вполнѣ понимая, что хорошо посѣянное и съ любовью надзираемое, должно произвести свои полезные результаты.

Въ кораблестроеніе онъ вводитъ систему Сепингса, употребленіе желѣзныхъ кницъ, мѣдное крѣпленіе и улучшаетъ оконопаченіе судовъ и поперечное крѣпленіе ихъ. Корабли того времени были до того валки, что при брамсельномъ вѣтрѣ не могли дѣйствовать изъ нижняго дека: онъ устанавливаетъ высоту портовъ, увеличиваетъ остойчивость и вмѣстѣ съ тѣмъ силу залпа, переходя къ 24 и 36 фунтовой артиллеріи. Система Сепингса, не увеличивая из-

держекъ, придала большую крѣпость судамъ, уменьшивъ спусковой переломъ и тѣмъ значительно увеличила срокъ службы. Прежніе корабли едва выдерживали 5 лѣтъ, тогда какъ 100 пушечный корабль «Варшава», лучшее и послѣднее произведеніе адмирала, надъ которымъ онъ особенно трудился, введя въ первый разъ въ вычисленіе подводной части параболическую систему — прослужилъ 15 лѣтъ. Этотъ корабль, въ свое время, былъ chef d'oeuvre корабельнаго искусства. Суда начинаютъ обшивать мѣдью; фрегаты и мелкія суда получили лучшіе чертежи того времени по англійскимъ образцамъ, а канонерскія лодки строились съ непремѣннымъ условіемъ носить 3 орудія 24 фунт. вмѣсто прежняго одного, и вмѣщать мѣсячный запасъ на 60 человѣкъ, а для 30 давали свободное помѣщеніе въ трюмѣ, и наконецъ имѣли спусковыя мачты, которыя, въ случаѣ противнаго вѣтра, рубились и убирались, а лодки выбрасывали весла и могли скрыться отъ дѣйствія непріятельскихъ батарей въ камышахъ. Наконецъ при немъ явились первыя паровыя суда на Черномъ морѣ—три малые парохода.

Для желающихъ были открыты чтенія лекцій: корабельной архитектуры, теоріи кораблестроенія, физики, механики, статики, гидростатики и гидродинамики.

Найдя что пушки отливаемыя на Луганскомъ заводѣ, слабы, онъ переноситъ литье орудій для черноморскаго флота въ Олонецкій заводъ и устанавливаетъ болѣе сильную пробу орудіямъ. Людей начинаетъ обучать цѣльной стрѣльбѣ на брандвахтенномъ фрегатѣ. На флотѣ вводитъ: однокалиберную артиллерію въ дскахъ, пушечные замки, скорострѣльныя трубки, мѣдные пороховые боченки вмѣсто деревянныхъ, проектируетъ болѣе длинныя орудія, даетъ новый способъ пробы пороха и крѣпленія орудій, предлагаетъ новые станки для карронадъ и для орудій гребной флотиліи и, наконецъ, изобрѣтаетъ новый составъ для брандскугелей, который горитъ гораздо долѣе, лучше зажигаетъ, и вводитъ экономическій способъ выдѣлки фитиля.

Устройство землечерпательной паровой машины для прорытія Ингульскаго и Очаковскаго фарватеровъ, оказало

большую услугу уже тѣмъ, что все кораблестроеніе сосредоточилось въ Николаевѣ и, слѣдовательно можно было уничтожить портъ въ Херсонѣ, неудобный по мелководію и требовавшій для проводки судовъ камелей и вмѣстѣ позволило привести въ Николаевъ старые корабли, давшіе возможность устроить блокшивное помѣщеніе командамъ и арестантамъ, весьма необходимымъ для производства спѣшныхъ и большихъ работъ, между тѣмъ какъ размѣщеніе этихъ людей, за недостаткомъ зданій, было совершенно невозможно. Ингульскій фарватеръ прочищенъ отъ 8 до 21 фут. а очаковскій—отъ 16 до 21 ф. Машины устанавливаются какъ на канатномъ заводѣ, такъ и на Богоявленской казенной фабрикѣ для суконнаго производства: валяльная, трепальная, прядильная и т. д.

Въ николаевскомъ адмиралтействѣ введены машины: разрѣзывающія, продавливающія, свертывающія, оттачивающія, нарѣзывающія, сверлящія, приводимыя въ движеніе паровою машиною: устроена паровая пильная машина для досокъ и введена ручная машина для подъема мачтъ, что дало возможность, не подводя подъ краны, поднимать мачты и тѣмъ, просушивая шпоры и гнѣзда, предохранять отъ гнилости.

Замѣтивъ, что лѣса, получаемые изъ Польши, не имѣютъ желаемой крѣпости, онъ ходатайствуетъ объ отмежеваніи дачъ изъ казенныхъ подольскихъ лѣсовъ, несравненно прочнѣйшихъ, и учреждаетъ коммисіи для освидѣтельствованія ихъ и судостроенія.

Килеваніе отмѣнено безъ крайней необходимости; до 1816 г. всякое вновь построенное судно, по прибытіи въ Севастополь, равно и тѣ, которыя нужно было осмотрѣть, подвергались килеванію, которое, кромѣ значительныхъ расходовъ, вело къ преждевременному разслабленію.

Поставлены краны для мачтъ, введены канатныя цѣпи, громоотводы; каменный баластъ, порождавшій гнилость, замѣненъ чугуннымъ, доставившимъ просторъ интрюмамъ; для обшиванія судовъ стали употреблять войлокъ, предохраняющій отъ преждевременной гнили, а впослѣдствіи все-

дена мѣдная обшивка. Для общей стоянки въ гавани введены бридели, на которыхъ корабли вращались по вѣтру, не лежали одною стороною къ солнцу, что много способствовало, вмѣстѣ съ предписанными правилами относительно содержанія матеріаловъ, рангоута, такелажа, гребныхъ судовъ, къ ихъ сохраненію. По приказу велѣно было въ мирное время снимать по нѣсколько орудій на носу и кормѣ для облегченія оконечностей и тѣмъ избѣгать перелома, что, конечно, тоже вело къ увеличенію срока службы судовъ.

Начали употреблять желѣзные камбузы вмѣсто бывшихъ до этого времени кирпичныхъ; мѣдные шкивы замѣнены бакаутовыми, что, кромѣ значительной экономіи, облегчило рангоутъ; старые нактоузы, разбрасывающіе свѣтъ на шканцы, уступили мѣсто новымъ; бывшіе слюдяные сигнальные фонари замѣнены стеклянными, и въ каютахъ вмѣсто сальныхъ свѣчъ явились лампы. Суда снабжены водоочистительными машинами, переговорными трубами и иллюминаторами.

Установлены постоянныя правила для вычисленія величины рангоута, такелажа, толстоты канатовъ, вѣса якорей, центра тяжести, размѣра главныхъ членовъ и числительности экипажа на военныхъ судахъ и транспортахъ, тогда какъ до 1816 г. во всемъ этомъ видѣнъ былъ полный произволъ и несостоятельность. Приступлено къ метеорологическимъ наблюденіямъ, записываемымъ въ журналъ и даны инструменты. Приказомъ объявлены правила опредѣленія девіаціи.

Парусная фабрика въ Богоявленскѣ обезпечила флотъ полученіемъ парусины самаго высшаго достоинства и съ этого времени стали употреблять 4 сорта парусины вмѣсто бывшихъ 2 сортовъ и установлены правила для шитья парусовъ касательно покроя, посадки, оканчиванія и данъ новый способъ пробы пеньки. Несмотря на большія препятствія, введенъ въ мастерскихъ каменный уголь и тогда желѣзныя работы начали обходиться на 80% дешевле чѣмъ при употребленіи деревяннаго.

Въ Севастополѣ адмиралъ устраиваетъ казармы, возводитъ морскія батареи, снабженныя ядрокалительными печами,

обезпечивавшія внезапныя нападенія флота, и представляетъ полный проектъ оборонительной линіи съ 120 планами, сохранившимися въ черноморскомъ департаментѣ, который, подобно многимъ его творческимъ мыслямъ, остался безъ вниманія, пока послѣднія событія въ Севастополѣ не заставили вспомнить и стряхнуть съ нихъ архивную пыль. Я приведу здѣсь нѣкоторыя его предложенія: *a*) объ устройствѣ молъ, чтобы рейдовой бухтѣ дать свойства гавани и вооружить ихъ батареями, *b*) постройка каменной пристани кругомъ севастопольскихъ бухтъ, для сохраненія ихъ отъ обмелѣнія и удобства работъ вооруженія, *c*) построеніе храма на развалинахъ Херсонеса въ память крещенія св. Владиміра, *d*) углубленіе днѣпровскихъ гирлъ, *e*) разведеніе шелковичныхъ червей.

Мекензіева дача, не приносившая дохода, была раздѣлена, на 30 лѣтніе участки и начала давать 3 т. саж. дровъ, что, по подряднымъ цѣнамъ того времени, принесло 60 000 р. выгоды. Устроенъ водопроводъ, снабжавшій жителей отличною водою, въ которой былъ чувствительный недостатокъ, въ особенности лѣтомъ и вмѣстѣ проектированъ другой водопроводъ съ кранами для наливки судовъ флота, что, какъ видно по рапорту адмирала Государю Императору, очень медленно шло, и дѣйствительно онъ былъ оконченъ только за два года передъ осадою Севастополя.

Въ Николаевѣ устроенъ также водопроводъ отъ Спасска, молдаванскій домъ и въ немъ музеумъ и физическій кабинетъ; выстроено зданіе для архива (переведеннаго, по его представленію, изъ Петербурга въ Николаевъ), острогъ для арестантовъ, уничтожившій болѣзненность и смертность отъ дурнаго помѣщенія ихъ на блокшифахъ, наконецъ казармы и городскіе часы съ полуденною пушкою, какъ здѣсь, такъ и въ Севастополѣ.

Въ Херсонѣ устроенъ литейный заводъ, что устранило дорогую доставку многихъ мѣдныхъ и чугунныхъ вещей изъ дальнихъ заводовъ. Между Севастополемъ и Николаевомъ начали устроивать переговорные телеграфы-семафоры.

Для офицеровъ, адмиралъ исходатайствовалъ квартирныя и дровяныя деньги и по его представленію увеличены порціонныя. Вскорѣ онъ проситъ объ учрежденіи морскаго корпуса въ Николаевѣ для доставленія способа служащимъ во флотѣ и дворянамъ ближайшихъ губерній воспитывать дѣтей, и потомъ, послѣ неудачи по этому предмету, входитъ съ представленіемъ объ оставленіи ежегодно ваканцій, въ морскомъ корпусѣ, на 10 или болѣе воспитанниковъ, для чиновъ черноморскаго вѣдомства. Учреждены офицерскіе лазареты и, наконецъ баллотированіе офицеровъ черноморскаго флота предоставлено мѣстному начальству, тогда какъ до того, оно производилось въ балтійскомъ флотѣ.

У нижнихъ чиновъ увеличена артельная сумма, давшая средства улучшить пищу командъ, которыя были тогда уже въ состояніи имѣть по $^1/_2$ фунту мяса на человѣка; кромѣ того, караульнымъ дана особенная мясная порція. Вмѣсто канифасныхъ шинелей, по его представленію начали отпускать суконныя. Командамъ предоставлено право черезъ своихъ артельщиковъ браковать провіантъ и мундирные матеріалы, а женатымъ просить о выпискѣ женъ ихъ на казенный счетъ. Для дочерей нижнихъ чиновъ устроены въ Николаевѣ и Севастополѣ дѣвичьи училища.

Морской госпиталь переведенъ изъ Богоявленска въ Николаевъ, что было большимъ благодѣяніемъ припомнивъ, что разстояніе между ними 12 верстъ и что заболѣвшіе должны были переѣзжать такое значительное разстояніе. Въ Севастополѣ устроенъ новый госпиталь, при немъ церковь и дано право на безденежное пользованіе медикаментами для женъ и дѣтей нижнихъ чиновъ. Адмиралъ 3 раза ходатайствуетъ объ устройствѣ женской больницы, но безуспѣшно.

Обращая особенное свое вниманіе на здоровье, содержаніе и образованіе командъ, А. С. исходатайствовалъ переводъ арестантовъ для употребленія ихъ въ валовыя работы, что дало время и возможность занять матросовъ дѣйствительною службою. Приказы его проникнуты теплымъ участіемъ къ нимъ и 50 лѣтъ тому назадъ онъ заботится, если не объ уничтоженіи тѣлеснаго наказанія, то о возможномъ смягче-

ніи его. Здѣсь я приведу слова сослуживца, стараго моряка.

«Судьба матроса была одною изъ лучшихъ заботъ, сердечнымъ интересомъ Грейга. Постоянно заботясь о матеріальномъ благосостояніи матроса, онъ охранялъ святость его человѣческихъ правъ, отъ произвола господъ, привыкшихъ часто прибѣгать къ тѣлеснымъ увѣщаніямъ. Для искорененія этихъ дикихъ порывовъ, глубоко возмущавшихъ его душу, онъ строго запретилъ жестокое обращеніе съ матросами и вмѣстѣ съ тѣмъ постановилъ за обыкновенные проступки давать не болѣе 25 линьковъ или розогъ, за важные предавать суду. Постановленіе это онъ считалъ равно обязательнымъ и для себя и для подчиненныхъ, т. е. командировъ. Въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, адмирала Грейга можно ставить въ примѣръ и образецъ новому прогрессивному времени».

Въ экипажахъ увеличена канцелярская сумма, введено правильное бракованіе и осмотръ ружей, заведены экономическія суммы, погашены всѣ старыя претензіи, команды снабжены постановленіями, которыми руководствовались въ арміяхъ, и объявлены правила для изслѣдованія важныхъ происшествій, сопряженныхъ съ потерею жизни нижнихъ чиновъ, иногда порождаемыхъ неосторожностью и легкомысліемъ офицеровъ; подобныя случайности значительно съ тѣхъ поръ уменьшились. Обращено особенное вниманіе на искорененіе пьянства; приказано усилить обходы и о всѣхъ попавшихся людяхъ, подавать записки, по которымъ ежемѣсячно объявлялось въ приказахъ по флоту о тѣхъ командахъ, гдѣ случаи пьянства бывали чаще, что, возбуждая самолюбіе въ людяхъ, заставляло ихъ смотрѣть другъ за другомъ.

Адмиралтейскіе мастеровые снабжены нужными инструментами, тогда какъ прежде они принуждены были покупать ихъ на свой счетъ.

Запрещено было употреблять выраженіе «наказать безъ послабленія», которое давало произволъ, а предписано «точно опредѣлять мѣру наказанія».

Арестантовъ велѣно судить на мѣстѣ, не отсылая въ другіе города, чтобы вина и наказаніе были передъ ихъ товари-

щами. Сентенціи приказано было класть на точномъ смыслѣ законовъ безъ заключенія военно-судныхъ коммисій. Отданъ былъ приказъ о нелицепріятномъ судѣ и о неослабномъ исполненіи приговоровъ, чтобы «какъ невинность находила оправданіе такъ и порокъ—достойное наказаніе». Далѣе состоялся приказъ о ненаказываніи безъ суда и о томъ, чтобы приговоры дѣлать за тягчайшее преступленіе, «иначе, сказано, «злодѣяніе осталось бы не наказаннымъ, потому что преступникъ, подлежа только *одному* наказанію, понесъ бы оное не въ той мѣрѣ, въ какой онъ заслужилъ его своими дѣлами». Для облегченія участи подсудимыхъ онъ избираетъ довѣренное лицо, для наблюденія за успѣшнымъ ходомъ судопроизводства и учреждаетъ постоянныя слѣдственныя комммсіи, члены которыхъ, получивъ навыкъ, могли бы скорѣе приводить дѣла къ окончанію. Видя нескончаемость старыхъ дѣлъ, онъ испросилъ учрежденіе временныхъ коммисій для рѣшенія ихъ, на 2 года, по черноморскому департаменту.

Адмиралъ устраиваетъ распорядительную *часть* и вводитъ въ нее линейныхъ офицеровъ флота, часть преобразованную впослѣдствіи, по его же ходатайству, въ штабъ главнаго командира. Артиллерійскую часть отдѣляетъ отъ портовой конторы; улучшаетъ составъ строительнаго отдѣленія; вводитъ званіе начальниковъ отдѣленій и заботится объ образованіи писарей. Для уменьшенія переписки онъ предписываетъ *печатаніе* постоянныхъ бумагъ, срочныхъ вѣдомостей и приказовъ. Далѣе ходатайствуетъ, какъ уже было сказано, о передачѣ архива изъ Петербурга, что весьма облегчило всѣ нужныя справки и объ образованіи особеннаго дунайскаго управленія. Онъ предлагаетъ новый проектъ для торговъ, сократившій время производства оныхъ, и поводы пристрастія со стороны начальства, а равно и способъ окончанія торга, отвратившій поползновенія соискателей и доставившій казнѣ выгоды до 650 т. р. въ три года. Наконецъ, онъ вводитъ правильную бухгалтерію и обращаетъ вниманіе на улучшеніе канцелярскаго слога, приказавъ отбросить всѣ отжившія слова, низкопоклонныя фразы и неясные, сутяжническіе обороты.

Въ концѣ 1825 года ему дарованы были права отдѣльнаго корпуснаго командира.

Здѣсь слѣдуетъ сказать, что въ 12 лѣтъ, отъ 1816 до 1828 г., выстроено было:

Линейныхъ кораблей 11, фрегатовъ 4, мелкихъ судовъ 17, лоцъ-судна 2, транспортовъ 29, пароходовъ 3, флашкоутовъ 19, канонерскихъ лодокъ 31, іоловъ 19, понтоновъ 8; куплено разныхъ судовъ 16.

Строилось: Кораблей 3, фрегатъ 1, бригантина 1, флашкоутъ больш. 1, іоловъ 5.

За эти 12 лѣтъ черноморское вѣдомство получило 95½ милл. т. е. почти по 8 милл. ассигнац. или 2 300 000 въ годъ серебромъ.

Изъ рапорта адмирала къ Государю Императору видно, что изъ числа многозначительныхъ различныхъ мѣропріятій и улучшеній, три статьи: углубленіе николаевскаго фарватера, введеніе каменнаго угля и устройство Мекензіевой дачи начали доставлять выгоды казнѣ ежегодно 500 т. рублей.

Теперь перейдемъ къ дѣятельности адмирала какъ военнаго губернатора Николаева и Севастополя.

Та же заботливость о юношествѣ не оставляетъ его и здѣсь и онъ учреждаетъ въ Николаевѣ городское приходское училище. Обноситъ городъ съ восточной стороны между Бугомъ и Ингуломъ каменною стѣною на разстояніи 1480 саженъ, вышиною въ 5 аршинъ, съ одними воротами, шлагбаумомъ и карауломъ при нихъ, во-первыхъ, для спокойствія жителей отъ бродягъ и безпаспортныхъ, весьма многочисленныхъ въ то время въ Новороссійскомъ краѣ, во-вторыхъ, для пресѣченія заразительныхъ болѣзней и, наконецъ, для охраненія города отъ песчаныхъ наносовъ. Устраиваетъ пристань для коммерческихъ судовъ, дѣлаетъ тротуары, вводитъ фонари и будки для надзора, испрашиваетъ заимообразно сумму для вспоможенія бѣднымъ жителямъ и составляетъ для распредѣленія ея комитетъ изъ всѣхъ сословій общества. Одно изъ самыхъ грязныхъ заброшенныхъ мѣстъ на возвышенномъ берегу Ингула адмиралъ приказываетъ спланировать, обсаживаетъ его деревьями и образуетъ бульваръ, который до сихъ поръ со-

ставляетъ лучшее украшеніе города и любимое гулянье обывателей; большая часть улицъ украшается деревьями и, конечно, не разъ, скрываясь въ тѣни ихъ въ лѣтніе знойные дни, жители отъ души благодарили и будутъ всегда благодарить его, за столь заботливое вниманіе, какъ равно и за постройку моста на Бугѣ, соединившаго Спаскъ съ Варваровкою. По рѣкѣ выстроены домики для спасенія утопающихъ, снабженные всѣми нужными инструментами и правилами о помощи для оживленія ихъ; онъ назначаетъ награду брандспойщикамъ, прибывающимъ первыми на пожаръ, производитъ нечаянные обыски и тѣмъ пресѣкаетъ много злодѣяній, ходатайствуетъ о правѣ принимать частные дома, крытые желѣзомъ, въ залоги по черноморскому департаменту и тѣмъ способствуетъ постройкѣ домовъ, составляющихъ украшеніе города. Имъ выстроена богадѣльня и назначены въ ней мѣста для подкидышей; мясныя лавки изъ центра города переносятся на возвышенное мѣсто и образовываютъ большой прекрасный базаръ. Устроены канавы для стока воды и, наконецъ, адмиралъ испрашиваетъ особенныя льготы для обоихъ городовъ, пустопорожнія земли раздаетъ для развода виноградныхъ плантацій, ходатайствуетъ объ облегченіи отъ постоя и объ утвержденіи штатовъ канцелярій военнаго губернатора и севастопольской полиціи.

Когда, теперь, остановимся на минуту и пройдемъ мысленно все, что адмираломъ Грейгомъ было задумано, проектировано, начато, измѣнено и создано, то невольно передъ нами встанетъ во всемъ величіи эта колоссальная личность. Свѣтлыя административныя способности, науки и искусства, политическая дальновидность и гражданская мудрость, соединены въ этомъ государственномъ дѣятелѣ въ такой тѣсной связи, что невольно удивляешься обширному горизонту его дѣятельности. Не было предмета, ремесла, художества, знанія, по профессіи, имъ избранной, которыми бы онъ не владѣлъ въ совершенствѣ, въ то же время занимаясь съ особенною любовью и всѣми другими отраслями наукъ; такъ медицина, химія, физика, естествознаніе, исторія и литература, по отзыву современниковъ, были ему отлично извѣстны и составляли тотъ неприкосновенный фондъ, который очаровывалъ

его собесѣдниковъ, какой бы отрасли знанія разговоръ ни коснулся, и вотъ причина того, что, глубоко уважая достойнаго начальника, всѣ считали его общимъ учителемъ и наставникомъ и его слова были незыблемымъ авторитетомъ. Такъ, напримѣръ, въ порту онъ учитъ кузнеца ковать желѣзо, съ гардемариномъ беретъ высоту солнца, показывая таксировку дѣленій верньера на секстанѣ, съ мичманомъ выводитъ астрономическія формулы, вычисляетъ центръ тяжести корабля, съ штурманами и инженерами пишетъ правила парусному мастерству, сочиняетъ замѣчательные чертежи, вводитъ параболическую систему и все это не мѣшаетъ ему вникать въ бытъ, въ пищу матросовъ, посѣщать госпитали, изумлять своими знаніями докторовъ, сочувствовать слабостямъ нижнихъ чиновъ, охранять ихъ права и строго преслѣдовать ихъ пороки, заботиться о средствахъ офицеровъ и обывателей, украшать города, оживлять торговлю и обуздывать произволъ торговъ. Онъ посылаетъ воспитываться юношей въ Англію, чтобы скорѣе избавиться отъ опеки иностранныхъ мастеровъ, пишетъ штаты полиціи и создаетъ полный проектъ обороны, разводитъ шелковичныя деревья и издаетъ образцовые приказы по флоту. На все у него достаетъ времени! И самъ учится, не переставая зорко слѣдить за наукою и учитъ другихъ, а между тѣмъ заботы дня не мѣшаютъ ему и глядѣть вдаль и вспоминать великое прошедшее на Херсонесѣ Таврическомъ и привѣтствовать новую эпоху появленія пара на морѣ.

Нововведенія и улучшенія, имъ сдѣланныя, обрисовываютъ вполнѣ картину унаслѣдованнаго имъ флота: изъ плохаго лѣса, съ дурными морскими качествами, не позволявшими дѣйствовать орудіями при самомъ тихомъ вѣтрѣ, съ его артиллеріею, обжигавшею порты, съ его пушками безъ замковъ и скорострѣльныхъ трубокъ, съ его нактоузами и слюдяными сигнальными фонарями, съ сальными свѣчами въ каютахъ, безъ иллюминаторовъ, съ каменнымъ баластомъ, кирпичными камбузами, съ гнилыми мачтами безъ громоотводовъ, дурнымъ такелажемъ, слабыми парусами,—представляетъ вмѣстѣ и тотъ многотрудный путь, ту бездну работъ

на флотѣ и въ адмиралтействахъ, лишенныхъ, въ свою очередь, всѣхъ современныхъ средствъ, всѣхъ насущныхъ потребностей. Необходимо было почти все сломать въ нравственномъ и матеріальномъ отношеніяхъ и начать съизнова; разрушить закоренѣлыя привычки, пробудить къ энергіи, заставить полюбить науку и свое искусство, въ то время какъ корабли гнили въ гаваняхъ, офицеры и команды жили на берегу, а три фрегата, выводимые на рейдъ, на нѣсколько дней вылѣзали изъ Севастопольской бухты.

Мы уже въ своемъ мѣстѣ сказали, что на другой годъ его вступленія, флотъ началъ ежегодно плавать въ эскадрахъ, имъ лично предводимыхъ, а теперь прибавимъ, что, на основаніи всѣхъ вышеизложенныхъ фактовъ, почерпнутыхъ изъ донесеній и рапортовъ, въ архивѣ хранящихся, мы въ полномъ правѣ опредѣлительно, документально и точно, сказать, что *государственная заслуга* главнаго командира состояла въ томъ, что черноморскій флотъ со времени его командованія *началъ учиться и плавать* и *былъ вполнѣ преобразованъ* въ теченіи 12 лѣтъ къ открывшейся войнѣ 1828 года, и не только могъ принять участіе въ военныхъ событіяхъ въ Турціи, но послужилъ *главнымъ базисомъ*, *исполнялъ важнѣйшія порученія*, *предшествовалъ нашей арміи по румелійскому берегу*, *овладѣвая крѣпостями и городами*, *вырѣзывая суда подъ стѣнами фортовъ*; *употреблялся всюду*, *гдѣ только его присутствіе было возможно и*, *самостоятельно овладѣвъ Анапою*, *самымъ энергичнымъ и дѣятельнымъ образомъ способствовалъ взятію Варны*, крѣпости доселѣ еще незнавшей, по выраженію Императора Николая, силы россійскаго оружія. Покореніе этихъ двухъ важныхъ крѣпостей *подчинено* было главному начальству, командовавшему всѣмъ черноморскимъ флотомъ адмиралу Грейгу, а потому мы перейдемъ теперь къ описанію, конечно, поверхностному, военныхъ дѣйствій флота въ турецкой войнѣ 1828—1829 гг. и въ заключеніе здѣсь скажемъ, что за время управленія черноморскимъ вѣдомствомъ до войны, Алексѣй Самуиловичъ получилъ орденъ Александра Невскаго въ 1818 г., брилліантовые знаки на этотъ орденъ въ 1821 г. и Владиміра 1-й степ. въ 1827 году.

*

Извѣстіе о наваринскомъ сраженіи, бывшемъ 8 октября 1827 г., дошло до Николаева въ исходѣ того же мѣсяца и главный командиръ, понимая значеніе этого событія, предписалъ какъ начальникамъ портовъ, такъ и командирамъ судовъ быть готовыми къ внезапному появленію турокъ. При встрѣчѣ съ турецкими судами приказано было становиться по орудіямъ и отражать силою нападеніе, но не только не открывать самимъ огня, но даже не показывать ни малѣйшаго непріязненнаго вида. Озабочиваясь не задержаны ли наши два транспорта, посланные въ Константинополь въ распоряженіе нашего посланника Рибопьера, вице-адмиралъ Грейгъ испрашивалъ Высочайшее разрѣшеніе отправить къ Босфору два брига «Ганимедъ» (капитанъ-лейтенантъ Ушаковъ) и «Пегасъ» (капитанъ-лейтенантъ Баскаковъ) съ тѣмъ, чтобы одинъ крейсеровалъ отъ Босфора вдоль румелійскаго берега до Фаросскаго залива, а другой вдоль анатольскаго до Пендеракліи. Вскорѣ было получено извѣстіе, что Рибопьеръ въ Архипелагѣ; но считая, что крейсерство это можетъ быть полезно для наблюденія за приготовленіями въ Константинополѣ и развѣдываній о числительности флота, бригамъ предписано шестинедѣльное крейсерство; а когда они воротились въ Севастополь, то уже война была официально объявлена.

Черноморскій флотъ въ концѣ 1827 года состоялъ изъ слѣдующихъ судовъ:

Кораблей 9.

110 пуш. «Парижъ»—капитанъ 1 ранга Бальзамъ.
110 — «Императоръ Францъ»—капит. 1 ранга Уманецъ.
84 — «Императрица Марія»—капит. 2 ран. Папахристо.
80 — «Пантелеймонъ»—капитанъ 2 ранга Эсмантъ.
74 — «Пименъ»—капитанъ 1 ранга Кумани.
74 — «Іоаннъ-Златоустъ»—капит. 1 ранга Папаегоровъ.
74 — «Нордъ-Адлеръ»—капитанъ 1 ранга Стожевскій.
74 — «Скорый»—капитанъ 2 ранга Михаили.
74 — «Парменъ»—капитанъ 1 ранга Скаловскій.

Фрегатовъ 5.

44 пуш. «Флора»—капитанъ 2 ранга Метакса.
44 — «Евстаѳій»—капитанъ 2 ранга Пальской.
44 — «Штандартъ»—капитанъ-лейтенантъ Конотопцевъ.
44 — «Поспѣшный»—капитанъ 2 ранга Черниковъ.
32 — «Спѣшный»—военная брандвахта въ Севастополѣ.
23 п. *Шлюпъ* «Діана»—капитанъ лейтенантъ Ратчъ.
24 п. *Корветъ* «Язонъ»—капитанъ-лейтенантъ Нѣмтиновъ.
Бриги: 20 п. «Пегасъ»—капитанъ-лейтенантъ Баскаковъ.
18 п. «Ганимедъ»—капитанъ-лейтенантъ Ушаковъ.
18 п. «Меркурій»—капит.-лейтенантъ Стройниковъ.
18 п. «Орфей»—капитанъ-лейтенантъ Колтовской.
18 п. «Мингрелія»—лейтенантъ Рогуля 3.
14 п. *Бригантина* «Елизавета» — капитанъ-лейтенантъ Мессеръ 3.
14 п. *Шкуна* «Севастополь»—лейтенантъ Арказъ 3.
14 п. *Шкуна* «Гонецъ»—капитанъ-лейтенантъ Бриліантъ.
Люгера: 10 п. «Стрѣла»—лейтенантъ Власьевъ 2.
10 п. «Глубокій»—лейтенантъ Былимъ-Колосовскій.
10 п. «Широкій»—лейтенантъ Кузьминъ.
Катера: 12 пуш. «Ласточка»—лейтенантъ Власьевъ 1.
12 — «Жаворонокъ»—лейтенантъ Харечковъ.
12 — «Соловей»—лейтенантъ Алексѣевъ.
12 — «Соколъ»—лейтенантъ Вукотичъ.
Яхты: «Твердая»—лейтенантъ Никоновъ.
«Утѣха»—капитанъ-лейтенантъ Румянцовъ.
«Голубка»—лейтенантъ Манганари.
Пароходы: «Метеоръ».
«Молнія».
«Везувій».

Транспортовъ состояло при флотѣ 17; кромѣ этого, строился въ Николаевѣ 84 пушеч. корабль «Чесьма»и 60 пушеч. фрегатъ «Тенедосъ» въ Севастополѣ 36 пуш. фрегатъ «Рафаилъ» и тогда же получено повелѣніе строить съ подряда 4—84 пуш. корабля и 4—60 пушечн. фрегата. Изъ этого числа фрегатъ «Рафаилъ» присоединился къ флоту въ 1828 году, а фрегатъ «Эривань» былъ готовъ къ концу кампаніи 1829 года.

Гребная флотилія на Дунаѣ имѣла въ своемъ составѣ 25 канонерскихъ лодокъ вооруженныхъ каждая тремя 24 фунт. пушками и 17 іоловъ съ 18 фунт. пушкою.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1827 года главный командиръ сообщилъ начальнику главнаго штаба Его Императорскаго Величества генералъ-адъютанту графу Дибичу, требовавшему по Высочайшему повелѣнію, свѣдѣній о положеніи флота, что необходимо принять самыя рѣшительныя мѣры къ изготовленію провизіи и всѣхъ запасовъ и вмѣстѣ испрашивалъ разрѣшенія разружить эскадру для исправленія послѣ 7 мѣсячной кампаніи, представляя также о необходимости увеличить дунайскую гребную флотилію, такъ какъ турецкій гребной флотъ на Дунаѣ состоялъ изъ 109 судовъ съ 545 орудіями; у насъ же, какъ сказано выше было, 42 судна съ 92 орудіями. При этомъ онъ просилъ увеличить, бывшій при флотиліи 44 экипажъ, по примѣру прежнихъ войнъ, сухопутными войсками, а для усиленія флота обратить два транспорта въ бомбардирскія суда.

На эти представленія объявлена слѣдующая Высочайшая воля:

1) На заготовленіе провизіи и приведеніе въ готовность черноморскаго флота отпустить въ распоряженіе главнаго командира милліонъ рублей ассигнаціями.

2) Такъ какъ черноморскій флотъ до весны не можетъ предпринять никакихъ важнѣйшихъ дѣйствій, то дозволяется разружить всѣ суда, кромѣ тѣхъ, которыя главный командиръ признаетъ необходимыми.

3) Для усиленія дунайской флотиліи велѣно построить 5 канонерскихъ лодокъ и 18 іоловъ.

4) Для укомплектованія судовъ на Дунаѣ назначить одинъ флотскій экипажъ и

5) Два транспорта разрѣшено обратить въ бомбардирскія суда.

Такъ какъ изъ первоначальной переписки видно было, что первымъ дѣйствіемъ флота будетъ перевозка войскъ къ одному изъ пунктовъ Чернаго моря, то главный командиръ предписалъ начальнику въ Севастополѣ изготовить для каж-

даго корабля по одному десантному гребному судну, вырубить достаточное число фашинъ и туровъ для надобностей осады, заготовить доски и брусья для устройства пристаней и приспособить нанятыя купеческія суда къ погрузкѣ лошадей.

Имѣя въ виду, что, въ случаѣ войны, обстоятельства могутъ потребовать отсутствія его изъ Николаева на неопредѣленное время, онъ представилъ свои соображенія, на которыя 2 декабря 1827 года послѣдовалъ Высочайшій именной указъ:

«Дозволяя вамъ, въ случаѣ разрыва съ Отоманскою Портою имѣть пребываніе въ Николаевѣ, Севастополѣ и на морѣ, гдѣ, по усмотрѣнію вашему, потребуютъ нужды и обстоятельства, повелѣваю на время отсутствій вашихъ изъ Николаева, составить при черноморскомъ департаментѣ общее присутствіе изъ управляющихъ эскпедиціями, съ присовокупленіемъ одного или двухъ членовъ подъ предсѣдательствомъ флагмана по избранію вашему».

Нѣсколько далѣе говорится:

«Предписанія предсѣдателя, если онъ отъ васъ уполномоченъ будетъ, исполняются какъ собственныя ваши всѣми лицами, вамъ подчиненными; самъ же онъ, равно какъ и общее присутствіе подчиняются вамъ на томъ основаніи, какъ и всѣ прочія части управленія черноморскимъ флотомъ и портами, а потому на время вашего отсутствія вы не оставите при объявленіи сего указа снабдить его инструкціею съ обозначеніемъ мѣръ той власти, которую сочтете нужнымъ удѣлить ему и общему присутствію черноморскаго департамента».

Итакъ, флотъ долженъ былъ дѣйствовать подъ главнымъ начальствомъ вице-адмирала Грейга; вторымъ флагманомъ назначенъ вице-адмиралъ Мессеръ, третьимъ—контръ-адмиралъ Сальти, начальникомъ штаба на флотѣ—капитанъ-лейтенантъ Мелиховъ, флагъ-офицерами—капитанъ-лейтенантъ Рогуля 1 и лейтенантъ Кузнецовъ, помощниками ихъ мичманы Васильевъ и Дегалетъ, начальникомъ артиллеріи—капитанъ 1 ранга Примо, начальникомъ штурмановъ—капи-

танъ Шмелевъ, начальникомъ хозяйственной части—капитанъ-лейтенантъ Юрьевъ и, наконецъ, штабъ-лекарь Павловскій—старшимъ докторомъ. По дипломатической части командированы дѣйствительный статскій совѣтникъ Нигри и титулярный совѣтникъ Батьяновъ.

Въ предшествовавшую турецкую войну, какъ уже было сказано, дѣйствія флота были внѣ всякой связи съ сухопутными войсками, тогда какъ въ наступающую, намѣренія Государя Императора были совершенно другія, и они по операціонному плану тѣсно связывались.

Послѣ главной цѣли—разбитія турецкаго флота въ случаѣ, если бы онъ отважился выйдти изъ пролива, на обязанность черноморскаго флота возлагалось:

1) Содѣйствовать овладѣнію пунктами на румелійскомъ берегу по пути слѣдованія арміи, гдѣ предположено было образовать складочныя мѣста провіанта и запасовъ, доставляемыхъ изъ Одессы на зафрахтованныхъ купеческихъ судахъ.

2) Обезпечивать плаваніе этихъ судовъ отъ покушенія на нихъ непріятеля.

3) Не допускать непріятеля, моремъ, снабжать запасами свои крѣпости и

4) Содѣйствовать войскамъ къ покоренію первоклассныхъ крѣпостей.

Такъ какъ въ началѣ военныхъ дѣйствій флотъ еще не могъ понадобиться, то было рѣшено воспользоваться этимъ временемъ и употребить его для особой десантной экспедиціи, которая вскорѣ и объяснилась. Она состояла въ покореніи Анапы подъ главнымъ начальствомъ главнаго командира и Севастополь избранъ былъ пунктомъ для амбаркаціи 3 бригады 7 дивизіи съ ея батарейною ротою, а командующему на кавказской линіи генералъ-лейтенанту Эмануэлю дано повелѣніе имѣть готовыми въ Фанагоріи назначенныя отъ него войска. Но если бы осада затянулась далѣе 10 мая, тогда главный командиръ обязывался, оставивъ нѣсколько военныхъ судовъ для содѣйствія сухопутнымъ войскамъ, со всѣмъ своимъ флотомъ прибыть къ западному бе-

регу и при этомъ остальныя вышеизложенныя обязанности флота предоставлялись личному его соображенію.

30 марта послѣдовалъ Высочайшій указъ объ отплытіи 20 апрѣля къ Анапѣ.

Личный рескриптъ Императора Николая I главному командиру черноморскаго флота и портовъ вице-адмиралу Грейгу.

«Всѣ старанія къ сохраненію мира съ Оттоманскою Портою были тщетны. Разрывъ съ сею державою объявленъ будетъ вслѣдъ за симъ правительству ея.

На основаніи сего повелѣваю вамъ: отплыть 20 апрѣля изъ Севастополя къ Анапѣ съ флотомъ и десантомъ, вамъ ввѣренными; по прибытіи къ крѣпости сей, объявить турецкому въ оной начальнику о воспослѣдовавшемъ съ Портою разрывѣ, требовать отъ него сдачи крѣпости и за симъ начать военныя дѣйствія сходно съ наставленіями, предначертанными вамъ отъ меня черезъ начальника главнаго штаба моего.

Въ твердомъ упованіи на правоту дѣла нашего, на Всевышняго, я увѣренъ, что опытность и усердіе ваше оправдаютъ мои ожиданія, оправдаютъ славу россійскаго оружія»

С.-Петербургъ, 30 марта 1828 г.
получен въ Николаевѣ 13 апрѣля.

Графъ Дибичъ увѣдомилъ, что начальство надъ сухопутными войсками поручено исправляющему должность начальника морскаго штаба Его Императорскаго Величества генералъ-адъютанту контръ-адмиралу князю Меншикову.

11 апрѣля флотъ вышелъ на рейдъ, 14 прибылъ на пароходѣ «Метеоръ» изъ Николаева главный командиръ и князь Меншиковъ, 17 поднятъ на «Парижѣ» флагъ вице-адмирала Грейга, 18 приступлено къ амбаркаціи и 19 были объявлены послѣднія распоряженія.

Командиръ Севастопольскаго порта вице-адмиралъ Быченскій назначенъ предсѣдателемъ общаго присутствія въ Николаевѣ, а членами онаго контръ-адмиралы Карцовъ и Снаксаревъ, контръ-адмиралъ Патаніоти командиромъ Севастопольскаго порта.

Сему послѣднему даны подробныя наставленія, въ случаѣ нечаяннаго нападенія, росписать по соглашенію съ сухопутнымъ начальствомъ всѣ войска по батареямъ и устроить между ними сигналы, опредѣлить мѣста, гдѣ будетъ находиться начальникъ порта, назначить, гдѣ должны быть расположены суда, составить диспозицію въ случаѣ намѣренія непріятеля овладѣть городомъ при помощи десанта и какія войска и подъ чьею командою должны быть употреблены противъ высаженныхъ войскъ, какія назначаются для резерва и какія остаются при батареяхъ, и гдѣ каждый изъ генераловъ и штабъ-офиперовъ обязанъ находиться въ это время. Однимъ словомъ, (сказано въ приказѣ) *чтобы каждый заблаговременно зналъ свое мѣсто и свои обязанности.*

20 апрѣля сильный противный вѣтеръ не позволилъ выйдти въ море, съ разсвѣтомъ же 21-го флотъ изъ кораблей: «Парижъ», «Императоръ Францъ» (вице-адмиралъ Мессеръ, «Нордъ Адлеръ» (контръ-адмиралъ Сальти), «Пантелеймонъ», «Парменъ», «Пименъ» и «Іоаннъ-Златоустъ», фрегатовъ: «Флора», «Евстафій», «Штандартъ» и «Поспѣшный», шлюпа «Діана», корвета «Язонъ», бриговъ: «Меркурій», «Ганимедъ», «Пегасъ», бригантины «Елизавета», шкуны «Севастополь», люгеровъ: «Широкій», «Глубокій» и «Стрѣла», катера: «Жаворонокъ», бомбардирскихъ судовъ: «Подобный» и «Опытъ», парохода «Метеоръ», транспорта «Змѣя» и 8 зафрахтованныхъ судовъ всего изъ 34 вымпеловъ, вступилъ подъ паруса. Противный вѣтеръ долго задерживалъ флотъ и только 2 мая, т. е. на 12 день, онъ бросилъ якорь на анапскомъ рейдѣ, укрѣпленія котораго покрыты были турками, а на близлежащихъ высотахъ виднѣлись многочисленныя толпы черкесовъ. Подъ стѣнами крѣпости стояли 18 купеческихъ судовъ.

По сигналу съ адмиральскаго корабля приказано было, поставивъ команды во фронтъ, вскрыть запечатанный пакетъ съ слѣдующимъ приказомъ отъ 2 мая 1828 г.

«Наконецъ жребій войны брошенъ: мы должны сражаться!

«Враги наши—враги христіанъ, невѣрные мусульмане. Но берега и воды Чернаго моря не разъ уже дружили русскихъ съ побѣдою и славою и никогда непріятели наши, турки,

не первенствовали надъ нами славою оружія; еще недавно азіатское вѣроломство усмирено и наказано мужественными россіянами въ долинахъ Эривани и Нахичевани; еще такъ свѣжи слѣды битвы наваринской, покрывшей славою нашъ балтійскій флотъ; сіи подвиги останутся вѣчными залогами неизмѣнной храбрости и твердости россіянъ. Воспользуемся, товарищи, сими славными примѣрами, раздѣливъ участь храбрыхъ нашихъ соотечественниковъ! Нашему флоту теперь предстоитъ время еще разъ побѣдами свидѣтельствовать о его силѣ. Вамъ, храбрые воины, теперь предстоитъ счастливый случай употребить ваше мужество, ваше искусство и непобѣдимую твердость во славу Отечества и Государя».

Громкое ура на всемъ флотѣ было отвѣтомъ на этотъ приказъ.

Тотчасъ же отправлены были флагъ-офицеръ капитанъ лейтенантъ Рогуля и чиновникъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Батьяновъ, на берегъ, въ крѣпость съ письмомъ къ коменданту, въ которомъ, объявляя объ открытіи войны, требовалась сдача крѣпости; но посланные черезъ полтора часа возвратились съ словеснымъ отвѣтомъ двухбунчужнаго паши Шатыръ-Османъ-Оглу, что онъ будетъ защищаться до послѣдней капли крови.

Начальнику таманскаго отряда флигель-адъютанту полковнику Перовскому послано было съ разсвѣтомъ на люгерѣ приказаніе, чтобы онъ отправился къ Анапѣ, но войска его не показывались. Это обстоятельство вмѣстѣ съ дождливымъ временемъ было причиною, что высадка отложена до слѣдующаго утра. Поднявшаяся ночью зыбь помѣшала начать высадку на другой день, хотя отрядъ Перовскаго показался около полдня. 4 мая дулъ весьма свѣжій вѣтеръ и заставилъ безпокоиться о положеніи флота на такомъ дурномъ и открытомъ рейдѣ, что дало поводъ туркамъ нападать, хотя и безуспѣшно, на сухопутный отрядъ Перовскаго. 5-го хотя вѣтеръ стихалъ, но адъютантъ князя Меншикова капитанъ-лейтенантъ Купріяновъ, посланный на берегъ, съ большимъ затрудненіемъ достигъ его, а потому только 6-го

могли свезти войска и тогда князь Меншиковъ вступилъ въ командованіе сухопутнымъ отрядомъ.

Бѣглые изъ крѣпости греки показали, что на стоявшихъ 10 судахъ доставлены войска, порохъ, оружіе и провіантъ, что гарнизонъ теперь состоитъ уже изъ 6 тысячъ и паша ожидаетъ еще скораго подкрѣпленія.

По данной Государемъ Императоромъ инструкціи главному командиру предоставлялось два рода дѣйствій: или открыть атаку и бомбардированіе флотомъ и, разрушивъ ближайшій бастіонъ, способствовать приступу сухопутныхъ войскъ, или если дѣйствія флота не обезпечатъ вполнѣ успѣха штурма то приступить къ правильной осадѣ.

Во исполненіе этой Высочайшей воли, 5 кораблей, 3 фрегата и 2 бомбардирскія судна, 7 числа заняли мѣста по диспозиціи и главный командиръ, распоряжаясь лично атакою, обходилъ линію на пароходѣ «Метеоръ». Взаимная канонада съ крѣпости и флота продолжалась съ 11 до 3-хъ часовъ. Въ это время засвѣжѣвшій вѣтеръ заставилъ думать о положеніи судовъ и по сигналу адмирала флотъ отошелъ и занялъ первоначальное свое мѣсто. Въ продолженіе этого дѣла произведено 8 тыс. выстрѣловъ, а уронъ нашъ состоялъ изъ 6 убитыхъ и 71 раненыхъ (въ числѣ коихъ былъ 1 оберъ-офицеръ), суда получили 72 пробоины и 180 поврежденій въ рангоутѣ и оснасткѣ. Мелководіе не позволило флоту подойдти на близкое разстояніе; а какъ навѣсные выстрѣлы не причиняли почти никакого вреда избранному бастіону, то рѣшено было приступить къ правильной осадѣ, и чтобы содержать гарнизонъ постоянно въ тревогѣ, положено ежедневно ставить по одному кораблю на позицію, направляя огонь на избранный бастіонъ, а въ случаѣ надобности отвлечь вниманіе непріятеля, усиливать бомбардированіе двумя кораблями. Далѣе содѣйствіе флота выражалось въ снабженіи пушками и единорогами выстроенныхъ на берегу батарей и въ посылкѣ, смотря по надобности, отъ 500 до 600 матросовъ къ осаднымъ работамъ. Капитанъ 2 ранга Залѣсскій назначенъ былъ управлять осадною артиллеріею, капитанъ-лейтенанты: Вергопуло и Шостенко—траншей маіо-

рами, мичманы: Морозовъ и Юсуповъ къ осаднымъ работамъ, а лейтенанты Серебряковъ, Романовъ и Де-Галетъ—въ штабъ князя Меншикова; 1 офицеръ и 2 штурманскіе кондуктора для производства телеграфа. Кромѣ этого, и на рѣкѣ Бузуръ содержалось вооруженное гребное судно. И такъ флотъ долженъ былъ снабжать порохомъ, снарядами и заботиться о продовольствіи провіантомъ, доставляемымъ изъ Керчи; имъ же устроенъ на берегу лазаретъ, помѣщеніе для начальниковъ и, слѣдовательно, въ одно и то же время онъ служилъ операціоннымъ базисомъ, магазиномъ, паркомъ, резервомъ и укрѣпленнымъ лагеремъ, куда войска могли отступить въ случаѣ неудачи.

Мелкія суда посланы были въ крейсерство къ абхазскимъ берегамъ и 9 мая катеръ «Соколъ» показался, ведя на буксирѣ большое двухмачтовое судно. Дѣло было такъ: онъ стоялъ на якорѣ въ бухточкѣ южнѣе Суджукъ-Кале, и какъ только увидѣлъ это судно, то немедленно снялся съ якоря, пошелъ на встрѣчу и, несмотря на то, что палуба непріятельскаго судна всплошную покрыта была войсками, подошелъ къ нему на пистолетный выстрѣлъ и далъ залпъ со всего борта. Турки, увидѣвъ такую рѣшительность дѣйствій, убрали паруса; тогда лейтенантъ Вукотичъ на четверкѣ съ 6-ю вооруженными матросами, присталъ къ судну и, взойдя обезоружилъ находившіяся на немъ войска, состоявшія изъ 1 Бимъ-баши, 2-хъ Агъ и 300 нижнихъ чиновъ, взялъ судно на буксиръ и привелъ къ флоту.

Итакъ катеръ, на которомъ было 25 человѣкъ и 10 пущенокъ, отвагою своего командира овладѣлъ судномъ, имѣвшимъ 300 человѣкъ хорошо вооруженнаго войска и доставилъ его благополучно къ флоту. Государь Императоръ, получивъ донесеніе объ этомъ блистательномъ подвигѣ храбрости, наградилъ лейтенанта Вукотича орденомъ Св. Георгія 4 степени.

Бригъ «Ганимедъ» въ Суджукъ-Кале взялъ другое судно съ войскомъ, третіе разстрѣляно «Соколомъ», такъ какъ оно успѣло высадить войска и вытащено было на берегъ.

Наконецъ, четвертый призъ взятъ былъ барказомъ и катеромъ яхты «Утѣха» подъ командою капитанъ-лейтенанта Ру-

мянпова, несмотря на сильный ружейный огонь съ берега; командиръ его также удостоился ордена Св. Георгія 4 степени

Такъ какъ осада продолжалась, то главный командиръ, имѣя въ виду Высочайшую волю касательно обезпеченія плаванія купеческихъ судовъ, доставлявшихъ продовольствіе въ Кюстенджи и къ другимъ пунктамъ Румеліи, и признавая необходимымъ имѣть около мыса Каліакріи достаточную эскадру, отрядилъ для этой цѣли 15 мая корабли: «Императоръ Францъ», «Пименъ», «Іоаннъ Златоустъ», фрегаты «Евстаѳій» и «Штандартъ», бригъ «Меркурій», бригантину «Елизавета» и только-что спущенный фрегатъ «Рафаилъ». Поручая эту эскадру вице-адмиралу Мессеру, онъ предписалъ зайдти въ Севастополь, пополнить запасы, укомплектовать прибывшими туда рекрутами и занять крейсерство отъ Каліакріи до Бургаса, а отъ него держать фрегаты до самаго пролива. Крейсерамъ предписано всевозможными средствами вредить торговлѣ непріятеля, брать призы, отправлять ихъ въ Севастополь и обращать особенное вниманіе на то, чтобы получить подробныя свѣдѣнія о положеніи дѣлъ въ Константинополѣ и о состояніи турецкаго флота.

17-го было получено извѣстіе, что командиръ брига «Пегасъ» (капитанъ-лейтенантъ Баскаковъ) разрушилъ въ Геленджикѣ непріятельское судно, такъ какъ не могъ стащить его съ мели, при чемъ имѣлъ 6 человѣкъ раненыхъ.

18-го замѣчено, что непріятель готовитъ вылазку, а потому произведено усиленное бомбардированіе двумя кораблями и фрегатомъ. Въ этотъ день въ сухопутномъ отрядѣ было жаркое дѣло, окончившееся совершеннымъ пораженіемъ непріятеля, несмотря на его превосходство; онъ напалъ въ числѣ 6 тыс. человѣкъ.

20-го назначенъ былъ отрядъ гребныхъ судовъ по два съ каждаго корабля и фрегата и поручено капитанъ-лейтенанту Нѣмтинову для вырѣзки судовъ изъ-подъ самой крѣпости. Нѣмтиновъ овладѣлъ тремя судами, такъ какъ остальныя стояли за бонами и получилъ за это орд. Св. Георгія 4 стенени.

28-го турки и черкесы сдѣлали вылазку еще въ большемъ числѣ, но были блистательно отбиты и понесли большой уронъ. Непріятель былъ въ числѣ 9 или 10 тысячъ.

5 іюня получено было отношеніе графа Дибича, который писалъ, что Государь Императоръ, получивъ донесеніе о подробностяхъ дѣла 18 мая подъ Анапою, изъявляетъ главному командиру искреннюю признательность за благоразумныя мѣры, принятыя для исполненія возложеннаго на него порученія; что признательность эта тѣмъ полнѣе, что Его Величеству извѣстно, сколь ограниченны наши средства подъ Анапаю и сколь мало они соотвѣтствуютъ силамъ и способамъ непріятеля, что, не менѣе того, Государь Императоръ остается въ полной увѣренности, что усердіе и искусство замѣнятъ недостатокъ способовъ со стороны нашей

Нападеніе 28 мая было послѣднимъ со стороны непріятеля, а его бездѣйствіе ускорило осадныя работы, которыя пришли къ концу и дѣлались приготовленія къ штурму, и тогда положено было снова сдѣлать предложеніе коменданту о сдачѣ.

10 іюня съ разсвѣтомъ прекратили огонь противъ крѣпости, а въ 7 часовъ на кораблѣ «Парижъ» былъ поднятъ, при пушечномъ выстрѣлѣ, бѣлый флагъ и вслѣдъ за этимъ на береговомъ телеграфѣ. Черезъ часъ г. Батьяновъ отправленъ съ письмомъ къ коменданту и возвратился съ довѣреннымъ отъ паши чиновникомъ. Комендантъ просилъ 4 дня на размышленіе, а ему было дано 5 часовъ, но тѣмъ, не менѣе переговоры шли весь слѣдующій день и только 12 числа онъ согласился на предложенныя ему условія:

1) Гарнизонъ крѣпости сдается военно-плѣннымъ и будетъ отправленъ въ Россію.

2) Пашѣ и чиновникамъ дозволяется сохранить оружіе, прочее же оружіе должно быть сложено въ томъ мѣстѣ, гдѣ будетъ назначено.

3) Частная собственность, исключая оружія, остается неприкосновенною, но все казенное имущество должно быть выдано.

4) Жителямъ, которые пожелютъ остаться въ крѣпости, будетъ оказано всякое покровительство; имъ дозволяется истре-

бовать свои семейства и имущества, отправленныя въ горы при началѣ осады.

5) Всѣ отрѣзанные въ сраженіи, бывшемъ 28 мая и удалившіеся въ горы, турки, включаются въ эту капитуляцію.

6) Позволяется пашѣ послать въ Анатолію, или даже въ Константинополь, сына своего съ донесеніями къ своему правительству.

Ровно въ полдень войска наши вступили, по пробитой бреши, въ Анапу и на стѣнахъ ея взвился русскій флагъ, появленіе котораго флотъ привѣтствовалъ салютомъ.

На другой день флигель-адъютантъ графъ Толстой отправленъ на пароходѣ «Метеоръ» съ донесеніемъ къ Государю Императору о сдачѣ Анапы и для поднесенія ключей и флага крѣпости. Вице-адмиралъ Грейгъ въ своемъ донесеніи относилъ покореніе крѣпости къ военнымъ дарованіямъ, энергіи и блистательной храбрости генералъ-адъютанта князя Меншикова, который, съ такимъ малымъ отрядомъ, успѣлъ неоднократно отражать покушенія многочисленнаго гарнизона и его союзниковъ-черкесовъ, дравшихся съ ожесточеніемъ. Въ заключеніе главный командиръ докладывалъ, что, по отправленіи плѣнныхъ въ Керчь и принятіи десанта, флотъ отправится къ дунайскимъ берегамъ для полученія Высочайшихъ повелѣній къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ.

16 іюня получено было извѣстіе, что Государь Императоръ получилъ донесеніе о сраженіи 28 мая; за блистательные успѣхи, одержанные подъ Анапою флотомъ и войсками, изъявляетъ главному командиру совершенную свою признательность и благоволеніе, генералъ-адъютанту князю Меншикову—жалуетъ орденъ Св. Георгія 3 степени, полковнику Перовскому орденъ Св. Георгія 4 степ. 28 прибылъ адъютантъ главнаго командира капитанъ-лейтенантъ Румянцовъ съ дѣлами изъ главной Императорской квартиры. За покореніе Анапы главный командиръ произведенъ въ адмиралы, князь Меншиковъ—въ вице-адмиралы, съ утвержденіемъ въ званіи начальника морскаго штаба Его Императорскаго Величества, полковникъ Перовскій—въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ въ Свиту Е И. Величества.

Тотчасъ же на кораблѣ «Парижъ» былъ поднятъ флагъ полнаго адмирала и флотъ салютовалъ ему по уставу.

Графъ Дибичъ, сообщая о положеніи нашей арміи, передалъ волю Государя Императора, чтобы десантныя войска 7 дивизіи оставались на флотѣ до дальнѣйшаго распоряженія и вмѣстѣ увѣдомилъ, что первымъ дѣйствіемъ флота будетъ блокада Варны и содѣйствіе въ осадѣ этой крѣпости.

Капитаны, офицеры и команды были щедро награждены.

3 іюля по сигналу адмирала флотъ снялся съ Анапскаго рейда, простоявъ на немъ ровно два мѣсяца.

Трофеями нашими въ Анапѣ были 83 орудія, 20 000 снарядовъ, 3 000 ружей, 160 пистолетовъ, 2 000 сабель, ятагановъ, кинжаловъ, милліонъ патроновъ и 2 000 пуд. пороху.

Взято въ плѣнъ: паша-комендантъ, 120 офицеровъ и 3848 нижнихъ чиновъ; изъ числа судовъ взято 4, а 3, разбитыя ядрами, затонули. Крейсеры, какъ было сказано, овладѣли 4 призами и взяли въ плѣнъ 940 человѣкъ съ полнымъ вооруженіемъ, назначавшихся въ подкрѣпленіе гарнизона; вырѣзано изъ подъ самой крѣпости 3 судна и 3 истреблены въ разныхъ мѣстахъ.

Покореніе Анапы, по отзыву всѣхъ военныхъ писателей, какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ, названо событіемъ знаменательнымъ. Отдавая полную справедливость блистательному мужеству и отличнымъ военнымъ дарованіямъ начальника сухопутныхъ войскъ генералъ-адъютанта князя Меншикова и геройству, стойкости и трудамъ его отряда, мы не можемъ пройдти молчаніемъ о томъ, что моряки черноморскаго флота и на сухомъ пути принимали непосредственное участіе. Такъ изъ нихъ были избраны и траншей-маіоры и командиры осадныхъ батарей и производители осадныхъ работъ; матросы стояли у пушекъ, комендоры наводили орудія.

Положеніе сухопутнаго отряда было, въ полномъ смыслѣ, критическое, такъ какъ онъ имѣлъ передъ собою съ одной стороны гарнизонъ, несоразмѣрно превосходившій его силою, а съ другой горы, съ которыхъ спускались, какъ лава, массы черкесовъ въ 6 и 8 тысячъ; но это положеніе облегчалось убѣжденіемъ

въ той готовности, съ которою всѣ требованія исполнялись, всякая помощь давалась главнымъ командиромъ, даже въ ущербъ надобностямъ флота. Для поясненія этой мысли должно вспомнить, что, при объявленіи войны, Высочайшая воля указывала адмиралу прежде всего и важнѣе всего—истребленіе турецкаго флота, а потому на немъ лежала двойная роль: и главнаго начальника осады и адмирала, который, при первомъ извѣстіи о выходѣ непріятельскаго флота, долженъ бросить все и дать морское сраженіе, между тѣмъ какъ офицеры, команды, орудія, станки, снаряды были на берегу. Ему предписано оставаться только до 10 мая, но онъ, понимая безвыходное положеніе сухопутнаго отряда, безъ присутствія флота, раздѣляетъ эскадру при самомъ началѣ осады и такимъ образомъ беретъ на себя большую отвѣтственность, въ томъ случаѣ, если бы отрядъ вице-адмирала Мессера былъ окруженъ превосходнымъ въ числѣ непріятелемъ. Такимъ образомъ онъ, способствуя успѣшному ходу осады становитъ по очередно свои корабли подъ крѣпостные выстрѣлы, охраняетъ и берега Дуная, вдоль которыхъ снуютъ наши купеческія суда, подвозящія необходимое продовольствіе для арміи, и блокируетъ Румелію до самаго пролива, и посылаетъ крейсеровъ вдоль абхазскихъ береговъ, для того, чтобы не допускать и уничтожать подкрѣпленія, назначенныя Анапѣ. Наконецъ, не говоря уже о прямой, непосредственной помощи, мы скажемъ, что одно нравственное вліяніе присутствія флота уравновѣшивало недостаточныя средства сухопутнаго отряда.

Взятіе призовъ, вырѣзка судовъ изъ подъ крѣпости и въ особенности богатырская схватка «Сокола», принадлежатъ къ числу отважныхъ подвиговъ на морѣ. И такъ принимая во вниманіе, что Анапа была всегда пунктомъ мусульманскаго союза турокъ и черкесовъ, признававшихъ султана главою своего закона, своимъ падишахомъ и вмѣстѣ мѣстомъ, гдѣ они получали все необходимое для разбоевъ, дѣлается понятнымъ то ожесточеніе, та настойчивость, съ которою они отстаивали эту крѣпость, а потому мы въ правѣ согласиться, что покореніе Анапы при данныхъ средствахъ было дѣломъ—дѣйствительно знаменательнымъ и, что черноморскому флоту

принадлежитъ, въ этомъ дѣлѣ, львиная часть. Такъ понялъ это Государь, награждая главнаго командира высшимъ чиномъ во флотѣ и осыпавъ наградами капитановъ, офицеровъ и команды.

Адмиралъ, 9 іюля придя на видъ Севастополя, легъ въ дрейфъ, сдалъ больныхъ, принялъ матеріалы, снаряды, провизію и, снабдивъ предписаніемъ командира порта о безостановочномъ доставленіи на транспортахъ всего необходимаго, снялся съ дрейфа и направился къ Мангаліи. 12 числа получены депеши, въ которыхъ генералъ-адъютантъ графъ Дибичъ писалъ, что Государю Императору угодно, чтобы по прибытіи флота къ Мангаліи, князь Меншиковъ съѣхалъ на берегъ и прибылъ въ Императорскую квартиру, и чтобы за симъ адмиралъ съ флотомъ и десантными на немъ войсками, шелъ къ Варнѣ для блокированія этой крѣпости, но десанта не высаживалъ до полученія особаго повелѣнія, и какъ командиръ люгера, доставившаго депеши, сообщилъ что въ настоящую минуту войска наши подвинулись къ Коварнѣ, то флотъ взялъ курсъ къ этому мѣсту, гдѣ и произошло соединеніе съ эскадрою вице-адмирала Мессера, который при этомъ донесъ, что крейсеры наши въ теченіи отдѣльнаго плаванія взяли 9 призовъ.

15 получено отношеніе графа Дибича о намѣреніи Государя Императора прибыть къ Варнѣ берегомъ для обозрѣнія крѣпости и осмотра флота, и что главному командиру предоставляется избрать удобное мѣсто для переѣзда Его Величества на адмиральскій корабль и какъ ходъ военныхъ дѣйствій позволяетъ Государю отбыть на-время въ Одессу, то предлагаетъ главному командиру изготовить фрегатъ и пароходъ. Адмиралъ приказалъ «Флорѣ» озаботиться принять Его Величество и указалъ на Коварну, какъ на болѣе закрытое мѣсто.

На другой день получено извѣстіе, что непріятель показывается близъ Коварны въ значительныхъ силахъ и боясь, чтобы онъ не занялъ этого мѣста, на которомъ была только

одна рота, главный командиръ приказалъ высадить 13 егерскій полкъ и батарейную роту.

21-го получено Высочайшее повелѣніе о порученіи осады Варны адмиралу Грейгу, а дѣйствія сухопутныхъ войскъ ввѣрены вице-адмиралу князю Меншикову, и тогда тотчасъ же свезенъ остальной десантъ, которому велѣно идти на соединеніе съ войсками, направленными къ Варнѣ. Послѣ этого флотъ снялся и на другой день бросилъ якорь противъ залива Саханликъ гдѣ ожидалъ прибытія Государя Императора. Въ тотъ же день начальникъ штаба капитанъ 2 ранга Мелиховъ посланъ для осмотра крѣпости и черезъ три часа возвратился съ набросаннымъ планомъ Варны, а на другой день самъ адмиралъ на пароходѣ «Метеоръ» обходилъ вдоль крѣпости. Въ оба эти раза суда наши подходили довольно близко къ бастіонамъ, но по нимъ не стрѣляли.

24 числа Государь прибылъ на флотъ на «Метеорѣ» и переѣхалъ на корабль «Парижъ» въ сопровожденіи князя Меншикова, графа Нессельроде, графа Бенкендорфа и другихъ лицъ.

Въ теченіе трехъ часовъ своего пребыванія Его Величество осматривалъ флотъ и крѣпость, сдѣлалъ наставленія объ осадѣ и изъявилъ свое удовольствіе главному командиру за отличный порядокъ и устройство флота, переѣхалъ на фрегатъ «Флора», который тотчасъ же снялся и ушелъ въ море въ сопровожденіи парохода «Метеоръ» и брига «Меркурій». Фрегатъ «Штандартъ» былъ данъ для переѣзда дипломатическаго корпуса.

25-го въ 6 часовъ утра г. Батьяновъ былъ посланъ съ письмомъ адмирала Грейга къ командовавшему въ Варнѣ капуданъ-пашѣ Изветъ-Магомету съ предложеніемъ сдать крѣпость на капитуляпію. Катеръ, на которомъ онъ находился, былъ встрѣченъ турецкимъ гребнымъ судномъ и письмо было передано высланному чиновнику. Вслѣдъ за этимъ флотъ снялся и подошелъ къ крѣпости. Въ 7 часовъ прибылъ изъ Варны турецкій чиновникъ съ отвѣтомъ Изветъ Магомета, что онъ, соображаясь съ волею своего могущественнаго и великодушнаго падишаха, покровителя міровъ,

употребитъ всѣ силы для отраженія нашего нападенія и надѣется наслаждаться желаннымъ успѣхомъ побѣды.

Варна занимаетъ обширное протяженіе и съ востока на западъ имѣетъ 700 саж., а съ сѣвера на югъ 500; валъ ея съ изгибами имѣетъ до 7 верстъ; за главнымъ валомъ находится цитадель съ замкомъ. Къ западу лежитъ довольно большое озеро или лиманъ Девно, соединяющійся съ моремъ посредствомъ рѣчки; мѣстоположеніе около самой крѣпости довольно ровное, но далѣе, на разстояніи отъ $1^1/_2$ до 3 верстъ поднмается рядъ холмовъ и горъ; съ востока она омывается моремъ. Рейдъ открытъ; грунтъ хорошъ, но мелководіе, подобно какъ у Анапы, не позволяетъ флоту подходить близко. Въ стратегическомъ отношеніи Варна играетъ важнѣйшую роль, какъ оплотъ Балкановъ; для насъ взятіе, а для турокъ защита ее, были дѣломъ первостепеннымъ.

Гарнизонъ ея состоялъ изъ 27 тысячъ и, кромѣ того, для содѣйствія ему назначены особые корпуса подъ командою паши Омеръ-Вріоне. Крѣпость имѣла многочисленную артиллерію, была снабжена всѣми запасами въ изобиліи и поручена была извѣстному своимъ мужествомъ верховному адмиралу Капуданъ-пашѣ, который вполнѣ оправдалъ ожиданія своего правительства.

Съ начала кампаніи генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ назначенъ былъ съ двухтысячнымъ отрядомъ наблюдать Варну, но ни онъ, ни генералъ-лейтенантъ Ушаковъ, смѣнившій его, ничего не могли предпринять по малочисленности отряда, и только съ назначеніемъ генералъ-адъютанта князя Меншикова начались настоящія дѣйствія. Произведя усиленную рекогносцировку, онъ оттѣснилъ непріятеля къ крѣпости и приступилъ къ обложенію ея сѣверной и западной сторонъ. Отрядъ его состоялъ изъ 10 т. человѣкъ.

Хотя близость къ Босфору поставляла флотъ въ необходимость быть готовымъ вступить подъ паруса, но, несмотря на это, главный командиръ, при свиданіи съ княземъ Меншиковымъ, условился какъ и въ Анапѣ, оказывать всевозможное содѣйствіе сухопутному отряду, и на другой же день 350 матросовъ отдѣлены были для постройки редута,

долженствовавшаго остановить непріятеля, если бы онъ оттѣснилъ наши войска отъ берега. Комендантомъ редута былъ назначенъ капитанъ-лейтенантъ Центиловичъ. Въ то же время устроена была пристань и установленъ телеграфъ, а по окончаніи редута, изъ запаснаго рангоута и парусовъ устроены лазаретъ, магазинъ, пороховой погребъ и помѣщеніе для офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Кромѣ этого, 500 человѣкъ съ своими офицерами отдѣлены для производства осадныхъ работъ и приказано свозить на берегъ орудія, снаряды, порохъ для осадныхъ батарей, порученныхъ капитану 2 ранга Залѣсскому назначенному, какъ и въ Анапѣ, управлять осадною артиллеріею. Часть продовольственныхъ запасовъ, привезенныхъ въ Коварну на зафрахтованныхъ судахъ, велѣно отослать въ редутъ и для ускоренія выгрузки ихъ назначались корабельные барказы.

Вмѣстѣ съ этими распоряженіями приступлено было къ дѣйствіямъ противъ крѣпости со стороны моря, съ тѣмъ же порядкомъ, какой былъ и въ Анапѣ, т. е. ежедневно ставился корабль или фрегатъ, и одно бомбардирское судно на позицію для бомбардированія, а въ случаѣ надобности отвлечь вниманіе непріятеля, 2 корабля и 2 или 3 бомбардирскія судна.

26 іюля первымъ открылъ дѣйствіе со стороны моря фрегатъ «Евстаѳій», и ему же пришлось дѣйствовать по непріятельскому отряду, имѣвшему намѣреніе обойдти лѣвый флангъ нашихъ войскъ.

Государь Императоръ, во время своего присутствія на флотѣ, указалъ на необходимость овладѣть непріятельскою флотиліею изъ 14 судовъ, стоявшею подъ стѣнами крѣпости и которую можно было употребить какъ брандеры. Исполненіе этой Высочайшей воли адмиралъ возложилъ на начальника своего штаба капитана 2 ранга Мелихова. Ему было дано по 2 вооруженныхъ гребныхъ судна съ каждаго корабля и фрегата, собранныхъ къ 10 часамъ вечера около бригантины «Елизавета», поставленной по серединѣ разстоянія между флотомъ и крѣпостью. Въ 11 часовъ отрядъ отвалилъ въ

стройномъ порядкѣ и былъ замѣченъ только тогда, когда подошелъ на ружейный выстрѣлъ; на судахъ открыли огонь, но отрядъ, бросившись на нихъ черезъ полчаса овладѣлъ ими и привелъ къ флоту *четырнадцать* судовъ и *два* вооруженные барказа, не смотря на то, что съ крѣпости открыли огонь со всѣхъ батарей; уронъ состоялъ изъ четырехъ убитыхъ и 37 раненыхъ; между ними были: лейтенанты Зигури и Манганари, мичманъ Кутузовъ и гардемаринъ Потуловъ, вскорѣ умершій. Потеря непріятеля неизвѣстна, потому что убитые выброшены за бортъ, но она должна быть значительна по сильному сопротивленію, встрѣченному нами, особенно при атакѣ судна № 8, произведенной катерами лейтенанта Юрковскаго (впослѣдствіи столько извѣстнаго черноморскому флоту и гарнизону своимъ замѣчательнымъ хладнокровіемъ и мужествомъ при осадѣ Севастополя), Манганари и Ольшевскаго. Въ плѣнъ взято 46 человѣкъ.

Государь Императоръ, получивъ донесеніе объ этомъ дѣлѣ, наградилъ Мелихова слѣдующимъ чиномъ: *Вмѣстѣ съ тѣмъ относя блестящій успѣхъ отважной вылазки турецкой флотиліи, россійскій флотъ новою славою покрывшей, къ благоразумнымъ распоряженіямъ главнаго командира, искусному наставленію, которымъ онъ снабдилъ начальника отряда, и наиболѣе тому воинственному духу бодрости, порядка и повиновенія, который онъ умѣлъ внушить всему черноморскому флоту, соизволилъ изъявить адмиралу Грейгу монаршую свою признательность за усердное на пользу государства служеніе его.*

Оставляя подробности дѣйствій на сухомъ пути, такъ какъ они не относятся къ главному предмету нашего повѣствованія, я буду указывать только на главнѣйшія и тѣ, которыя были въ связи съ дѣйствіями флота, а здѣсь скажу, что турки почти ежедневно тревожили наши сухопутныя войска, никогда не имѣя удачи.

Для пресѣченія сообщенія Варны посредствомъ лимана Девно, князь Меньшиковъ призналъ необходимымъ имѣть тамъ вооруженныя гребныя суда, почему и отдѣлены были

3 августа барказъ и катеръ и въ тотъ же день они открыли свои дѣйствія и вскорѣ обезпечили этотъ пунктъ отъ всякаго нечаяннаго покушенія.

5 августа прибылъ изъ крейсерства фрегатъ «Поспѣшный» съ двумя призами. Командиръ его капитанъ 2 ранга Черниковъ доносилъ, что, по осмотрѣ Константинопольскаго пролива онъ, проходя мимо Мидіи, замѣтилъ два судна, стоявшія подъ его укрѣпленіями и, дождавшись наступленія ночи, отправилъ абордировать ихъ, лейтенанта Делаграматика съ двумя катерами, который, несмотря на артиллерійскій и ружейный огонь, овладѣлъ ими и одно привелъ, а другое затопилъ. Фрегатъ взялъ судно на буксиръ, и проходя мимо Инады, увидѣлъ еще два судна, изъ которыхъ одно было подъ военнымъ флагомъ; суда, обрубивъ канаты, стали подъ самыми батареями; командиръ, рѣшивъ взять военное судно, назначилъ барказъ и катеръ съ лейтенантами Делаграматикомъ и Бардаки, которые, несмотря на перекрестный огонь съ батарей и изъ двухъ орудій на суднѣ, овладѣли имъ и привели къ фрегату.

7 числа адмиралъ произвелъ атаку всѣмъ флотомъ; командиры кораблей были наканунѣ собраны на адмиральскомъ кораблѣ и, согласно приказаніямъ, ими полученнымъ, слѣдуя за транспортомъ «Редутъ-Кале», шедшимъ впереди и измѣрявшимъ глубину, всѣ корабли шли въ линіи баталіи до назначеннаго мѣста, а потомъ спустившись противъ крѣпости подъ малыми парусами, открывали батальный огонь, уступая поочередно мѣста своимъ мателотамъ. Маневръ этотъ, извѣстный впослѣдствіи подъ названіемъ *Варнскаго вальса*, производился отъ 2 до 5 часовъ. Непріятель отвѣчалъ со всѣхъ батарей, но не сдѣлалъ никакихъ важныхъ поврежденій флоту, а по отзыву плѣнныхъ, атака эта произвела значительныя разрушенія въ крѣпости.

9 августа князь Меншиковъ во время сильной вылазки, лично распоряжавшійся войсками, получилъ тяжелую рану въ обѣ ноги. Извѣстясь объ этомъ, адмиралъ немедленно отправился на берегъ съ своими докторами.

Узнавъ о ранѣ князя Меншикова, Государь написалъ Грейгу собственноручное письмо, которое мы приводимъ во

французскомъ подлинникѣ, какъ свидѣтельствующее о тѣхъ отношеніяхъ, которыя существовали между покойнымъ Государемъ и адмираломъ, заслуги и достоинства котораго всегда высоко цѣнились Его Императорскимъ Величествомъ.

à bord de l'Утѣха, $\frac{\text{le 15 Août}}{1828}$

Je viens de recevoir votre lettre mon cher Greig, et commence par vous dire que Je consens *à tout*, ce que vous proposez; mais de grace pensez à faciliter de tous vos moyens le débarquement des vivres à Kowarna, qui sans cela, nous peut faire mourir de faim à Schoumla.

La triste nouvelle de la blessure de Меншиковъ renverse tous mes projets; que Dieu veuille le rétablir et nous préserver du malheur irreparable de le perdre, ce serait affreux pour moi.

J'ai engagé de suite Woronzof de partir pour aller prendre le commandement du corps de siège jusqu' au retablissement de Меншиковъ, j'espére qu'il acceptera; jusqu' à son arrivée que Perofsky continue à faire les fonctions en votre nom. En aucun cas je ne permets à Schépélef de commander, et si sa presence *que j'ignorais* est nuisible, je vous autorise à le renvoyer de suite au Marechal

Que Dieu vous garde tous, bientôt je serai chez vous. Adieu mon cher ami.

N.

Переводъ. На яхтѣ «Утѣха» $\frac{\text{15 августа}}{1828}$

«Я только что получилъ письмо ваше, любезный мой Грейгъ, и начинаю съ того, что соглашаюсь *на все*, что вы предлагаете; но, пожалуста подумайте какъ бы облегчить всѣми имѣющимися у васъ средствами доставку продовольствія къ Ковариѣ; безъ того мы можемъ умереть съ голоду въ Шумлѣ.

Печальное извѣстіе о ранѣ Меншикова разрушаетъ всѣ мои предположенія; да исцѣлитъ его Богъ, и спасаетъ насъ отъ непоправимаго несчастія потерять его, что было бы для меня ужасно.

Я пригласилъ тотчасъ же Воронцова отправиться, чтобы принять начальство надъ осаднымъ корпусомъ до выздоров-

ленія Меншикова; надѣюсь, что онъ согласится; до его прибытія пусть Перовскій продолжаетъ исправлять должность отъ вашего имени. Ни въ какомъ случаѣ не позволяю командовать Шепелеву, и если его присутствіе, *которое было мнѣ неизвѣстно*, вредно, разрѣшаю вамъ отправить его немедленно къ фельдмаршалу.

Да хранитъ Богъ васъ всѣхъ. Скоро къ вамъ буду. Прощайте, дорогой мой другъ».

Н.

Генералъ-адъютантъ графъ Воронцовъ, назначенный командовать сухопутнымъ отрядомъ, прибылъ и, по совѣщаніи съ адмираломъ Грейгомъ на кораблѣ «Парижъ» и свиданіи съ княземъ Меншиковымъ, вступилъ въ отправленіе своей обязанности.

Второй періодъ осады Варны съ назначеніемъ новаго начальника для сухопутныхъ войскъ начался приходомъ гвардейскаго корпуса, а для флота блестящимъ успѣхомъ судовъ отряда капитана 1 ранга Критскаго подъ Инадою, гдѣ по показаніямъ плѣнныхъ, находилось значительное депо пороха, снарядовъ и амуниціи, предназначавшихся къ перевозу въ Варну. Донесеніе отряднаго начальника заключалось въ слѣдующемъ:

16 августа фрегатъ «Поспѣшный», шлюпъ «Діана» и катеръ «Соловей» соединились съ фрегатомъ «Рафаилъ» и бригантиною «Елизавета», находившимися въ крейсерствѣ у Константинопольскаго пролива. Оставивъ шлюпъ «Діана» на высотѣ Инады, чтобы отрядъ не могъ быть застигнутъ врасплохъ турецкимъ флотомъ, отрядъ со всѣми прочими судами отправился съ разсвѣтомъ другаго дня на рейдъ Инады. Батареи тотчасъ же открыли огонь, но тѣмъ не менѣе каждое изъ судовъ заняло назначенное ему по диспозиціи мѣсто. «Рафаилъ» сталъ противъ главнаго редута, «Поспѣшный» на картечный выстрѣлъ между двухъ батарей, вооруженныхъ 12 орудіями большаго калибра, бригантина и катеръ положили якоря у самаго мѣста высадки. Къ 10 часамъ фрегаты заставили замолчать укрѣпленія, а другія

суда очистили отъ непріятеля мѣсто для высадки. 370 человѣкъ, подъ личною командою начальника отряда, бросились на берегъ и двинулись къ редуту, стоявшему на возвышеніи. На половинномъ разстояніи они были встрѣчены многочисленнымъ непріятелемъ; сдѣлавъ залпъ, отрядъ ударилъ въ штыки, опрокинулъ быстро непріятеля и на плечахъ его ворвался въ редутъ и овладѣлъ имъ. Укрѣпленіе это, окруженное широкимъ и глубокимъ рвомъ, оборонялось 9 пушками. Съ паденіемъ его турки бросили и другія батареи, бывшія противъ фрегата «Поспѣшный». Не давая опомниться, Критскій бросился къ редуту, дѣйствовавшему противъ «Рафаила» и составлявшему главный пунктъ укрѣпленія Инады. Расположенный на весьма выгодномъ мѣстѣ, имѣя пять большаго калибра и 4—12 фунт. единороговъ и внутри особое укрѣпленіе въ родѣ цитадели, редутъ этотъ могъ оказать сильное сопротивленіе и большему отряду, но рѣшительность и быстрота привели турокъ въ такое разстройство, что онъ былъ занятъ безъ всякаго сопротивленія. Цитадель этого редута представляла шестиугольную башню въ три этажа, гдѣ помѣщались порохъ, снаряды, инструменты и разные запасы. Пользуясь паникой непріятеля, Критскій спѣшилъ окончить дѣло, и тѣмъ болѣе, что лазутчики увѣдомили о близости корпуса Омера-Вріоне и что, вѣроятно, онъ извѣщенъ уже о нападеніи на Инаду. Немедленно погрузили на суда 12 мѣдныхъ орудій, заклепали всѣ прочія, сломали станки, разрушили укрѣпленія и приготовили для взрыва башню. Къ ночи отрядъ возвратился на суда, а башня взлетѣла на воздухъ. Фрегатъ «Рафаилъ» и бригантина «Елизавета» посланы въ крейсерство, «Діана» отправленъ въ Сухумъ-Кале, а остальныя суда пошли къ Варнѣ. Потеря наша состояла изъ 1 убитаго и 5 раненыхъ, а суда получили около 30 пробоинъ. За этотъ подвигъ капитанъ 1 ранга Критскій получилъ орденъ Св. Владиміра 3 степени.

Въ этотъ же день турки сдѣлали сильное нападеніе на редутъ праваго фланга и графъ Воронцовъ лично принялъ командованіе войсками, отбилъ его съ большимъ урономъ для

непріятеля; гребныя суда на лиманѣ принимали также участіе въ этомъ дѣлѣ.

Капитанъ-лейтенанту Бриліанту поручены суда гребной флотиліи и приказано днемъ стоять на пушечномъ выстрѣлѣ отъ крѣпости, а ночью подходить на картечный и дѣйствовать непрерывно.

Командиръ фрегата «Рафаилъ» капитанъ 2 ранга Юрьевъ, находившійся въ крейсерствѣ, доносилъ, что по опросу купеческихъ судовъ получено единогласное показаніе, что турецкій флотъ готовится выступить въ море, чтобы идти къ Варнѣ; тотчасъ же командирамъ объявлено, чтобы были готовы вступить подъ паруса по первому приказанію.

27-го рано утромъ на пароходѣ «Молнія» получено извѣстіе о прибытіи въ Коварну Государя Императора и о намѣреніи Его Величества имѣть пребываніе на кораблѣ «Парижъ», немедленно было приступлено къ распоряженіямъ для пріема, а въ часъ пополудни показался фрегатъ «Флора», который отсалютовалъ адмиралу, поднялъ штандартъ, а въ слѣдъ за этимъ Государь прибылъ на корабль въ сопровожденіи генералъ-адъютанта князя Трубецкаго и Бенкендорфа, вице-канцлера графа Несельроде, оберъ-церемоніймейстера графа Потоцкаго, статсъ-секретаря Дашкова, графа Матушевича, Танѣева и генерала прусской службы графа Ностица.

Съ этого времени всѣ главныя дѣйствія производились съ разрѣшенія Государя Императора. Посѣтивъ князя Меншикова, онъ наградилъ его орд. Св. Александра-Невскаго.

29-го изъ лагеря дано знать, что выстрѣлы съ корабля «Іоаннъ Златоустъ» были такъ удачны, что заставили замолчать не только батареи, но даже и стрѣлковъ. На другой день бомбардирскимъ судамъ велѣно было размѣститься у южнаго берега близъ мыса Галаты для защиты 170 человѣкъ, подъ начальствомъ капитанъ-лейтенанта Римскаго-Корсакова, высаженныхъ для устройства редута, посредствомъ котораго войска, отправленныя наканунѣ подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Головина для обложенія Варны, должны имѣть сообщеніе съ флотомъ; тогда же были выстроены пристань и телеграфъ. Въ это время Варна была обложена со

всѣхъ сторонъ и всякая надежда на полученіе подкрѣпленія, для нея исчезла: съ сѣвера и запада—главныя силы осаждающихъ графа Воронцова, съ юга—войска Головина, съ востока—флотъ.

Осадныя работы подвигались быстро и 1 сентября была взорвана мина, подведенная подъ первый съ моря крѣпостной бастіонъ, и потому на другой день Государь Императоръ приказалъ адмиралу Грейгу предложить главнокомандующему въ Варнѣ о сдачѣ крѣпости, и въ 9 часовъ на «Парижѣ» былъ поднятъ съ пушечнымъ выстрѣломъ *бѣлый флагъ*, а по прекращеніи огня посланы съ письмомъ къ капудану-пашѣ флагъ-офицеръ капитанъ-лейтенантъ Кузнецовъ и г. Батьяновъ, которые, спустя пять часовъ, возвратились съ согласіемъ паши вступить въ переговоры. Вслѣдъ за этимъ адмиралъ, въ сопровожденіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Нигри, отправился на корабль «Марія», стоявшій въ тотъ день на позиціи, куда прибыли довѣренные чиновники, и, по совѣщаніи, рѣшено было дальнѣйшіе переговоры оставить до слѣдующаго дня. Въ 9 часовъ утра адмиралъ и капуданъ-паша прибыли на «Марію», откуда было донесено телеграфомъ Государю Императору: *Варна не сдается.* Бѣлый флагъ спустили и съ обѣихъ сторонъ снова открытъ былъ огонь.

8 сентября Государь Императоръ осматривая войска, на южной сторонѣ расположенныя, замѣтилъ на берегу рейда пунктъ, съ котораго крѣпость можетъ быть выгодно обстрѣливаема, и потому здѣсь выстроена батарея о 4—24 ф. пушкахъ и поручена капитанъ-лейтенанту Киселеву.

16 сентября на отрядъ генералъ-адъютанта Бистрома сдѣлано сильное нападеніе съ двухъ сторонъ, отъ войскъ Омеръ-паши и изъ крѣпости; непріятель былъ отбитъ во всѣхъ пунктахъ и удалился съ потерею двухъ знаменъ и 1000 убитыхъ. Противъ войскъ гарнизона дѣйствовали и бомбардирскія суда и гребная флотилія, приблизившаяся въ это время на возможно близкое разстояніе. Тогда черезъ день съ нашей стороны было сдѣлано нападеніе на Омеръ-Вріоне, и хотя безуспѣшно, но послѣ этого дѣла онъ болѣе

не предпринималъ никакихъ мѣръ къ освобожденію Варны.

25 сентября осадныя работы доведены были до такого состоянія, что войска могли внезапнымъ нападеніемъ взойти въ крѣпость, но тѣмъ не менѣе Государю Императору угодно было приказать, для уменьшенія жертвъ, штурмовать одинъ только ближайшій къ морю бастіонъ. Укрѣпившись же на занятомъ бастіонѣ, мы пріобрѣтали надежный пунктъ, черезъ который войска могли взойти во всякое время, еслибы и тогда непріятель не согласился на сдачу. Охотники были вызваны изъ всѣхъ гвардейскихъ и армейскихъ полковъ при двухъ ротахъ Измайловскаго полка, но честь открыть путь предоставлена была вмѣстѣ съ егерями 13-го и 14-го полковъ сотнѣ матросовъ, находившихся все время въ траншеяхъ подъ командою лейтенанта Зайцевскаго. По сигналу, въ 5 часовъ, войска бросились на бастіонъ и овладѣли имъ безъ сопротивленія; увлекшись успѣхомъ они ворвались въ середину крѣпости, гарнизонъ которой, увидя малочисленность отряда, опрокинулъ ихъ и такимъ образомъ главная цѣль— удержаніе за собою бастіона—осталась безъ исполненія.

Вечеромъ этого же дня осаждающіе видѣли рѣдкій примѣръ самоотверженія. На бреши перваго бастіона лежало нѣсколько труповъ солдатъ нашихъ, убитыхъ во время штурма. Два матроса, выскочивъ изъ сапы и поднявъ два тѣла, скрылись въ ложементѣ и такимъ же образомъ перетаскали и всѣ остальныя тѣла, чтобы избавить ихъ отъ поруганія мусульманъ.

26 сентября дано знать капудану-пашѣ, что если послѣднее дѣло отъ неточнаго исполненія и не достигло цѣли, то оно служитъ доказательствомъ возможности приступа, а потому дальнѣйшее сопротивленіе будетъ имѣть одну напрасную гибель гарнизона. На другой день въ траншеяхъ были открыты переговоры между адмираломъ Грейгомъ и трехъ бунчужнымъ пашею Юсуфомъ, вторымъ начальникомъ Варны. По окончаніи ихъ рѣшили, что если капуданъ-паша согласенъ на условія, то Юсуфъ явится въ лагерь, въ противномъ случаѣ отсутствіе его будетъ означать несогласіе главнокомандующаго.

28-го въ 9 часовъ явился въ лагерь Юсуфъ паша съ кіатибомъ капудана-паши и депутатами отъ жителей, куда прибылъ и адмиралъ въ сопровожденіи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Фонтона. Турецкіе чиновники присланы были узнать точный смыслъ предложенія съ тѣмъ, чтобы передать ихъ капудану-пашѣ. Цѣлый день прошелъ въ переговорахъ; они уходили въ городъ и, наконецъ, возвратились съ жалобами на адмирала, что будто бы онъ измѣнилъ условія; тогда имъ объявлено, что съ такими вѣроломными людьми не стоитъ разговаривать и что военныя дѣйствія тотчасъ же начнутся. Съ своей стороны Юсуфъ, видя обманъ, сказалъ, что онъ послѣ этого не возвращается въ крѣпость и отдается во власть русскихъ. Войско его въ числѣ 3 тысячъ, узнавъ о рѣшеніи своего начальника, просило раздѣлить его участь и по изъявленіи согласія, перешло къ намъ.

По окончаніи переговоровъ дѣйствія возобновились.

29 сентября, послѣ полуночи, депутаты жителей дали знать о готовности ихъ и войска сдать крѣпость и о томъ, что капуданъ-паша съ горстью своихъ приближенныхъ заперся въ цитадели съ намѣреніемъ защищаться до послѣдней крайности.

Вслѣдствіе этого были прекращены всѣ дѣйствія противъ крѣпости и часть войскъ была послана для занятія ея, что и исполнено безъ сопротивленія. Капуданъ-паша увидѣвшій совершенную невозможность дальнѣйшей защиты, отдался также великодушію Государя Императора.

Въ часъ пополудни остальная часть войска вступила въ крѣпость и на главномъ ея бастіонѣ взлетѣлъ русскій флагъ. При поднесеніи въ это время Государю ключей и флага Варны произведенъ съ флота салютъ изъ всѣхъ орудій; послѣ того Государь изволилъ объѣхать крѣпость и осматривалъ бреши бастіоновъ.

Уважая храбрость капуданъ-паши Государь Императоръ даровалъ ему и 300 человѣкъ его свиты свободу.

30-го было благодарственное молебствіе и, по окончаніи его, адмиралъ Грейгъ получилъ орденъ Георгія 2 степ., а графъ Воронцовъ—бриліантовую саблю съ надписью за

взятіе Варны; сверхъ того, графу Воронцову и князю Меншикову пожаловано по одному орудію покоренной крѣпости.

Въ этотъ же день сдѣлано было распоряженіе о перевозкѣ орудій, рангоута и парусовъ, съ берега на суда, и о возвращеніи матросовъ и офицеровъ къ своимъ обязанностямъ.

Трофеями нашими въ Варнѣ были: 291 орудіе съ громаднымъ числомъ ручнаго и огнестрѣльнаго оружія, пороха и всѣхъ запасовъ.

Кромѣ 3000 чел. войска Юсуфа-паши, отпущенныхъ подъ клятвою не воевать противъ насъ, взято въ плѣнъ 6000 человѣкъ.

Флотомъ взято: 21 призъ и 2 вооруженные барказа.

2 орудія были пожалованы Николаеву и Севастополю.

2 октября Государь Императоръ, отдавъ приказанія, относительно обезпеченія Варны и возвращенія гвардейскаго корпуса на зимнія квартиры за Дунай, переѣхалъ на корабль «Марія», который отсалютовалъ флагу адмирала и, поднявъ штандартъ, ушелъ въ Одессу въ сопровожденіи яхты «Утѣха» и парохода «Метеоръ».

Въ теченіе слѣдующаго дня, мѣняясь въ силѣ и направленіи, вѣтеръ, ночью на 4 число началъ свѣжѣть и къ утру дошелъ до степени шторма, поднявъ громадное волненіе. Корабль «Марія» лежалъ подъ однимъ гротъ-марселемъ и вскорѣ потерялъ форъ-стеньгу и утлегарь. Положеніе корабля при этомъ жестокомъ восточномъ вѣтрѣ, сближавшимъ его съ подвѣтреннымъ непріятельскимъ берегомъ, находившимся въ разстояніи только 40 миль, было критическое. Можно легко понять, что долженъ былъ чувствовать командиръ корабля капитанъ 1 ранга Папахристо, имѣя на себѣ отвѣтственность передъ цѣлою Россіею за сохраненіе своего Монарха.

Думали что уже скоро придется отстаиваться на якоряхъ (*).

(*) Когда я началъ собирать матеріалы для біографіи адмирала мнѣ случилось говорить объ этомъ плаваніи съ генералъ-адъютантомъ княземъ Александромъ Аркадьевичемъ Суворовымъ-Рымникскимъ, который сообщилъ мнѣ, что, будучи въ то время на кораблѣ полковникомъ и флигель-адъютантомъ, онъ былъ избранъ въ случаѣ если бы корабль зашелъ въ Константинопольскій проливъ, представлять собою особу Государя, а Его Величество принималъ на себя имя флигель-

Въ 5 часовъ пополудни вѣтеръ пошелъ къ N, а потомъ къ NW, и хотя дулъ съ прежнею силою, но опасность отъ сближенія съ турецкимъ берегомъ миновалась и представлялась возможность укрыться въ одномъ изъ портовъ Крыма; но Государь, несмотря на страданія отъ качки, приказалъ продолжать плаваніе въ Одессу, гдѣ и бросили якорь въ ночь съ 7 на 8, въ сопровожденіи яхты «Утѣха», соединившейся съ кораблемъ утромъ 7 числа; черезъ полчаса по приходѣ, Государь Императоръ съѣхалъ на берегъ.

Припоминая все сказанное о дѣйствіяхъ флота и участіи его въ покореніи Варны, мы видимъ опять ту же непоколебимую готовность, то же рвеніе и новые опыты блистательной храбрости. Опять офицеры и команды въ траншеяхъ и на осадныхъ батареяхъ; орудія, станки, снаряды, рангоутъ и паруса на берегу; корабли, фрегаты, мелкія и гребныя суда постоянно подъ артиллерійскимъ огнемъ крѣпости, несмотря на то, что возможность появленія непріятельскаго флота еще очевиднѣе и что частыя донесенія увѣдомляютъ о готовности его къ выходу.

Флотъ во время двухмѣсячнаго бомбардированія бросилъ въ крѣпость 25 тыс. снарядовъ; по этой почтенной цифрѣ можно судить о разрушеніи, произведенномъ морской артиллеріей внутри крѣпости, и компетентные судьи осады не сомнѣваются, что убыль гарнизона съ 27 до 9 тысячъ, относится сколько къ сухопутнымъ дѣйствіямъ столько же и къ флоту, а вынужденное жителями города согласіе у капудана-паши всецѣло принадлежитъ огню флота, отъ котораго нигдѣ нельзя было укрыться. Мы уже сказали объ отличномъ дѣйствіи артиллеріи корабля «Іоаннъ Златоустъ», который, по словамъ графа Воронцова, заставилъ замолчать не только турецкія батареи, но и стрѣлковъ.

Главное средство осаждающихъ—осадныя батареи, строились морскими чинами, вооружались корабельною артиллеріею, управлялись морскими артиллеристами, подъ начальствомъ

адъютанта полковника князя Суворова, и тогда этотъ Августѣйшій флигель-адъютантъ долженъ былъ отправиться въ С.-Петербургъ и такимъ образомъ получить свободу.

капитана 2 ранга Залѣсскаго, котораго Грейгъ всегда высоко цѣнилъ и котораго познанія и искуство равнялись его храбрости и распорядительности. Сбитіе орудій съ атакованныхъ батарей и пробитіе брешей были дѣломъ морскихъ артиллеристовъ. Отъ 500 до 800 матросовъ находились постоянно въ траншеяхъ и, несмотря на то, что по приходѣ гвардіи, осадный корпусъ могъ обойтись безъ посторонней помощи, просили ихъ оставить, и они наравнѣ съ гвардейскими саперами употреблялись въ самыхъ опаснѣйшихъ мѣстахъ и заслужили такую извѣстность, что имъ предоставили честь вмѣстѣ съ егерями 13 и 14 полковъ, быть передовыми во время штурма, на которомъ изъ сотни матросовъ пало 56.

Независимо отъ этого, флотъ имѣлъ лично за собою такія два дѣла, о которыхъ съ гордостью можемъ упомянуть. Это— вырѣзка флотиліи изъ подъ стѣнъ Варны и покореніе Инады. Слова Высочайшаго указа: *блестящіе успѣхи отважной вырѣзки, россійскій флотъ новою славою покрывшей*—свидѣтельствуютъ ясно объ этомъ подвигѣ. Экспедиція Критскаго представляетъ примѣръ отваги, какихъ мало можно встрѣтить въ исторіи. Сборная дружина матросовъ, въ 90 верстахъ отъ Константинополя, беретъ приступомъ укрѣпленія, хорошо устроенныя, вооруженныя сильною артиллеріею и обороняемыя значительнымъ гарнизономъ; захватываетъ часть орудій, заклепываетъ остальныя, истребляетъ огромное депо военныхъ снарядовъ, разноситъ редуты, взрываетъ цитадель и, совершивъ все это почти безъ потери, благополучно возвращается къ флоту.

Эти два дѣла, вмѣстѣ съ подвигомъ катера «Соколъ», а также и всѣ дѣйствія подъ Анапою и Варною свидѣтельствуютъ о дисциплинѣ, отвагѣ и томъ духѣ, которымъ были одушевлены капитаны, офицеры и команды черноморскаго флота.

Главному командиру, которому Государь Императоръ въ своемъ рескриптѣ относилъ въ заслугу *даръ внушить эти военныя и нравственныя достоинства*, выразилъ свою признательность *за усердное на пользу государства служеніе его.*

Въ описаніи турецкой войны 1828 и 1829 г. капитанъ генеральнаго штаба Лукьяновичъ говоритъ: «флотъ не переставалъ дѣятельно содѣйствовать осадѣ Варны. Онъ доставлялъ матеріалы для осады и рабочихъ, всегда находившихся съ своими офицерами въ опаснѣйшихъ траншейныхъ работахъ и исполнявшихъ все дѣятельно и мужественно». Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ:

«Смѣлое предпріятіе на Инаду быстро разнеслось по всему краю и навело страхъ и смятеніе въ самомъ Царьградѣ».

«Нельзя не замѣтить здѣсь, говоритъ полковникъ Мендтъ искуства и мужества артиллеристовъ Морскаго вѣдомства, совершившихъ 20 орудіями двѣ отличныя бреши и уничтожившихъ огонь на 4 бастіонахъ, вооруженныхъ 39 орудіями. Нельзя не отдать справедливыхъ похвалъ начальнику морской артиллеріи каптану 2 ранга Залѣсскому, не только своею опытностью способствовавшему успѣхамъ осады, но мужествомъ и храбростью вселявшему тѣ же самыя чувства во всѣхъ своихъ подчиненныхъ».

Наконецъ, въ доказательство того, какъ высоко цѣнили дѣйствія флота при осадѣ Варны и заслуги его главнаго начальника, мы скажемъ, что онъ удостоился получить высшую военную награду—орденъ Св. Георгія 2 степени при слѣдующемъ знаменательномъ рескриптѣ:

«Отличное рвеніе ваше къ пользамъ Имперіи и неусыпные труды по устройству черноморскаго флота нынѣ ознаменованы блистательнымъ успѣхомъ.

«Сей флотъ, *вами сооруженный* и управляемый, покорилъ *Анапу*, онъ же особенно содѣйствовалъ подъ личнымъ предводительствомъ вашимъ и къ завоеванію *Варны*, доселѣ еще не знавшей силы россійскаго оружія. Обращая Монаршее вниманіе Наше на сіи заслуги, Мы Всемилостивѣйше жалуемъ васъ кавалеромъ ордена Св. Великомученика Георгія Побѣдоносца второй степени, коего знаки у сего препровождаемъ, повелѣвая вамъ возложить на себя и носить по установленію. Сіе новое доказательство отличнаго Нашего къ вамъ благоволенія и признательности, да усугубитъ еще примѣрное

*

ваше усердіе и желаніе оправдать новымъ подвигомъ монаршую къ вамъ довѣренность».

Анапа и Варна записаны и въ военную исторію Россіи и въ лѣтописи Черноморскаго флота какъ блестящія страницы.

6 числа адмиралъ снялся съ флотомъ съ рейда Варны, 12 сталъ на якорь на Севастопольскомъ, вечеромъ того же дня былъ спущенъ на «Парижѣ» адмиральскій флагъ, а на другой день всѣ суда, бывшіе на рейдѣ, вошли въ гавань.

Оставляя Варну, Государь Императоръ приказалъ главному командиру изготовить флотъ къ марту 1829 г. и содержать зимою эскадру у береговъ Румеліи. Эскадра должна была удовлетворять слѣдующимъ условіямъ: охранять плаваніе транспортовъ и купеческихъ судовъ, содѣйствовать войскамъ въ сохраненіи областей занятыхъ на правомъ берегу Дуная, и содержать въ блокадѣ Константинопольскій проливъ.

Изготовленіе флота потребовало особенныхъ энергическихъ мѣръ, потому что въ Севастополѣ былъ совершенный недостатокъ по всѣмъ запасамъ, израсходованнымъ при осадахъ Анапы и Варны. Главный командиръ, усмотрѣвъ, что общее присутствіе, на главную дѣятельность коего возложено было снабженіе всѣми необходимыми матеріалами, далеко не исполнило своей обязанности, торопился въ Николаевъ, чтобы успѣть на транспортахъ доставить все то, что было бы трудно отправить берегомъ.

Передъ отправленіемъ своимъ онъ сдѣлалъ слѣдующія распоряженія:

1) Вице-адмиралу Мессеру поручено главное наблюденіе за исправленіемъ и снабженіемъ флота.

2) Контръ-адмиралы: Быченскій, Стожевскій и Сальти обязывались изготовить къ плаванію свои отряды.

3) Корабли «Пименъ», «Іоаннъ-Златоустъ», фрегатъ «Флора» и бригъ «Ганимедъ» назначенные на зимнюю кампанію, должны были быть вооружены немедленно и начальникомъ отряда назначенъ контръ-адмиралъ Кумани.

4) Корабли: «Императрица Марія», «Чесьма», фрегаты «Рафаилъ» и «Пегасъ» составляли второй отрядъ и потому

должны были быть изготовлены тотчасъ послѣ перваго отряда.

5) Всѣмъ отдѣльнымъ частямъ штаба: начальникамъ артиллеріи, штурмановъ, хозяйственной части и главному медику предписано принять всевозможныя мѣры къ быстрому окончанію своихъ дѣлъ.

Распоряженія эти подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ. Вице-адмиралъ Мессеръ умеръ и на его мѣсто назначенъ контръ-адмиралъ Беллинсгаузенъ. «Рафаилъ» заступилъ мѣсто «Флоры», а во второй отрядъ поступилъ фрегатъ «Евстаѳій», корабль «Чесьма» замѣненъ кораблемъ «Пантелеймонъ».

Прибывъ въ Николаевъ, главный командиръ упразднилъ общее присутствіе, а вице-адмиралу Быченскому предписалъ вступить въ отправленіе обязанности командира Севастопольскаго порта.

Донося Государю Императору, что флотъ не можетъ быть готовъ къ 1 марту, адмиралъ Грейгъ изложилъ свое мнѣніе, что, такъ какъ этотъ мѣсяцъ бываетъ обыкновенно самый бурный, то нельзя предполагать, чтобы непріятель рѣшился на какія-нибудь предпріятія.

Транспортъ «Успѣхъ» передѣланъ былъ въ бомбардирское судно, 2 призовыя судна обращены въ брандеры, а корабль «Скорый» устроенъ подъ госпиталь. Въ случаѣ надобности свозить орудія для береговыхъ батарей, приказано на каждомъ суднѣ имѣть въ запасѣ по 3—24 фунт. пушки и по одному 12 фунт. единорогу.

Бригъ «Орфей» (к.-л. Колтовской) въ декабрѣ мѣсяцѣ подъ парламентерскимъ флагомъ былъ посланъ въ Константинополь съ депешами вице-канцлера графа Несельроде къ датскому посланнику при портѣ Оттоманской. Во время стоянки брига, его ошвартовили по требованію турецкаго правительства, у крѣпости, на азіатскомъ берегу и подвергали офицеровъ и команду по нѣсколько разъ въ день опросамъ и передопросамъ и только черезъ 6 дней командиръ насилу могъ добиться права ухода.

По случаю производства и повышеній, послѣдовали перемѣны въ командирахъ, относительно которыхъ упомянемъ здѣсь, что командиръ брига «Меркурій», капитанъ-лейтенантъ Стройниковъ, получилъ фрегатъ «Рафаилъ», а бригъ сдалъ капитанъ-лейтенанту Казарскому, 110 пуш. корабль «Парижъ» порученъ контръ-адмиралу Беллинсгаузену, причемъ велѣно укомплектовать его гвардейскимъ экипажемъ. Вице-адмиралъ Быченскій умеръ и на его мѣсто назначенъ контръ-адмиралъ Беллинсгаузенъ, а командиромъ Дунайской флотиліи сдѣланъ контръ-адмиралъ Патаніоти 1.

Государь Императоръ, во вниманіе къ заслугамъ черноморскаго флота, повелѣть соизволилъ, чтобы въ продолженіе кампаніи 1829 года всѣмъ чинамъ на флотѣ одна половина жалованья и столовыхъ была выдаваема серебромъ, а другая половина—ассигнаціями.

6 ноября эскадра контръ-адмирала Кумани вышла на рейдъ, а 11 ушла въ море. Начальникъ ея, на случай разъединенія, объявилъ рандеву Варну и Коварну и предписалъ крейсерамъ: въ случаѣ если вѣтромъ и теченіемъ поднесетъ ихъ къ проливу, то подъ всѣми парусами проскочить Босфоръ и Мраморное море и присоединиться къ русской эскадрѣ контръ-адмирала Рикорда, блокировавшей Дарданеллы.

Контръ-адмиралъ Кумани, придя въ Варну, имѣлъ свиданіе съ командовавшимъ войсками генераломъ Роттомъ, предложившимъ ему показаться въ Фаросскомъ заливѣ, во-первыхъ, для отвлеченія вниманія непріятеля отъ Проводъ, на который онъ уже покушался и, во-вторыхъ, для собранія тамъ свѣдѣній о болѣе удобныхъ мѣстахъ высадки и средствахъ непріятеля и его укрѣпленіяхъ. Адмиралъ тѣмъ охотнѣе на это согласился, что узналъ отъ австрійскаго купца, что турецкій флотъ введенъ въ гавань.

Эскадра подошла 28 ноября къ Мисемврiи, осмотрѣла его укрѣпленія, сдѣлала промѣръ, и 30 вошла въ Фаросскій заливъ. Чтобы убѣдить непріятеля въ желаніи утвердиться въ немъ, адмиралъ рѣшился овладѣть островомъ Анастасіею и потребовалъ сдачи, а получивъ отказъ, онъ послалъ вторично сказать, что если предложеніе не будетъ принято, то онъ раз-

рушить все до основанія. Нѣсколько выстрѣловъ рѣшили судьбу острова и гарнизонъ изъ 90 челов. сдался военно-плѣннымъ.

Въ слѣдующіе дни срыли укрѣпленія и взяли плѣнныхъ; въ это же время, обозрѣвая заливъ, спрашивали грековъ и турокъ и изъ ихъ показаній оказалось:

1) Важнѣйшими пунктами Фаросскаго залива были *Мисемврія*, *Ахіоло*, *Бургасъ* и *Сизополь*.

2) *Мисемврія* со стороны сухаго пути можетъ защищаться, но съ моря она беззащитна; флотъ можетъ разрушить ее до основанія.

3) *Ахіоло* защищенъ небольшимъ укрѣпленіемъ съ трехъ сторонъ, а съ восточной имѣетъ естественную оборону въ отмели и подводныхъ каменьяхъ.

4) *Къ Бургасу* доступъ легче съ сухаго пути, чѣмъ съ моря, гдѣ онъ защищенъ двумя батареями.

5) *Сизополь* имѣетъ три морскія батареи, а противъ атаки съ берега редутъ и каменную стѣну; два острова защищаютъ его обширный рейдъ съ моря и дѣлаютъ его спокойнымъ и безопаснымъ.

6) Всѣ берега залива представляютъ удобныя мѣста для высадки, и хотя въ настоящее время укрѣпленія не сильны, но появленіе нашего флота, вѣроятно, обратитъ вниманіе турокъ и они увеличатъ гарнизоны, которые теперь нигдѣ не превышаютъ 700 человѣкъ.

Возвратясь 7 декабря въ Варну контръ-адмиралъ Кумани, передавъ всѣ свои соображенія генералу Ротту, вызвался покорить Сизополь какъ пунктъ, для насъ весьма выгодный, и просилъ для этого 1000 человѣкъ десанта, о чемъ и донесъ также главному командиру.

Адмиралъ Грейгъ и генералъ Роттъ вполнѣ согласились съ предложеніемъ начальника отряда и потому писали генералъ-фельдмаршалу графу Витгенштейну объ очевидной пользѣ этого предпріятія, которое современемъ потребуетъ болѣе значительныхъ жертвъ.

17 января 1829 г. прибылъ на смѣну контръ-адмиралъ Стожевскій съ своимъ отрядомъ.

Контръ-адмиралъ Кумани 22 января, по жестокости вѣтра, пришелъ укрыться и въ это самое время получено было Высочайшее повелѣніе о приведеніи въ исполненіе предложенной имъ экспедиціи, которая, кромѣ Сизополя, должна была состоять въ завладѣніи Ахіоло и островомъ Св. Анастасіи; «а если, прибавлено, обстоятельства позволятъ, то разрушить *Мисемврію* и *Бургасъ*».

Графъ Дибичъ, увѣдомляя главнаго командира о согласіи Государя Императора на экспедицію, упомянулъ, что Его Величество приказалъ поручить контръ-адмиралу Кумани оба отряда и нужное число сухопутныхъ войскъ *въ такомъ только случаѣ*, если онъ приметъ на себя отвѣтственность за удержаніе Сизополя.

Кумани собралъ военный совѣтъ, который пришелъ къ слѣдующему заключенію:

1) Овладѣть Сизополемъ, который, имѣя 1000 человѣкъ гарнизона и при содѣйствіи нашей эскадры можетъ обороняться долго.

2) Завладѣніе Ахіоло и островомъ Анастасіи оставить до болѣе удобнаго времени и

3) Разрушеніе Мисемвріи и Бургаса можетъ быть произведено, если начальство признаетъ нужнымъ.

Представляя это рѣшеніе генералу Ротту, онъ просилъ три канонерскія лодки и нѣсколько зафрахтованныхъ судовъ.

11 февраля эскадра изъ трехъ кораблей (4-ый корабль «Іоаннъ Златоустъ» ушелъ въ Севастополь), двухъ фрегатовъ, трехъ канонерскихъ лодокъ и двухъ зафрахтованныхъ судовъ пошла въ Фаросскій заливъ, и 15-го, изготовившись къ бою, направилась на Сизопольскій рейдъ, гдѣ въ 9 часовъ стала по диспозиціи, несмотря на открытый по ней огонь; вслѣдъ за этимъ лейтенантъ Джотти и г. Батьяновъ посланы требовать сдачи, но комендантъ двухбунчужный Хамиль-паша отвѣчалъ, что не сдадутъ города до тѣхъ поръ, пока не умрутъ. Тогда огонь былъ возобновленъ и когда къ 3 часамъ всѣ батареи были сбиты, прибылъ парламентеръ съ предложеніемъ сдачи, если только войску дозволено будетъ удалиться съ оружіемъ. Контръ-адмиралъ Кумани требовалъ

безусловной сдачи; паша согласился и прислалъ аманата, но адмиралъ приказалъ, чтобы самъ паша явился на корабль. Такъ какъ онъ съ разсвѣтомъ не являлся, то десантъ и 500 матросовъ, пользуясь туманомъ, были свезены, и тогда Джотти снова былъ посланъ къ пашѣ съ извѣстіемъ, что десантъ уже на берегу, и если городъ не сдастся, то возьмутъ приступомъ. Вскорѣ Джотти возвратился, донося что войска разбѣжались и что онъ съ 14 матросами завладѣлъ главною батареею, поднялъ русскій флагъ и завладѣлъ особою паши и всею его свитою изъ 50 человѣкъ; въ то же время сухопутныя войска овладѣли редутомъ на возвышеніи. Гарнизонъ же изъ 1600 человѣкъ арнаутовъ увидѣвъ, движеніе нашихъ войскъ, бросился бѣжать по константинопольской дорогѣ.

Тотчасъ же приступили къ возведенію и увеличенію укрѣпленій, для чего взяты орудія съ кораблей. Адмиралъ, отправляя ключи города, знамена и плѣнныхъ просилъ генерала Ротта объ усиленіи Сизопольскаго гарнизона, на что получивъ согласіе, отправилъ корабль въ Варну для принятія означенныхъ войскъ и къ концу мѣсяца перевезено сюда 1500 человѣкъ.

Бригу «Ганимедъ» велѣно расположиться противъ Св. Анастасіи, чтобы не позволять туркамъ укрѣпляться на немъ; вскорѣ онъ посланъ былъ въ бухточку Чингане-Келеси, гдѣ взялъ два и сжегъ четыре судна.

11 марта предпринято было нападеніе на Ахіоло, но, по мелководію, о которомъ мы уже говорили, оно было неудачно, но самая неудача послужила къ лучшему, потому что сухопутныя силы наши остались нераздѣленными въ Сизополѣ, къ которому Роттъ прислалъ еще 1000 человѣкъ, освѣдомясь о намѣреніи Сераскира напасть на нашъ гарнизонъ. Дѣйствительно, 28 марта 4 тысячи пѣхоты и 1800 человѣкъ кавалеріи сдѣлали отчаянное нападеніе; они съ обыкновеннымъ упорствомъ бросались нѣсколько разъ, но были отбиваемы соединенными усиліями сухопутныхъ войскъ, крѣпостной артиллеріи и флота.

Въ концѣ марта, начальникъ эскадры увѣдомилъ о скоромъ выходѣ турецкаго флота, главнаго командира, который до своего прибытія приказалъ послать въ Сизополь еще два корабля и три фрегата, а 19 апрѣля, прибывъ съ остальными судами принялъ начальство, надъ всѣмъ флотомъ и сухопутными войсками въ Сизополѣ. Флагъ адмирала былъ поднятъ на кораблѣ «Парижъ».

Оканчивая описаніе дѣйствій эскадры зимняго плаванія, нельзя не отдать полной справедливости контръ-адмиралу Кумани. Всѣ его дѣйствія были столько же рѣшительны, сколько и дальновидны, и носили характеръ отваги и знанія дѣла. Услуга взятія Сизополя дала возможность флоту не только имѣть надежную и хорошую стоянку вблизи Константинополя, но и наблюдать гораздо ближе турецкій флотъ, имѣя обезпеченіемъ весь румелійскій берегъ.

Не слѣдуетъ также забывать, что судьба подчинила дѣйствія его генералу Ротту, который умѣлъ понять важность его предложенія и содѣйствовалъ постоянно всѣмъ, что отъ него зависѣло.

Когда вспомнимъ тѣ малыя средства сухопутныя и морскія, которыми располагалъ Кумани, дѣлается понятнымъ та великая отвѣтственность, которую онъ принялъ на себя предъ Государемъ Императоромъ, а принявъ ее, онъ умѣлъ съ энергіей изготовиться къ встрѣчѣ непріятеля и мужественно отстоять городъ. Онъ былъ награжденъ орденомъ св. Анны 1-й степ. и получилъ 10 т. руб. асигнаціями одновременно, а равно и всѣ чины эскадры получили награды. Изъ орудій, пріобрѣтенныхъ при Сизополѣ, 2 пушки дарованы Николаеву и Севастополю за подвиги Черноморскаго флота.

Въ январѣ 1829 г., между главнымъ командиромъ и графомъ Дибичемъ, возникла переписка по предмету двухъ эскадръ. Объ одной только что сказано, а другая предназначалась къ Синопу, по предположенію главнокомандующаго отдѣльнымъ Кавказскимъ Корпусомъ, для отвлеченія непріятеля отъ Требизонда и для отрѣзыванія продовольствія, посылаемаго въ тѣ мѣста моремъ. Позднѣе графъ Чернышевъ, за-

ступившій мѣсто графа Дибича, назначеннаго главнокомандующимъ арміею, спрашивалъ мнѣнія объ этомъ адмирала Грейга, который, соглашаясь съ цѣлью экспедиціи, представилъ списокъ судамъ флота и просилъ Высочайшаго на то разрѣшенія.

Графъ Чернышевъ писалъ, что Государь Императоръ прочитавъ соображеніе адмирала и отзывъ главнокомандующаго арміею на счетъ дѣйствій Черноморскаго флота въ продолженіе будущей кампаніи, Высочайше отозваться соизволилъ, что находя мнѣніе Грейга основательнымъ, полагаетъ что оно, какъ соотвѣтствующее вообще предположеніямъ главнокомандующаго, и имъ принято будетъ. Государь Императоръ считалъ бы только нужнымъ обратить вниманіе его высокопревосходительства на одно обстоятельство, которое, по ближайшему соображенію, быть можетъ потребуетъ или болѣе ранняго выхода въ море остальной части флота, отлагаемаго имъ до послѣдней половины апрѣля, или по крайней мѣрѣ благовременнаго усиленія эскадры контръ-адмирала Кумани въ Фарросскомъ заливѣ находящейся. Его Величество разумѣетъ тутъ возможное появленіе турецкаго флота въ водахъ Чернаго моря. Хотя Государь Императоръ изволитъ предполагать, что контръ-адмиралъ Кумани въ такомъ случаѣ обратится немедленно къ нанесенію возможнаго вреда непріятельскому флоту, но не менѣе того, успѣхъ его дѣйствій, соразмѣряясь силѣ его эскадры, имѣющей притомъ обязанность обезпечивать завоеваніе наше въ Фарросскомъ заливѣ, не соотвѣтствовалъ бы важности дѣла и флотъ непріятельскій могъ бы оспаривать, хотя временно, исключительное наше господство на Черномъ морѣ, столь необходимое для полнаго успѣха всѣхъ нашихъ военныхъ предпріятій.

Что же касается до десантныхъ войскъ, которыя адмиралъ считаетъ нужнымъ имѣть на флотѣ, на случай демонстраціи противъ Синопа, Требизонда или другаго пункта по азіатскому и европейскому берегамъ Чернаго моря, то Государь Императоръ, совершенно одобряя мысль адмирала, полагаетъ употребить въ послѣдствіи для этой цѣли одну бригаду.

Вскорѣ за этимъ письмомъ графъ Чернышевъ, получивъ отъ адмирала увѣдомленіе, что онъ до Высочайшаго разрѣшенія на счетъ дѣйствій ввѣреннаго ему флота, въ продолженіе будущей кампаніи, пріостановился выходомъ въ море, торопится увѣдомить, что «Государь Императоръ повелѣть ему соизволилъ сообщить, что Его Императорское Величество располагаетъ общими дѣйствіями флота въ слѣдующемъ видѣ.

1) Истребленіе флота непріятельскаго, если оный отважится выйдти въ Черное море, относясь къ первой обязанности ввѣреннаго вамъ флота, требуетъ нераздѣльныхъ его усилій, и ваше высокопревосходительство на сей случай уполномочиваетесь, прекративъ всѣ прочія менѣе важныя дѣйствія онаго, по собственному вашему усмотрѣнію, обратиться къ истребленію непріятельскихъ морскихъ силъ, какъ я о томъ неоднократно имѣлъ честь сообщать вамъ Высочайшую волю Государя Императора. По всѣмъ свѣдѣніямъ сюда дошедшимъ, правительство турецкое намѣрено отправить въ море эскадру изъ 4-хъ линейныхъ кораблей, 1-го фрегата, построеннаго въ Синопѣ и пришедшаго уже въ Цареградъ, 3-хъ корветовъ и 1-го брига, и хотя направленіе, какое эскадрѣ сей дано будетъ, доселѣ еще неизвѣстно, но я не менѣе того счелъ долгомъ довести, о существованіи оной и предположенномъ выходѣ въ море, до свѣдѣнія вашего высокопревосходительства.

2) За симъ главнымъ употребленіемъ флота, предлежатъ оному дѣйствія или въ совокупности съ сухопутными войсками для достиженія одной и той же цѣли, или имѣющія предметомъ облегчать и способствовать будущимъ предпріятіямъ арміи. Послѣднія могутъ быть начаты съ самаго выхода флота въ море и продолжаться до того времени, когда главнѣйшія силы арміи сосредоточатся у подошвы Балканскихъ горъ, для перехода оныхъ, а съ сего времени предположенное содѣйствіе флота сухопутнымъ войскамъ воспріиметъ свое начало.

Государь Императоръ, раздѣляя такимъ образомъ дѣйствія флота на два періода, кромѣ указаннаго оному главнаго

дѣла (истребленіе непріятельскихъ морскихъ силъ), соизволяетъ, чтобы въ первомъ изъ нихъ ваше высокопревосходительство располагали всѣми предпріятіями флота, по собственному вашему усмотрѣнію, согласуя впрочемъ дѣйствія онаго съ тѣми мыслями г. главнокомандующаго, которыя мнѣ сообщить изволили, и собственными вашими предположеніями, Высочайшаго одобренія удостоенными. Его Величество полагать изволитъ, что ваше высокопревосходительство согласно съ оными, признаете нужнымъ предпочтительно расположить предпріятія флота по берегу моря на пространствѣ отъ Варны до Босфора, такъ какъ всякая выгода, пріобрѣтаемая нами на сихъ берегахъ, или вредъ, наносимый на оныхъ непріятелю, долженъ способствовать сначала предпріятіямъ арміи по сю сторону горъ, развлекая вниманіе и силы его для одновременной обороны разныхъ пунктовъ, равно для него важныхъ, а впослѣдствіи и успѣху рѣшительныхъ дѣйствій нашихъ за Балканами. Сіи уваженія конечно побудятъ ваше высокопревосходительство удаляться сколь можно менѣе съ главными силами флота отъ береговъ Румеліи; но если бы, по соображеніямъ вашимъ, представилась особенная выгода въ совершеніи какого-либо болѣе отдаленнаго предпріятія, или таковое по обстоятельствамъ сдѣлалось бы необходимымъ, то Государь Императоръ на сей случай соизволяетъ, чтобы вы милостивый государь, оставили у береговъ болгарскихъ нѣсколько легкихъ судовъ для непрерывныхъ сношеній вашихъ съ г. главнокомандующимъ. По невозможности опредѣлить съ точностью срока, въ который армія будетъ сосредоточена у Балканскихъ горъ и въ который слѣдовательно долженъ начаться второй періодъ дѣйствій флота, мѣра сія оказывается тѣмъ необходимѣйшею.

Само собою явствуетъ, что и способы и степень содѣйствія флота сухопутнымъ войскамъ въ семъ періодѣ должны быть согласованы съ общими предначертаніями кампаніи. Посему главнокомандующій, имѣя въ постоянномъ распоряженіи своемъ нѣсколько легкихъ судовъ, будетъ имѣть возможность сообщить вашему высокопревосходительству заблаговременно намѣренія свои насчетъ совокупныхъ дѣйствій

флота съ арміею, которыя такимъ образомъ, по взаимному соглашенію вашему, безъ всякаго отлагательства будутъ приводимы въ исполненіе.

Постоянное усердіе къ пользамъ службы Его Императорскаго Величества, отличающее предводительствующихъ арміею и дѣйствующихъ флотомъ, Государь Императоръ пріемлетъ несомнѣннымъ залогомъ успѣха во всѣхъ соединенныхъ ихъ предпріятіяхъ, зависящаго отъ единодушнаго стремленія обоихъ къ достиженію одной и той же важной цѣли, заключающейся въ понужденіи непріятеля смириться передъ побѣдоноснымъ оружіемъ Его Величества.

Высочайшія намѣренія и ожиданія, здѣсь изложенныя, вмѣстѣ съ симъ сообщены мною по волѣ Его Императорскаго Величества и г. главнокомандующему арміею».

Графъ Дибичъ сообщилъ что порядокъ плана военныхъ дѣйствій онъ полагалъ бы нижеслѣдующій:

Занять пунктъ въ Фаросскомъ заливѣ; сдѣлать тамъ демонстрацію къ Босфору и разорить Килію или Риву, предпринять экспедицію на Инаду и Самоково и вновь явиться при Босфорѣ; по отвлеченіи же туда вниманія непріятеля, прибыть къ Варнѣ въ половинѣ іюня для принятія десанта.

Главный командиръ въ отвѣтѣ своемъ главнокомандующему арміей объяснилъ, что покореніемъ Сизополя одна часть предложенія уже исполнена, что покушеніе на Килію или Риву, отстоящихъ около трехъ миль отъ пролива, и по сильному теченію въ него, требуетъ большой осторожности, что мѣстечко Самоково отстоитъ на 30 верстъ отъ берега, а потому, по его мнѣнію, предпочтительнѣе взять Инаду и укрѣпиться въ ней, что неминуемо заставитъ отвлечь силы отъ Балкановъ и Шумлы, такъ какъ Инада отстоитъ только на 90 верстъ отъ Стамбула. Если же покореніе Синопа входитъ въ планъ кампаніи, то лучше не дѣлать демонстраціи, а прямо съ одною пѣхотною дивизіею овладѣть имъ.

Переписка, окончена въ послѣднихъ числахъ марта и получено Высочайшее повелѣніе о возможно скорѣйшемъ выходѣ флота.

2 апрѣля 1829 г., главный командиръ назначивъ контръ-адмирала Снаксарева предсѣдателемъ общаго присутствія,

а контръ-адмирала Сальти командиромъ Севастопольскаго порта, прибылъ въ Севастополь. 5 апрѣля поднялъ флагъ на кораблѣ «Парижъ», а 12 вышелъ въ море и, придя въ Сизополь, 19-го вступилъ въ командованіе флотомъ и сухопутными войсками, какъ уже было сказано, при чемъ заходилъ на пути въ Варну, для свиданія съ генераломъ Роттомъ.

Контръ-адмиралъ Кумани доложилъ главному командиру, что, по показанію купеческаго судна 2 турецкіе корабля и бригъ вышли изъ пролива, и какъ донесеніе брига «Меркурій» подтверждало, что 2 корабля должны быть внѣ пролива, то, поэтому, тотчасъ же была для овладѣнія ими составлена эскадра изъ кораблей «Пименъ», «Іоаннъ Златоустъ», бриговъ «Меркурій» и «Мингрелія» и крейсерующихъ около Босфора фрегата и брига и была поручена капитану 1 ранга Скаловскому, немедленно отправившемуся на поиски за непріятелемъ.

22 апрѣля главный командиръ, въ сопровожденіи адмираловъ и генераловъ, обозрѣвалъ Фаросскій заливъ; приблизясь къ Бургасу, замѣчено 2 лагеря и 17 амбразуръ, обращенныхъ къ морю, и что, вообще, въ теченіе послѣдняго времени турки усилили свои укрѣпленія. На другой день приступили къ возведенію батарей на полуостровѣ Св. Троицы, чтобы не дать возможности непріятелю занять это мѣсто и безпокоить флотъ, стоявшій на рейдѣ Сизополя. На большомъ островѣ Киріосъ начали строить лазаретъ, а на маломъ Св. Іоаннъ магазины и мастерскія.

26 апрѣля бригъ «Орфей» прибылъ въ 11 часовъ съ донесеніемъ, что, подойдя къ проливу 23, онъ видѣлъ вмѣстѣ съ фрегатомъ «Штандартъ», выходящій турецкій флотъ изъ 8 судовъ, и былъ отряженъ командиромъ фрегата, для увѣдомленія адмирала, въ Сизополь. Въ 3 часа флотъ нашъ былъ подъ парусами, а для защиты Сизополя оставленъ контръ-адмиралъ Кумани съ кораблемъ, бомбардирскимъ судномъ и съ гребной флотиліей.

На другой день къ флоту присоединился бригъ «Меркурій» съ донесеніемъ отъ капитана 1 ранга Скаловскаго, что онъ, подойдя къ Босфору и увидѣвъ, что тамъ стояло только

5 судовъ, заключилъ, что 3 пошли къ берегамъ Анатоліи, отправился для отысканія ихъ; главный командиръ, одобряя это движеніе Скаловскаго, велѣлъ присоединиться къ нему кораблю «Нордъ-Адлеръ».

30-го фрегатъ «Флора» донесъ, что весь турецкій флотъ лежитъ на якорѣ въ проливѣ. 1 мая адмиралъ, отрядилъ фрегаты «Флора» и «Рафаилъ» съ десантомъ матросовъ съ кораблей и яхту «Утѣха», занять Агатополь, истребить укрѣпленія и взять орудія; но суда по свѣжести вѣтра не могли приступить къ свозу десанта и присоединились къ флоту, который 3 числа вечеромъ вернулся на Сизопольскій рейдъ.

На усиленіе крейсерства, по просьбѣ главнокомандующаго кавказскимъ корпусомъ, между Синопомъ, Требизондомъ и Батумомъ, назначены, кромѣ бригантины «Елизавета», еще бригъ, шлюпъ и шкуна, а впослѣдствіи присоединенъ къ нимъ фрегатъ «Рафаилъ», командиру котораго велѣно принять начальство надъ всѣми судами и учредить правильное крейсерство. Контръ-адмиралъ Кумани назначенъ предсѣдателемъ комитета въ Николаевѣ по случаю смерти контръ-адмирала Снаксарева.

7 мая пришелъ бригъ «Меркурій» съ 2 призовыми судами и привезъ донесеніе отъ капитана 1 ранга Скаловскаго, что онъ, усмотрѣвъ у береговъ мѣстечка Шили 15 турецкихъ судовъ, приказалъ истребить ихъ; изъ нихъ 2 взяты а остальныя сожжены, и въ тотъ же день бригъ «Орфей» показался съ тремя призами, которыми онъ овладѣлъ у мѣстечка Кирпени. Ставъ на якорь, капитанъ-лейтенантъ Колтовской поручилъ командованіе старшему по себѣ, а самъ съ баркасомъ и катеромъ, несмотря на сильный ружейный огонь съ берега вырѣзалъ 2, а прибывъ на бригъ предоставилъ завладѣть третьимъ старшему своему офицеру лейтенанту Васенкѣ. Уронъ брига состоялъ изъ 6 раненыхъ.

11 мая, пришелъ отрядъ капитана 1 ранга Скаловскаго, который, узнавъ отъ грековъ, что въ Пендеракліи вооружается линейный корабль, а въ мѣстечкѣ Акчесарѣ приготовляется къ спуску 26 пушечный корветъ, отправилъ для истребленія его фрегатъ «Поспѣшный», а самъ съ прочими судами

направился къ Пендеракліи съ намѣреніемъ овладѣть или сжечь корабль. 3 мая войдя на рейдъ, онъ открылъ огонь; здѣсь было замѣчено, что корабль защищенъ батареями, устроенными на высотахъ рейда и что по всему берегу толпились вооруженные люди. На другой день прибылъ фрегатъ «Поспѣшный», которому приказано стать у непріятельскаго корабля и къ нему должны были собраться всѣ гребныя суда съ десантомъ. Корабли «Іоаннъ Златоустъ» и «Нордъ-Адлеръ» заняли мѣста противъ батарей, фрегатъ «Штандартъ» расположился передъ городомъ и долженъ былъ не допускать жителей помогать войскамъ; бригу «Мингрелія» велѣно было истребить суда. стоявшія къ югу отъ Пендеракліи. Къ вечеру суда заняли свои мѣста, кромѣ фрегата «Поспѣшный», который, заштилевавъ, не могъ исполнить приказанія и былъ замѣненъ кораблемъ «Нордъ-Адлеръ», приблизившимся завозами на 200 саженъ. Въ полночь гребныя суда, раздѣлясь на два отдѣленія, въ совершенномъ порядкѣ тронулись, но вскорѣ были открыты и поражаемы такимъ сильнымъ огнемъ, что начальникъ отряда, не желая подвергать ихъ значительной потерѣ, вернулъ ихъ, во-первыхъ, потому, что не оставалось сомнѣнія, что и на кораблѣ должны будутъ встрѣтить много войскъ, а во-вторыхъ, что глубина, на которой стоялъ корабль, заставила думать, что онъ на мели и потому снятіе его будетъ стоить очень дорого. Съ слѣдующаго утра «Нордъ-Адлеръ» открылъ сильный огонь и, въ свою очередь, подвергался сосредоточенному огню съ берега, тогда для отвлеченія подвинуты были «Іоаннъ Златоустъ» и фрегатъ «Поспѣшный». Непріятельскій корабль, стоя на мели не тонулъ, брандскугели его не зажигали, а потому оставалось одно средство—зажечь его съ гребнаго судна. Предпріятіе отважное, но тѣмъ не менѣе явилось много желающихъ; честь эту предоставили мичману Трескину съ 10 охотниками. Онъ присталъ къ кораблю, прибилъ къ портамъ и по борту пеньковые кранцы и, обливъ смолою, зажегъ; скоро корабль обнялся пламенемъ и въ то же время «Іоаннъ Златоустъ» открылъ огонь. Стоявшія около

корабля транспортъ и 15 купеческихъ судовъ одновременно были уничтожены.

Потеря наша состояла изъ 7 убитыхъ и 13 раненыхъ, а суда получили болѣе 200 пробоинъ и поврежденій. Судя по тому упорству, съ которымъ непріятель защищалъ корабль, уронъ его долженъ быть значителенъ. Такъ какъ фрегатъ «Поспѣшный» въ первый разъ не могъ высадить десанта, видя на берегу массы вооруженнаго непріятеля, то Скаловскій вторично послалъ фрегатъ и бригъ «Мингрелія» съ приказаніемъ, если нельзя взять корвета, то истребить его до основанія, что и было исполнено.

Фрегатъ «Штандартъ» 15 мая подойдя на видъ Сизополя, сигналомъ увѣдомилъ, что турецкій флотъ находится въ морѣ, а когда вѣтеръ немного стихъ, то доставлено слѣдующее извѣстіе: фрегатъ «Штандартъ», бриги «Меркурій» и «Орфей», слѣдуя къ Константинопольскому проливу и находясь отъ него въ 13 миляхъ, встрѣтили турецкій флотъ въ числѣ 18 судовъ, шедшій отъ береговъ Анатоліи. Непріятель, замѣтя направленіе ихъ на Сизополь, пошелъ за ними въ погоню и два корабля его стали примѣтно догонять, тогда командиръ фрегата предложилъ сигналомъ каждому избрать наиболѣе выгодный для хода курсъ.

Бригъ «Меркурій», бывшій позади, былъ скоро настигнутъ двумя кораблями, а онъ съ фрегатомъ, не будучи въ состояніи подать помощь, поспѣшилъ въ Сизополь. Адмиралъ, узнавъ объ этомъ, вышелъ съ флотомъ въ море и черезъ 3 часа встрѣтилъ уже стяжавшій себѣ громкую славу бригъ «Меркурій». Наружный видъ его вполнѣ свидѣтельствовалъ объ ужасномъ боѣ, только-что имъ выдержанномъ: корпусъ, рангоутъ, такелажъ и паруса были жестоко избиты. Командиръ брига капитанъ-лейтенантъ Казарскій, встрѣченный адмираломъ со всевозможными почестями, донесъ объ этомъ знаменитомъ боѣ слѣдующими словами:

Когда замѣчено было приближеніе къ берегу турецкаго флота, пустившагося въ погоню за нашими крейсерами, и командиръ фрегата «Штандартъ» приказалъ взять выгоднѣйшій для хода курсъ, тогда «Меркурій» легъ галфвиндъ на

NNW, имѣя непріятеля на S, но вскорѣ оказалось, что перемѣна курса не принесла никакой пользы; лучшіе ходоки непріятельскаго флота, два корабля, одинъ 110 пушечн., подъ флагомъ капудана паши, другой 74 пушечн. подъ адмиральскимъ флагомъ, примѣтно настигали бригъ и въ исходѣ втораго часа пополудни находились отъ него въ разстояніи полутора пушечнаго выстрѣла. Въ это время вѣтеръ стихъ и ходъ преслѣдующихъ кораблей уменьшился; пользуясь этимъ обстоятельствомъ, онъ прибѣгнулъ къ единственному средству, которое было въ его распоряженіи, т. е. къ весламъ; посредствомъ ихъ онъ надѣялся увеличить разстояніе, отдѣлявшее его отъ непріятеля; но не прошло и получаса, какъ вѣтеръ посвѣжѣлъ снова, корабли стали приближаться къ бригу и открыли по немъ огонь изъ погонныхъ пушекъ. Видя совершенную невозможность уклониться отъ неравнаго боя, онъ собралъ военный совѣтъ изъ всѣхъ офицеровъ. Поручикъ корпуса флотскихъ штурмановъ Прокофьевъ, отъ котораго, какъ младшаго, отъ перваго потребовано было мнѣніе, предложилъ взорвать бригъ, когда онъ будетъ доведенъ до крайности. Вслѣдствіе этого мнѣнія, принятаго всѣми единогласно, положено было защищаться до послѣдней возможности и, наконецъ, если будетъ сбитъ рангоутъ или откроется сильная течь, тогда свалиться съ ближайшимъ непріятельскимъ кораблемъ, и тотъ изъ офицеровъ, который останется въ живыхъ, долженъ зажечь крюткамеру, для чего былъ положенъ на шпиль заряженный пистолетъ. Послѣ этого командиръ счелъ долгомъ обратиться къ нижнимъ чинамъ и объяснить имъ, чего ожидаетъ отъ нихъ Государь и что требуетъ честь русскаго флага, и съ радостью нашелъ въ командѣ тѣ же чувства, что и въ офицерахъ; всѣ единогласно объявили, что будутъ до конца вѣрными своему долгу и присягѣ. Успокоенный такимъ одушевленіемъ своихъ людей, онъ приказалъ убрать весла, поставилъ людей къ пушкамъ, отрубилъ шлюпку, висѣвшую за кормою и открылъ огонь изъ ретирадныхъ портовъ.

Вскорѣ 110-ти пушечный корабль началъ спускаться, съ тѣмъ, чтобы занять мѣсто съ правой стороны брига и дать

продольный залпъ, но «Меркурій» избѣжалъ послѣдняго, приспустившись вовремя; такимъ образомъ еще около получаса онъ подвергался выстрѣламъ только однѣхъ погонныхъ пушекъ, но потомъ былъ поставленъ между обоими кораблями. Каждый изъ непріятелей сдѣлалъ два залпа по бригу, послѣ чего съ корабля капудана-паши закричали по русски: «сдавайся и убирай паруса!» отвѣтомъ на это былъ залпъ всей артиллеріи и дружный ружейный огонь, при громкомъ «ура!» Тогда оба корабля сдавшись къ кормѣ брига, открыли по немъ непрерывную канонаду ядрами, книпелями и брандскугелями, которыми былъ произведенъ пожаръ, вскорѣ, однако, потушенный. Во все время «Меркурій» не прерывалъ огня, стараясь, между тѣмъ, по возможности, уклоняться отъ продольныхъ выстрѣловъ; наконецъ ему удалось перебить ватеръштагъ и гротовой рангоутъ 110-ти пушечнаго корабля, что побудило его закрѣпить бомъ-брамсели, привести къ вѣтру и лечь въ дрейфъ; но прежде совершеннаго прекращенія дѣйствій, онъ послалъ въ бригъ прощальный залпъ со всего борта. Другой корабль продолжалъ сраженіе перемѣняя галсы подъ кормою брига и билъ его ужасно продольными выстрѣлами, которыхъ никакими движеніями избѣжать было невозможно; за всѣмъ тѣмъ «Меркурій» продолжалъ отпаливаться до тѣхъ поръ, пока счастливымъ выстрѣломъ удалось перебить у непріятеля нокъ форъ марса рея, паденіе коего увлекло за собою лисели, тогда и этотъ корабль въ $5^1/_2$ часовъ привелъ въ бейдевиндъ. Казарскій не находитъ словъ для описанія храбрости, самоотверженія и точности въ исполненіи своихъ обязанностей, какія были оказаны всѣми вообще офицерами и матросами въ продолженіе этого трехчасоваго сраженія, не представлявшаго никакой совершенно надежды на спасеніе, и только такому достойному удивленія духу экипажа и милости Божіей должно приписать спасеніе флага и судна Его Императорскаго Величества. Пробоинъ въ корпусѣ оказалось 22, поврежденій въ рангоутѣ 16, въ парусахъ 133, въ такелажѣ 148; сверхъ того, разбиты гребныя суда. Подвигъ этотъ, не имѣющій себѣ подобныхъ, привелъ въ изумленіе непріятеля, какъ

можно судить изъ слѣдующаго разсказа штурмана турецкаго флота.

«Во вторникъ, съ разсвѣтомъ, приближаясь къ Босфору, мы примѣтили три русскія судна: фрегатъ и два брига; мы погнались за ними, но только догнать могли одинъ бригъ въ три часа пополудни. Корабль капудана-паши и нашъ открыли тогда сильный огонь. Дѣло неслыханное и невѣроятное: мы не могли заставить его сдаться. Онъ дрался ретируясь и маневрируя со всѣмъ искусствомъ опытнаго военнаго капитана, до того, что, стыдно сказать, мы прекратили сраженіе и онъ со славою продолжалъ свой путь. Бригъ сей долженъ потерять, безъ сомнѣнія, половину своей команды, потому что одинъ разъ онъ былъ отъ нашего корабля на пистолетный выстрѣлъ. и онъ, конечно, еще болѣе былъ бы поврежденъ, если бы капуданъ-паша не прекратилъ огня часомъ ранѣе насъ и сигналомъ не приказалъ бы намъ сдѣлать того же.

Въ продолженіи сраженія командиръ русскаго фрегата, бывшій у насъ въ плѣну, говорилъ мнѣ, что капитанъ сего брига никогда не сдастся, и если онъ потеряетъ всю надежду, то тогда взорветъ бригъ свой на воздухъ. *Если въ великихъ дѣяніяхъ древнихъ и нашихъ временъ находятся подвиги храбрости, то сей поступокъ долженъ всѣ оные помрачить и имя сего героя достойно быть начертано золотыми литерами на храмѣ Славы: онъ называется капитанъ-лейтенантъ Казарскій, а бригъ «Меркурій». Съ 20-ю пушками, не болѣе, онъ дрался противъ 220-ти въ виду непріятельскаго флота, бывшаго у него на вѣтрѣ».*

Подвигъ Казарскаго достойно оцѣненъ былъ Государемъ: командиръ произведенъ въ капитаны 2 ранга, съ назначеніемъ флигель-адъютантомъ, и награжденъ орденомъ св. Георгія 4 степени. Лейтенанты: Скарятинъ и Новосильскій (*), мичманъ Притуповъ и поручикъ Прокофьевъ получили слѣдующіе чины и первые трое св. Влади-

(*) Ѳедоръ Михайловичъ нынѣ адмиралъ, генералъ-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта.

міра 4 степени съ бантомъ, а послѣдній—орденъ св. Георгія 4 степени. Всѣмъ нижнимъ чинамъ — знакъ военнаго ордена и всѣмъ вообще, какъ офицерамъ, такъ и командѣ, въ пожизненный пенсіонъ двойной окладъ жалованья. Бригу данъ георгіевскій флагъ; а чтобы увѣковѣчить память, велѣно навсегда сохранить въ черноморскомъ флотѣ бригъ «Меркурій» а офицерамъ внести въ свой гербъ—пистолетъ.

28 іюля 1829 г. состоялся на имя морскаго министра Высочайшій указъ, представлявшій новое доказательство вниманія Государя Императора къ твердости духа и самопожертвованію Казарскаго и его храбрыхъ сподвижниковъ:

«32 Флотскаго экипажа 18-ти пушечному бригу «Меркурій» за славные подвиги съ двумя непріятельскими кораблями, Всемилостивѣйше дарованъ флагъ съ знаменемъ Св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія; мы желаемъ, дабы память безпримѣрнаго дѣла его сохранилась до позднѣйшихъ временъ вслѣдствіе чего повелѣваемъ вамъ распорядиться, когда бригъ сей будетъ приходить въ неспособность продолжать болѣе служеніе въ морѣ, построить по одному съ нимъ чертежу и въ совершенномъ съ нимъ сходствѣ во всемъ, другое таковое же судно, наименовавъ оное бригъ «Меркурій» приписавъ къ тому же экипажу, на которое перенести и Всемилостивѣйше пожалованный Георгіевскій флагъ съ вымпеломъ; когда же и сіе судно станетъ приходить въ ветхость, замѣнить его другимъ, новымъ, по тому же чертежу построеннымъ, продолжая сіе такимъ образомъ до временъ позднѣйшихъ. Мы желаемъ, дабы память знаменитыхъ заслугъ команды брига «Меркурій» и его имя, во флотѣ никогда не исчезали и, переходя изъ рода въ родъ, на вѣчныя времена служили примѣромъ потомству».

Вслѣдъ за донесеніемъ о блестящемъ боѣ «Меркурія» узнали о взятіи турками фрегата «Рафаилъ».

Государь Императоръ, получивъ эти донесенія, соизволилъ отдать на имя адмирала Грейга слѣдующій указъ: «вмѣстѣ съ донесеніемъ вашимъ о блистательномъ подвигѣ брига «Меркурій», мужественно вступившаго въ бой съ двумя

непріятельскими линейными кораблями, предпочитая очевидную погибель безчестію плѣна, получилъ я прилагаемый при семъ рапортъ командира фрегата «Рафаилъ», капитана 2 ранга Стройникова.

«Вы увидите изъ сей бумаги, какими обстоятельствами офицеръ этотъ оправдываетъ позорное плѣненіе судна, ему ввѣреннаго, выставляя экипажъ онаго воспротивившимся всякой оборонѣ; онъ считаетъ это достаточнымъ для прикрытія собственнаго постыднаго малодушія, коимъ обезславленъ въ семъ случаѣ флагъ россійскій.

«Раздѣляя справедливое негодованіе, внушенное, безъ сомнѣнія, всему черноморскому флоту, поступками, столь недостойными онаго, повелѣваю вамъ учредить немедленно коммисію, подъ личнымъ предсѣдательствомъ вашимъ, для разбора изложенныхъ капитаномъ Стройниковымъ обстоятельствъ, побудившихъ его къ сдачѣ фрегата. Заключеніе, которое коммисіею сдѣлано будетъ, вы имѣете представить на Мое усмотрѣніе.

«Уповая на помощь Всевышняго, пребываю къ надеждѣ, что неустрашимый флотъ черноморскій, горя желаніемъ смыть безславіе фрегата «Рафаилъ», не оставитъ его въ рукахъ непріятеля. Но когда онъ будетъ возвращенъ во власть нашу, то, почитая фрегатъ сей впредь недостойнымъ носить флагъ русскій и служить на ряду съ прочими судами нашего флота, повелѣваю вамъ предать оный огню (*)».

Всеподданнѣйшій рапортъ капитана 2 ранга Стройникова заключался въ слѣдующемъ:

«Слѣдуя предписанію г. главнаго командира черноморскаго флота адмирала Грейга, попутнымъ вѣтромъ отправился, мая 10 сего 1829 г., съ ввѣреннымъ мнѣ фрегатомъ въ крейсерство между Трапезонтомъ и Батумомъ и 11 числа вечеромъ, находясь на траверзѣ Пендеракліи, въ разстояніи 40

(*) Воля Государя Императора была исполнена черноморскимъ флотомъ въ Синопскомъ сраженіи черезъ 24 года. См. мой «Біографической Очеркъ Павла Степановича Нахимова» въ «Морск. Сб». 1868 г. № 3, стр. 14 пр. и библ.

А. Аеланбегова.

миль, вѣтеръ сдѣлался крѣпкій, противный, заставившій поворотить въ море; въ продолженіе ночи, вѣтеръ, усиливаясь время отъ времени, произвелъ большое волненіе, а на разсвѣтѣ 12 числа, находясь отъ ближайшаго анатолійскаго берега въ 30 миляхъ, увидѣлъ непріятельскій флотъ, состоявшій изъ 1 трехдечнаго и 5 двухдечныхъ кораблей, 2-хъ фрегатовъ, 5 корветовъ и 2-хъ бриговъ, въ разстояніи шести миль на вѣтрѣ. Судя по направленію вѣтра и мѣстному положенію, рѣшился продолжать тотъ же курсъ, дабы удалиться отъ онаго; впослѣдствіи времени вѣтеръ стихъ, отъ коего фрегатъ имѣлъ ходу одну итальянскую милю въ часъ; непріятель, пользуясь попутною зыбью и имѣя направленіе полнѣе, сближался съ фрегатомъ. Я, дабы отвлечь оныхъ и продлить время до ночи, темнота коей могла способствовать спасенію фрегата, слѣдовалъ его движенію; но онъ, имѣя преимущественный ходъ, не допустилъ до сего, приближался и пополудни въ два часа пересѣкъ всѣ направленія. Видя себя въ столь неизбѣжномъ положеніи, созвалъ всѣхъ штабъ и оберъ-офицеровъ для отобранія мнѣнія каждаго, которые общимъ согласіемъ положили: обороняться до послѣдней капли крови и, въ случаѣ нужды, свалиться съ непріятелемъ и взорвать фрегатъ; но нижніе чины, узнавъ намѣреніе наше, объявили, что фрегата не допустятъ сжечь, а сдѣлавшійся въ сіе время штиль лишилъ меня и послѣднихъ способовъ къ защищенію и нанесенію непріятелю вреда, и въ 4 часа пополудни фрегатъ взятъ непріятельскимъ флотомъ».

Главный командиръ, объявилъ въ приказѣ по флоту волю Государя Императора, изображенную въ указѣ 4 іюня. поставилъ въ непремѣнную обязанность командировъ кораблей, и въ особенности фрегатовъ, въ случаѣ встрѣчи съ непріятельскимъ флотомъ, обращать преимущественно вниманіе на овладѣніе бывшимъ фрегатомъ «Рафаилъ».

Командиръ брига «Орфей» капитанъ-лейтенантъ Колтовской, уйдя отъ турецкаго флота, направился къ анатольскому берегу и увидя у мѣстечка Шили два непріятельскія судна, послалъ истребить ихъ своего старшаго офи-

цера, что и было исполнено, при чемъ онъ имѣлъ 5 человѣкъ раненыхъ.

28 мая бригъ «Орфей» прибылъ съ извѣстіемъ, что фрегатъ «Флора» видѣлъ 26 числа непріятельскій флотъ, изъ 6 кораблей, 3 фрегатовъ и 9 мелкихъ судовъ состоящій, который за нимъ гнался, но потомъ привелъ и въ это время фрегатъ встрѣтилъ «Орфей» и послалъ его съ донесеніемъ, что ночью держали огни, а утромъ 27-го непріятеля не было уже видно.

По случаю открытія чумы адмиралъ предписалъ нужныя мѣры и устроилъ карантинное управленіе на островѣ Киріосѣ. Между тѣмъ бѣглые турки и греки безпрестанно сообщали о готовящемся нападеніи на Сизополь, и что уже назначенъ былъ часъ, но рѣшились ожидать выхода нашего флота въ море.

31 пришелъ фрегатъ «Флора» съ донесеніемъ, что, отыскивая турецкій флотъ, онъ увидѣлъ въ ночь на 28 число у Киліи два большія судна и на другой день въ туманѣ слышны были пушечные выстрѣлы. По прочищеніи же пасмурности открылся турецкій флотъ въ числѣ 16 судовъ; фрегатъ привелъ и послѣ полдня видѣлъ какъ флотъ входилъ въ проливъ.

2 іюня въ 7 часовъ вечера фрегатъ «Поспѣшный» (капитанъ-лейтенантъ Казарскій), только-что выйдя съ рейда, репетовалъ сигналы брига «Орфей»: «вижу непріятеля въ морѣ» и вслѣдъ за тѣмъ сообщилъ, что «Орфей» палитъ безпрестанно. Немедленно приказано сняться съ якоря, а утромъ капитанъ-лейтенантъ Колтовской донесъ, что непріятельскій флотъ, изъ 17 вымпеловъ состоящій, гнался за нимъ 1 и 2 числа, и что вчера въ 8 часовъ вечера передовые его корабли находились у мыса Зейтана, а остальная часть у Агатополя, и что, вѣроятно, къ полуночи турецкій флотъ воротится въ проливъ. Своими выстрѣлами онъ давалъ знать о числѣ непріятельскихъ судовъ.

Въ тотъ же день фрегатъ «Штандартъ» и бригъ «Орфей» посланы къ Синопу съ цѣлью, посредствомъ усиленнаго крейсерства между нимъ и Пендеракліею, прекратить всякое судоходство и тѣмъ завлечь флотъ къ анатольскому берегу.

5 іюня адмиралъ отдѣлилъ корабль «Пименъ» крейсеровать

у Инады, «Парменъ»—у Агатополя, фрегатъ «Евстафій»—у Сизополя съ тѣмъ, чтобы фрегатъ, у Босфора находящійся, увѣдомлялъ крейсера у Инады, который бы передавалъ, въ свою очередь бывшему у Агатополя и т. д.

Тогда же получено извѣстіе отъ графа Дибича о блистательной побѣдѣ надъ верховнымъ визиремъ, подъ Кулевчи, слѣдствіемъ которой было взятіе всей артиллеріи, обоза и 1500 плѣнныхъ. На другой же день флотъ сталъ на якорь въ Сизополѣ.

Изъ лагеря прибѣжалъ турокъ и извѣстилъ, что 12 т. корпусъ назначенъ для нападенія на Сизополь, что все готово къ нападенію, но ожидаютъ изъ Константинополя извѣстія о прибытіи турецкаго флота, что изъ Босніи присланъ отрядъ конницы въ 1000 чел. и что всѣми войсками командуетъ сераскиръ Абдулъ Рахманъ, а подъ нимъ два паши.

15-го адмиралъ, вслѣдствіе дурно понятаго сигнала, выходилъ снова въ море, а 19 возвратился. Такъ какъ въ Варнѣ и Коварнѣ чума усиливалась, то поэтому главнокомандующій просилъ главнаго командира о распоряженіи, чтобы все продовольствіе и запасы арміи расположить въ Сизополѣ. Въ этотъ же день чумные признаки показались и въ самомъ Сизополѣ.

23 іюня адмиралъ съ 5 кораблями, фрегатомъ «Евстафій» и бригомъ «Мингрелія» снялся съ якоря и пошелъ къ Константинопольскому проливу.

25 іюня получено извѣстіе о взятіи Силистріи; на другой день фрегатъ «Поспѣшный» (капитанъ 2 ранга Казарскій) донесъ, что у самаго Босфора крейсеруютъ два турецкіе корабля, фрегатъ и бригъ, и тогда контръ-адмиралу Скаловскому (произведенному за дѣло у Пендераклiи) съ тремя кораблями приказано идти разбить непріятеля; но оказалось, что суда выходили изъ пролива на нѣсколько часовъ.

1 іюля получено Высочайшее повелѣніе объ усиленіи сизопольскаго отряда 12 дивизіею, отправленною моремъ, и о подчиненіи ея равно со всѣми прочими войсками главному командиру. Для нужныхъ распоряженій адмиралъ съ тремя ко-

раблями возвратился въ Сизополь, а другія суда оставилъ въ морѣ въ распоряженіи контръ-адмирала Скаловскаго.

3 іюля крейсеръ у Синопа доносилъ, что, по осмотрѣ бухты оказались на стапелѣ 1 линейный корабль, 2 корвета и 7 судовъ на якоряхъ подъ стѣнами крѣпости; далѣе, что попадавшіяся лодки были истребляемы и одно большое судно у деревни Массетъ уничтожено гребными судами брига «Орфей»; причемъ онъ имѣлъ 4 убитыхъ и 7 раненыхъ.

4 іюля адмиралъ съ флотомъ возвратился на рейдъ Сизополя, а 7-го съ тремя кораблями, тремя фрегатами, бригомъ «Орфей», бомбардирскимъ судномъ и пароходомъ пошелъ къ Мисемврiи для совмѣстнаго дѣйствія съ войсками генерала Ротта, спускавшимися съ Балкановъ для покоренія ея. На другой день инженеръ-капитанъ Бюрно и г. Батьяновъ отправлены къ пашѣ, командовавшему городомъ, съ предложеніемъ о сдачѣ, и скоро возвратились съ отказомъ. Флотъ заштилѣвъ, сталъ далеко, а потому буксируемыя бомбардирскія суда только 9-го приступили къ бомбардированію крѣпости, а 10-го войска Ротта разбили сераскира, преслѣдовали по дорогѣ къ Бургасу, овладѣли лагеремъ и верфью, гдѣ намъ достался строившійся тамъ корветъ.

Когда, на другой день, по занятіи кораблями мѣстъ по диспозиціи на рейдѣ, отправлены былъ капитанъ-лейтенантъ Кузнецовъ и г. Батьяновъ къ Османъ-пашѣ, то нашли тамъ генералъ-маіора Вахтена, договаривавшагося со стороны генерала Ротта. Османъ-паша, угрожаемый съ двухъ сторонъ, сдался безусловно и былъ отправленъ въ Одессу. На главномъ бастіонѣ поднятъ русскій флагъ.

Въ этотъ же день полученъ рапортъ капитанъ-лейтенанта Колтовскаго, что онъ, освѣдомясь о томъ, что большая часть гарнизона Ахіоло убѣжала и что онъ можетъ разсчитывать на сочувствіе греческаго населенія, сталъ на якорь на рейдѣ, поручилъ бригъ старшему офицеру, а самъ на барказѣ съ 2 офицерами и 75 человѣками овладѣлъ городомъ и поднялъ флагъ. Разставивъ людей по пушкамъ, обращеннымъ въ поле, обезоруживъ неуспѣвшихъ уйдти турокъ, онъ послалъ донесеніе въ Мисемврію о взятіи Ахіоло и просилъ

прислать войска, по прибытіи которыхъ сдалъ городъ генералу Набелю. 14 мѣдныхъ орудій большаго калибра, одна мортира, значительные запасы пороха, снарядовъ и 11 кирлашей были его трофеями.

11 іюля главнокомандующій арміею со всѣмъ своимъ штабомъ былъ на кораблѣ у адмирала. Взятый корветъ, въ память дня тезоименитства Великой Княгини, названъ Ольгою.

На другой день флотъ двинулся для взятія Бургаса, подходя къ которому встрѣченъ былъ пароходомъ «Метеоръ», извѣщавшимъ о его покореніи сухопутными войсками и тогда на другой день эскадра воротилась въ Сизополь.

15-го получено донесеніе контръ-адмирала Скаловскаго, что всѣ мѣры, употребленныя имъ для вызова турецкаго флота изъ Босфора, не имѣютъ успѣха, несмотря на то, что его отрядомъ совершенно прекращено сообщеніе между Константинополемъ и Агатополемъ.

21-го городъ Василико занятъ командиромъ фрегата «Поспѣшный» капитанъ-лейтенантомъ Колтовскимъ, а 24 взятъ Агатополь командиромъ фрегата «Флора» капитанъ-лейтенантомъ Баскаковымъ. Этотъ укрѣпленный пунктъ былъ атакованъ фрегатомъ съ моря, а Бюрно одновременно напалъ съ сухаго пути; турки обратились въ бѣгство, несмотря на то, что имѣли 1200 человѣкъ гарнизона и довольно сильныя укрѣпленія. Въ городѣ взято 7 пушекъ, большое количество снарядовъ и 4000 пудовъ пороху. Василико и Агатополь тотчасъ же приступили готовить къ отраженію нечаяннаго нападенія непріятеля, бывшаго вблизи въ числѣ 6000.

По случаю умноженія числа больныхъ морскаго вѣдомства главный командиръ нашелся вынужденнымъ отправить ихъ на двухъ корабляхъ «Императоръ Францъ» и «Скорый» въ Севастополь.

1 августа главнокомандующій увѣдомляя адмирала, что между 6 и 8 числами главныя силы наши сосредоточатся около Адріанополя, просилъ его занять береговые пункты, чтобы одновременно наступить къ Константинополю, а потому 3 августа флотъ снялся съ якоря. Капитанъ-лейтенанту Баскакову поручены корабль «Нордъ-Адлеръ», фрегаты «Флора»

и «Поспѣшный», бриги «Орфей», «Ганимедъ» и два бомбардирскія судна и приказано атаковать укрѣпленія Инады которыя чрезъ два часа по открытіи огня съ флота и наступленіи 500 челов. десанта взяты съ боя, несмотря на то, что укрѣпленія были выстроены по всѣмъ правиламъ военнаго искусства, имѣли 2000 гарнизона а въ лагерѣ въ резервѣ было болѣе 3000.

Трофеями были: 2 мортиры, 31 орудіе и огромные запасы пороху и снарядовъ.

Въ 4 часа флотъ сталъ на якорь на Инадскомъ рейдѣ. На другой день прибылъ сухопутный отрядъ, опоздавшій по незнанію дороги; часть отряда была послана въ Самоково для уничтоженія тамъ литейнаго завода, что и было исполнено.

Лейтенантъ Панютинъ овладѣлъ прибрежною деревнею С. Стефано.

Видя намѣреніе турецкаго флота не оставлять Босфора, главный командиръ приказалъ изготовить брандеры, которыми хотѣлъ сжечь турецкій флотъ въ самомъ Буюкдере. Какъ только объявлено было объ этомъ предположеніи, тотчасъ же явилось много охотниковъ и на брандеръ № 1 назначенъ лейтенантъ Скаржинскій, а на № 2 мичманъ Попандопуло, (впослѣдствіи убитый въ Севастополѣ на 3 бастіонѣ).

13 августа адмиралъ предположилъ атаковать Мидію и поручилъ контръ-адмиралу Стожевскому корабли: «Іоаннъ Златоустъ» и «Пименъ», 2 брига, 2 бомбардирскія судна и люгеръ, а для десанта 3 роты сухопутнаго войска и по 75 матросовъ съ каждаго корабля.

Въ часъ пополудни суда заняли назначенныя имъ мѣста и открыли огонь. Десантъ былъ свезенъ, но воротился безъ удачи, потому что рѣчка, которую надобно было переходить, оказалась слишкомъ глубокою.

8 августа былъ взятъ Адріанополь. Непріятель въ числѣ 10-т. человѣкъ положилъ оружіе и графъ Дибичъ просилъ къ 15-му овладѣть Мидіею, чтобы войдти въ сообщеніе съ сухопутными войсками, двинувшимися къ этимъ мѣстамъ.

Разыгравшаяся зыбь не позволила приступить къ свозу десанта, а 17 числа турки устрашенные положеніемъ флота начали оставлять укрѣпленія. Тогда лейтенантъ Панютинъ съ гребною флотиліею перешелъ на южную сторону и съ 1 офицеромъ и 50 матросами выскочилъ на берегъ и подъ прикрытіемъ огня двухъ іоловъ двинулся въ крѣпость, изъ которой оставшіеся турки бросились бѣжать, а Панютинъ, взойдя въ нее, былъ встрѣченъ митрополитомъ и жителями, поднесшими ему ключи отъ города. Въ Мидіи взято 9 орудій, большой запасъ пшеницы, угля, пороху и снарядовъ. Гарнизонъ состоялъ изъ 1000 человѣкъ.

Люгеръ «Глубокій» у Карабурну вырѣзалъ судно изъ подъ укрѣпленія.

21 августа адмиралъ держался у пролива въ теченіи трехъ дней, а 28 возвратился къ Сизополю, гдѣ 1 сентября получилъ увѣдомленіе о покореніи отрядомъ генералъ-маіора Сиверса города Эноса и поэтому объ открытіи сообщенія съ эскадрою вице-адмирала графа Гейдена, а 4 прибылъ фельдъегерь отъ главнокомандующаго съ извѣстіемъ о заключеніи съ Турціею мира, подписаннаго 2 числа въ Адріанополѣ.

На другой день съ разсвѣтомъ главный командиръ объявилъ приказомъ по флоту о заключеніи мира и прекращеніи военныхъ дѣйствій, а бриги «Меркурій» и «Ганимедъ» посланы сообщить это извѣстіе всѣмъ нашимъ крейсерамъ.

Въ 11 часовъ отслужено молебствіе и произведенъ салютъ.

Чрезъ нѣсколько дней получено отъ главнокомандующаго увѣдомленіе, что, несмотря на мирныя условія, турецкія войска въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не только не отошли отъ прежняго своего положенія, но подвинулись впередъ и показываютъ намѣреніе пройдти мимо занятыхъ нами городовъ, а потому, какъ бы онъ ни желалъ сохранить дружественныя отношенія, но если начальники войскъ, послѣ его письменныхъ заявленій, не перемѣнятъ своихъ намѣреній, тогда придется останавливать ихъ силою. При этомъ графъ Дибичъ просилъ главнаго командира быть готовымъ содѣйствовать ему, еслибы обстоятельства заставили насъ снова прибѣгнуть къ оружію

и что послѣдующія событія могутъ указать идти ли флоту къ Босфору, или предпринять другую экспедицію.

Главный командиръ отвѣчалъ, что хотя онъ уже сдѣлалъ распоряженіе о возвращеніи флота и два корабля отправилъ съ больными и запасными орудіями, но остальныя суда находятся въ готовности начать военныя дѣйствія. Но такъ какъ наступленіе осеннихъ бурь можетъ помѣшать свозить десантъ и штурмовать укрѣпленія, то *нѣтъ другаго средства болѣе вѣрнаго, какъ атаковать непріятеля въ самомъ Буюкдере и потомъ обратиться на столицу; и если эта мысль соотвѣтствуетъ видамъ главнокомандующаго, то онъ проситъ отдѣлить на флотъ одну бригаду въ полномъ составѣ, надежную и привыкшую къ военнымъ дѣйствіямъ, для овладѣнія батареями и укрѣпленіями на европейскомъ берегу.*

Главнокомандующій на это предложеніе заявилъ надежду, что миръ не будетъ нарушенъ, но самоуправство нѣкоторыхъ пашей, въ особенности Мустафы-Скодрскаго, не позволятъ быть совершенно спокойными, по крайней мѣрѣ до половины октября. Соглашаясь съ мнѣніемъ адмирала, что частныя покушенія на береговые пункты не могутъ соотвѣтствовать опасностямъ, съ ними сопряженнымъ, ни доставлять пользы, графъ Дибичъ согласился, что, въ случаѣ открытія вновь военныхъ дѣйствій, общею цѣлью арміи и флота долженъ быть Константинополь, и что въ такомъ случаѣ въ распоряженіе главнаго командира будетъ отдѣлена значительная часть войска не только для овладѣнія Буюкдере и всѣми укрѣпленіями европейскаго берега пролива, но и для высадки на азіатскій берегъ.

7 октября главный командиръ получилъ Высочайшее повелѣніе о возвращеніи флота въ свои порты съ тѣмъ, чтобы, по сношенію съ главнокомандующимъ, былъ оставленъ достаточный отрядъ нашихъ судовъ при берегахъ Румеліи.

Сдѣлавъ распоряженіе относительно судовъ, которыя должны остаться подъ начальствомъ контръ-адмирала Скаловскаго, главный командиръ сообщилъ объ этомъ графу Дибичу (получившему титулъ Забалканскаго и возведеному въ званіе фельдмаршала) и вмѣстѣ испрашивалъ разрѣшенія, можетъ

ли флотъ оставить въ настоящее время берега Румеліи. на что 11 числа получилъ его согласіе.

13 числа флотъ изъ 4 кораблей и 1 фрегата послѣдній разъ снялся съ якоря съ Сизопольскаго рейда, 17 вошелъ въ Севастополь, гдѣ былъ спущенъ флагъ адмирала, который 19 отправился въ Николаевъ.

Въ теченіе кампаніи 1829 г., пріобрѣтено флотомъ 79 орудій, взято 16 судовъ истреблено крейсерами: въ Пендераклiи корабль, транспортъ и 15 судовъ, въ Акчесарѣ корветъ и въ разныхъ мѣстахъ еще 15.

Къ числу тѣхъ орудій, которыя были дарованы Севастополю и Николаеву въ прошедшую осаду изъ крѣпостей *Анапы*, *Варны*, *Инады и Сизополя*, Всемилостивѣйше разрѣшено получить еще по одному орудію изъ взятыхъ въ 1829 году въ *Мисемврiи Ахіоло*, *Агатополѣ*, *Инадѣ* и *Мидіи*.

Приступая къ заключенію описанія военныхъ дѣйствій черноморскаго флота въ кампанію 1829 г., я начну съ того, что приведу мнѣніе, отъ слова до слова, адмирала Мелихова, бывшаго начальникомъ штаба на флотѣ.

«Безуспѣшность поисковъ за турецкимъ флотомъ можетъ съ перваго взгляда быть приписана недостатку дѣятельности, но безпристрастное изслѣдованіе всѣхъ обстоятельствъ докажетъ, что причина, по которой мы ни одного раза не были въ состояніи встрѣтиться съ непріятелемъ въ морѣ, заключалась въ одномъ изумительно-благопріятномъ для турокъ стеченіи обстоятельствъ, что тутъ не было ничего, кромѣ счастія, противъ котораго безсильны и искусство и опытность.

Прежде чѣмъ приступимъ къ объясненію движеній обоихъ флотовъ, мы считаемъ нужнымъ пояснить причину, заставлявшую главнаго командира находиться болѣе въ Сизополѣ на якорѣ, нежели въ морѣ подъ парусами.

Главнѣйшая обязанность, лежавшая на флотѣ до самаго перехода войскъ за Балканы, состояла въ оборонѣ Сизополя, потеря котораго могла имѣть самое пагубное вліяніе на весь ходъ кампаніи, и который, до вступленія арміи въ Румелію, находился постоянно въ опасности. Имѣя въ сборѣ въ

окрестностяхъ Сизополя корпусъ въ числѣ 10 тысячъ человѣкъ, непріятель непрерывно угрожалъ этому пункту и былъ удерживаемъ отъ нападенія только присутствіемъ нашего флота; это подтверждалось единогласно и переметчиками и свѣдѣніями, секретно получаемыми. Оставь адмиралъ Сизополь на нѣсколько продолжительное время, городъ былъ бы атакованъ непремѣнно, и если бы при этомъ случаѣ удалось турецкому флоту подойдти къ Сизополю въ отсутствіе наше, тогда успѣхъ атаки былъ-бы дѣломъ несомнѣннымъ, по совершенно открытому положенію сего города со стороны моря. Атакованныя съ одной стороны турецкимъ корпусомъ, котораго предпріимчивость была бы возбуждена присутствіемъ ихъ флота, и поражаемыя съ другой стороны, артиллеріею непріятельскихъ судовъ, которая въ состояніи была сравнять городъ съ землею, войска наши, при всей испытанной ихъ храбрости, были бы доведены въ нѣсколько часовъ до самаго отчаяннаго положенія. Кромѣ потери города, мы, съ паденіемъ его, теряли всѣ собранные въ въ немъ запасы и всѣ суда, которыя могли находиться въ это время въ портѣ. Пребываніе въ Сизополѣ не представляло никакого особеннаго удовольствія, и адмиралъ Грейгъ не былъ охотникъ до якорныхъ стоянокъ, но единственно великая отвѣтственность, лежавшая на немъ за безопасность города и совершенная увѣренность, что только присутствіе флота можетъ сохранить этотъ пунктъ за нами, были причиною, удерживавшею насъ при Сизополѣ, положеніе котораго тѣмъ болѣе возбуждало опасеніе, что болѣзни и смертность постоянно ослабляли силу его гарнизона; состоя въ половинѣ апрѣля изъ четырехъ тысячъ, онъ въ началѣ іюня имѣлъ подъ ружьемъ уже не болѣе 2500 человѣкъ.

Переходя за симъ къ дѣйствіямъ флотовъ нашего и турецкаго, мы не станемъ останавливаться на выходахъ небольшихъ отрядовъ непріятеля изъ Босфора, которые не удалялись отъ берега далѣе 5 или 6 миль и, пользуясь сильнымъ благопріятствующимъ имъ теченіемъ, могли укрыться въ проливѣ во всякое время, даже и при противномъ вѣтрѣ.

Отрѣзать эти отряды отъ берега было дѣломъ невозможнымъ.

Извѣстіе о первомъ появленіи въ морѣ турецкаго флота, было доставлено бригомъ «Орфей,» прибывшимъ въ Сизополь 26 апрѣля: командиръ брига донесъ, что 23 числа, находясь вмѣстѣ съ фрегатомъ «Штандартъ» передъ проливомъ, они видѣли какъ выходилъ изъ него турецкій флотъ. Вслѣдствіе этого извѣстія главный командиръ выступилъ немедленно изъ Сизополя и на всѣхъ парусахъ пустился къ Босфору. На другой день былъ полученъ рапортъ, отдѣленнаго предъ тѣмъ къ проливу съ двумя кораблями, капитана 1 ранга Скаловскаго, что, приблизившись 24 числа къ Босфору, онъ не нашелъ предъ нимъ никакихъ непріятельскихъ судовъ. Фрегатъ «Флора», посланный въ тотъ же день для осмотра пролива, по возвращеніи увѣдомилъ, что весь турецкій флотъ расположенъ на якорѣ у Буюкдере. Эти донесенія удостовѣрили адмирала, что если турецкій флотъ и выходилъ 23 числа въ море, то не болѣе какъ только на нѣсколько часовъ.

Видя изъ рапорта Скаловскаго, что онъ взялъ направленіе къ Пендераклiи, и разсчитывая, что, можетъ статься, онъ увелъ съ собою и фрегаты, предъ проливомъ находившіеся, главный командиръ отправилъ 27 апрѣля бригъ «Ганимедъ» для наблюденія за непріятелемъ.

Вечеромъ 7 мая «Ганимедъ» прибылъ въ Сизополь съ извѣстіемъ, что непріятельскій отрядъ, состоящій изъ одного корабля, одного фрегата и одного брига, вышелъ наканунѣ изъ Босфора и гнался за бригомъ «Ганимедъ» въ продолженіи двухъ часовъ. Адмиралъ, обезпеченный положеніемъ при берегахъ непріятельскихъ, отряда капитана 1 ранга Скаловскаго, который по разсчету времени, надобно было полагать у Босфора, не счелъ нужнымъ отдѣлять особыхъ крейсеровъ для надзора за непріятелемъ, потому болѣе, что присутствіе при флотѣ малыхъ судовъ было необходимо для приготовлявшейся въ это время противу Агатополя экспедиціи.

11 мая Скаловскій прибылъ съ отрядомъ въ Сизополь и на другой день были посланы къ проливу фрегатъ «Штандартъ», бриги «Орфей» и «Меркурій», которые на пути къ мѣсту своего назначенія сошлись утромъ 14 числа съ турецкимъ флотомъ, шедшимъ отъ береговъ Анатоліи.

Извѣстившись, по всей вѣроятности, о дѣйствіяхъ Скаловскаго въ Пендеракліи и Акчесарѣ, непріятель, въ намѣреніи напасть на отрядъ нашъ, выступилъ 8 числа изъ пролива и взялъ направленіе къ Пендеракліи. Въ этотъ день до 6 часовъ вечера, поджидая изъ Акчесара фрегатъ «Поспѣшный» и бригъ «Мингрелія», Скаловскій находился у мѣстечка Шили (*); казалось, что встрѣча съ нимъ турокъ была неизбѣжна, но случай, благопріятствовавшій непріятелю, расположилъ иначе: турецкій флотъ не только разошелся съ нашимъ отрядомъ, но, прибывъ въ Пендераклію, нашелъ тамъ фрегатъ «Рафаилъ», котораго не было никакого повода полагать въ этомъ мѣстѣ.

Встрѣться нашъ отрядъ съ турецкимъ флотомъ, послѣдствія были бы иныя. Хотя непріятель далеко превосходилъ силу отряда капитана 1 ранга Скаловскаго, но по дознанной храбрости этого всѣми уважаемаго офицера, можно было разсчитывать навѣрное, что онъ вступитъ въ самый отчаянный бой съ турками, и еслибы ему не удалось пріобрѣсти надъ нимъ поверхность, то по крайней мѣрѣ онъ задержалъ бы ихъ въ морѣ и далъ средство адмиралу прибыть съ остальными судами, для окончательнаго истребленія непріятельскаго флота. Не оставь бригъ «Ганимедъ» поста своего при Босфорѣ для донесенія о выходѣ изъ пролива только трехъ непріятельскихъ судовъ, послѣдствія были бы тѣ же самыя и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не произошло бы несчастнаго столкновенія фрегата «Рафаилъ» съ турецкимъ флотомъ.

(*) Мѣстечко Шили, расположено на анатолійскомъ берегу, въ разстояніи около 20 миль отъ Босфора.

Счастіе продолжало и послѣ этого слѣпо покровительствовать туркамъ. Избавивъ ихъ отъ встрѣчи съ нашимъ флотомъ и отрядомъ Скаловскаго, и бросивъ, такъ сказать, въ ихъ руки фрегатъ «Рафаилъ», оно дало имъ потомъ возможность переплыть въ одинъ день сто миль, отдѣляющихъ Пендераклію отъ Босфора, на что, при другихъ обстоятельствахъ, могло потребоваться пять или шесть дней, и, по приближеніи къ берегамъ Румеліи, 14 мая, встрѣтить небольшой отрядъ нашъ, состоявшій изъ одного фрегата и двухъ бриговъ, шедшихъ къ Босфору для крейсерства. Могли ли обстоятельства расположиться болѣе выгоднѣйшимъ образомъ и не были ли турки въ правѣ считать встрѣченныя ими суда такими же вѣрными призами, какимъ былъ «Рафаилъ»? но въ этотъ разъ имъ суждено было жестоко ошибиться въ своихъ ожиданіяхъ. Догнанный ими бригъ «Меркурій», котораго вся оборона заключалась въ 18 карронадахъ, смѣло и рѣшительно вступилъ въ бой съ двумя непріятельскими кораблями, имѣвшими около 200 орудій большаго калибра и состоявшими подъ управленіемъ главныхъ своихъ адмираловъ. Предпочитая явную смерть безчестію плѣна, командиръ брига съ твердостью выдержалъ трехчасовое сраженіе съ своими исполинскими противниками и, наконецъ, заставилъ ихъ удалиться. Пораженіе турокъ въ нравственномъ отношеніи было полное и совершенное. Въ подвигѣ брига «Меркурій» проявился вполнѣ духъ, господствовавшій между всѣми чинами флота.

Погоня за бригомъ «Меркурій» далеко отвлекла турокъ отъ Босфора; несмотря на это, однако, и на поспѣшное выступленіе нашего флота изъ Сизополя 15 мая, непріятель не только не былъ догнанъ, но даже и усмотрѣнъ передовыми судами флота.

Если бы наши крейсеры успѣли приблизиться къ проливу нѣсколькими часами прежде турокъ, то адмиралъ былъ бы извѣщенъ ими гораздо ранѣе, что турецкаго флота нѣтъ въ Босфорѣ, и тогда погоня за бригомъ «Меркурій» привела бы непріятеля прямо на встрѣчу нашего флота.

26 мая турецкій флотъ вновь вышелъ изъ пролива и, преслѣдуя фрегатъ «Флора», доходилъ до Инады, но потомъ поворотилъ къ Босфору, куда и вошелъ 29 числа. Извѣстіе о появленіи въ морѣ турокъ; дошло въ Сизополь 28 числа но такъ какъ въ это время мы ожидали каждый часъ нападенія на городъ отъ расположенныхъ предъ нимъ войскъ непріятельскихъ, то адмиралъ считалъ себя не въ правѣ оставить Сизополь безъ особенной крайней необходимости и совершенной увѣренности въ возможности встрѣтиться съ турецкимъ флотомъ, для наблюденія за которымъ и былъ отправленъ къ Босфору фрегатъ «Поспѣшный».

Вскорѣ за симъ получено донесеніе о новомъ выступленіи турецкаго флота. Оставивъ проливъ 31 мая, непріятель въ продолженіи 1 и 2 іюня гнался постоянно за наблюдавшимъ за нимъ бригомъ «Орфей» и прекратилъ преслѣдованіе только въ 10 миляхъ отъ Сизополя. Въ 7 часовъ пополудни 2 числа фрегатъ «Поспѣшный», только что вышедшій изъ Сизополя, передавъ сигналомъ извѣстіе о непріятелѣ, пустился подъ всѣми парусами на соединеніе съ бригомъ «Орфей», находившимся въ виду передовыхъ кораблей турецкаго флота; въ 11 часовъ отправлены къ бригу корабль «Пименъ», фрегаты «Флора» и «Штандартъ», а въ полночь и весь флотъ снялся съ якоря; несмотря, однако, на всю поспѣшность и на попутный вѣтеръ, не только суда, бывшія съ адмираломъ и предъ нимъ выступившія изъ Сизополя, но даже фрегатъ «Поспѣшный», не могли догнать турецкаго флота. Фрегатъ «Флора», постоянно слѣдовавшій за нимъ, увидѣлъ его только въ ту минуту, когда онъ входилъ въ Босфоръ утромъ 4 числа. Находясь въ ночь съ 2 на 3 іюня, въ разстояніи болѣе 80 миль отъ пролива, турки, спустя 28 часовъ, были уже подъ защитою своихъ батарей въ безопасности отъ всякой погони. Промедли передовые корабли ихъ часа два или три у мыса Зайтана, они были бы непремѣнно догнаны, но непріятелю удалось взять обратное направленіе, именно въ самую благопріятную для него минуту.

Это былъ послѣдній выходъ турецкаго флота; послѣ 4 іюня онъ не оставлялъ уже Босфора.

Изложенные выше доводы положительно доказываютъ, что только одно необыкновенное стеченіе самыхъ благопріятныхъ для турокъ обстоятельствъ, было въ состояніи лишить насъ средства встрѣтиться съ ихъ флотомъ; и вѣтры и погода какъ-будто располагались по волѣ непріятеля; куда бы ни пошелъ онъ, ему всегда сопутствовали вѣтры, между тѣмъ какъ мы и наши крейсеры испытывали почти постоянно противное. Избавляя непріятелей отъ встрѣчи съ нашимъ флотомъ и даже съ отрядомъ, который въ состояніи былъ остановить ихъ, счастіе какъ будто нарочно посылало въ руки турокъ нашихъ отдѣльныхъ крейсеровъ. Ко всему этому надлежитъ присовокупить еще одно, много содѣйствовавшее непріятелю, обстоятельство. О движеніяхъ его мы могли знать только черезъ крейсеровъ при Босфорѣ, но они не всегда могли оставлять посты свои и при противныхъ вѣтрахъ не скоро достигали до Сизополя, тогда какъ всѣ наши дѣйствія по открытому положенію Сизопольскаго рейда, для большой части прибрежья Фарасскаго залива, совершались предъ самыми глазами турокъ и, слѣдовательно были передаваемы въ Константинополь въ то же самое время; наконецъ нельзя ручаться и за то, чтобы въ самомъ Сизополѣ не было агентовъ турецкихъ.

Если счастіе, покровительствовавшее непріятелю, и заставило насъ испытать неудачу въ отношеніи встрѣчи съ нимъ въ морѣ, за то всѣ прочія дѣйствія флота были постоянно успѣшны, а нѣкоторыя изъ нихъ блистательны во всей силѣ слова».

Мнѣніе это высказывалось въ 1850 году, слѣдовательно послѣ смерти адмирала Грейга,—высказанное съ полною откровенностью, начальникомъ штаба, который имѣлъ всѣ средства слѣдить и провѣрять ходъ военныхъ дѣйствій и, наконецъ, человѣкомъ, который, какъ, вѣроятно, извѣстно многимъ изъ читателей, находился не въ дружественномъ своему през-

нему начальнику, лагерь—въ нашихъ глазахъ имѣетъ полную силу и значеніе.

Но, оставивъ частное мнѣніе, перейдемъ къ фактамъ и постараемся въ изученіи ихъ, въ практической оцѣнкѣ, найдти еще болѣе убѣдительные доводы.

Главное назначеніе черноморскаго флота, указанное ему Государемъ Императоромъ, о чемъ мы уже не разъ говорили, состояло въ истребленіи турецкаго флота, слѣдовательно понятно, что общественное мнѣніе во время войны и по окончаніи ея возставало, почему непріятельскій флотъ, осмѣлившійся 4 раза выходить въ море, не былъ атакованъ *нашимъ* флотомъ. Мнѣніе это еще сильнѣе стало себя заявлять вслѣдствіе взятія «Рафаила», которому хотя черезъ 2 дня наслѣдовалъ бой «Меркурія», но оскорбленное національное чувство нелегко можетъ быть удовлетворено. Оно трепетно ожидало извѣстія объ истребленіи *всего турецкаго флота*, который имѣлъ такой легкій, такой неожиданный успѣхъ.

Мы только что прочли счастливые шансы для одного флота и неудачные для другаго, но, отрѣшаясь отъ нихъ, невольно придемъ къ заключенію, что почему то русскій флотъ не искалъ этого столкновенія, не употреблялъ всѣхъ усилій къ достиженію этой цѣли, несмотря на свой долгъ передъ отечествомъ, на волю Царя, на кликъ соотечественниковъ. Отвѣтъ на подобное предположеніе надобно будетъ искать въ малодушіи, трусости, неувѣренности въ себѣ, въ недостаточности энергіи адмираловъ и капитановъ, въ незнаніи управляться судами или, наконецъ, въ отсутствіи мужества ихъ главнаго вождя.

Но кто осмѣлится бросить камень въ тѣхъ людей, которые оставили за собою такіе отважные, геройскіе и даже безпримѣрные подвиги? Неужели съ тѣми людьми, которые въ траншеяхъ и на осадныхъ батареяхъ Анапы и Варны заслужили такое высокое мнѣніе всей арміи! Неужели съ тѣми командами, которыя вырѣзали флотиліи изъ подъ самой крѣпости, штурмовали Инаду, Агатополь, брали Сизополь, Мидію, Ахіоло, дрались на «Меркуріѣ», жгли суда у самаго пролива, подходили съ кораблями подъ стѣны крѣпо-

стей на картечный выстрѣлъ, можетъ найдтись военачальникъ, который затруднится вести ихъ въ дѣло? Нѣтъ, твердо, положительно отвѣчаю, такого нѣтъ и быть не можетъ. Умереть одинаково какъ на берегу, такъ и въ морѣ; но моряку пріятнѣе, отраднѣе ждать себѣ славы въ морскомъ бою. Адмиралъ Грейгъ ясно видѣлъ что 13-лѣтніе его труды преобразованія флота принесли обильный результатъ въ кампанію 1828 года, а потому, конечно, былъ убѣжденъ, что въ 1829 году, уже испытанныя въ военныхъ дѣйствіяхъ команды, воодушевленныя милостями и особеннымъ вниманіемъ своего Монарха, при первой встрѣчѣ съ непріятелемъ, доставятъ ему легкую, вѣрную и полную побѣду. Наконецъ, это убѣжденіе пріобрѣтало такую полную достовѣрность послѣ дѣла «Меркурія» съ двумя вѣроятно лучшими адмиральскими кораблями, въ виду всего остальнаго флота, изъ котораго не нашлось ни одного корвета или, пожалуй фрегата помѣряться съ русскимъ бригомъ. Отрядивъ Скаловскаго съ 2 кораблями, 1 фрегатомъ и 3 бригами, адмиралъ былъ увѣренъ, что могущая быть встрѣча со всѣмъ непріятельскимъ флотомъ не можетъ не порѣшиться побѣдою: иначе конечно, онъ не рискнулъ бы отправить эту парусную эскадру за *200 миль*, такъ какъ отвѣтственность оставалась на немъ. Принявъ все сказанное во вниманіе, какъ ему не искать случая встрѣчи всѣми своими силами противъ слабѣйшаго и неспособнѣйшаго врага? У насъ было 9 кораблей и 5 фрегатовъ, а турки имѣли только 6 кораблей и 3 фрегата. Допустить противное, значитъ положительно отказаться отъ здраваго смысла, позабыть всю его служебную карьеру: гельдерскій бой, тенедосскій штурмъ, сраженіе у Дарданеллъ, битву у Аѳонской горы, блокаду Данцига, осаду Анапы и Варны, однимъ словомъ, забыть кто такой былъ адмиралъ Грейгъ и то неограниченное довѣріе, которое онъ имѣлъ въ мнѣніи Государя Императора, и то высокое уваженіе къ уму, познаніямъ, мужеству, которымъ онъ пользовался въ глазахъ военачальниковъ графовъ Витгенштейна и Дибича, столь ясно высказанныхъ въ ихъ письмахъ и, наконецъ, ту сердечную любовь и почтеніе, которыя къ нему питали

его подчиненные до гробовой доски. Здѣсь кстати я приведу нѣсколько словъ изъ письма адмирала Колтовскаго за мѣсяцъ до его смерти послѣдовавшей въ апрѣлѣ 1872 года. Имя достойнѣйшаго Егора Ивановича часто встрѣчалось въ описаніи военныхъ дѣйствій какъ одного изъ самыхъ отважнѣйшихъ командировъ (брига «Орфей» и фрегата «Поспѣшный»).

«Когда то я имѣлъ счастіе и честь служить подъ руководствомъ незабвеннаго для нашего флота адмирала Грейга, отъ котораго я былъ удостоенъ особеннымъ вниманіемъ за различные подвиги моей боевой жизни Царю и Отечеству.

Трудно объяснить мою радость, когда я узналъ о составленіи біографіи покойнаго адмирала.

Нѣтъ того сослуживца, который бы могъ изложить всѣ его заслуги, а равно и глубокія его познанія по всѣмъ частямъ наукъ, не говоря уже до моря касающихся. Онъ былъ первѣйшій своего времени мореходецъ, учитель всего черноморскаго флота, которымъ онъ управлялъ и постановилъ его на высокую точку. Кто бы ни взялся составить біографію Алексѣя Самойловича, все она окажется неполною и недостаточною. Даже по смерти его не совсѣмъ погибла зависть: онъ имѣлъ при жизни и послѣ смерти много враговъ, старавшихся повредить эпохѣ его славной жизни. Но все истребляющее время истребитъ зависть и недоброжелателей и тогда настанетъ время, когда славный, умный зодчій можетъ выработать изъ готовыхъ матеріаловъ съ пламеннымъ сердцемъ, чувствомъ и душою—памятникъ, столь желаемый всѣми черноморцами того времени.

Время укажетъ настоящее его мѣсто и то мѣсто, гдѣ жилъ человѣкъ, сдѣлавшій столько добра, пользы, благодѣянія, осчастливя своихъ подчиненныхъ».

Подобныя мысли и чувства могутъ возбуждать только высоконравственныя свѣтлыя личности.

Поэтому мы приведены къ необходимости признать, что невыполненіе главнѣйшаго назначенія—сразиться съ флотомъ турецкимъ, должно было произойдти отъ стеченія, для сего послѣдняго, обстоятельствъ замѣчательно счастливыхъ, а главное,

отъ нежеланія турокъ принять бой. Выходы турецкаго флота были демонстративны и имѣли цѣлью отвлечь флотъ отъ Сизополя, чтобы дать возможность сухопутнымъ войскамъ атаковать нашъ гарнизонъ, охраненіе котораго было чрезвычайно важно до перехода нашей арміи черезъ Балканы.

Взявшись ходатайствовать предъ Государемъ Императоромъ о пользѣ предложенія контръ-адмирала Кумани, занять Сизополь, а потомъ образовавъ въ немъ депо провизіи, матеріаловъ, устроивъ лазаретъ, мастерскія, карантинъ, главный командиръ заботливо охранялъ его, не считая себя въ правѣ оставить его на произволъ собственныхъ его средствъ, когда видѣлъ, что турецкій флотъ только показывается, съ тѣмъ чтобы при первой возможности бѣжать въ проливъ, а на берегу каждый часъ ожидали нападенія. Эта мысль подтверждается еще тѣмъ, что послѣ перехода черезъ Балканы флотъ уже ни разу не выходилъ изъ пролива, потому что тогда занятіе Сизополя не имѣло уже той важности для нихъ, а потому, повторяю, что выходы его въ Черное море были не болѣе какъ демонстраціи.

Впослѣдствіи адмиралъ, успокоясь на счетъ Сизополя, держался у Босфора и потомъ сдѣлалъ, какъ мы видѣли, предложеніе сжечь флотъ брандерами или идти прямо въ Константинополь, чтобы тамъ найдти доступъ къ флоту, но окончаніе войны остановило это предположеніе его, вполнѣ согласное съ мнѣніемъ и графа Дибича Забалканскаго.

Оканчивая нашъ обзоръ кампаніи, мы не можемъ не сказать, что если плѣненіе «Рафаила» должно было отозваться тяжелымъ, болѣзненнымъ чувствомъ, то бой «Меркурія» записалъ въ лѣтопись русскаго флота такой подвигъ, которому примѣра нѣтъ во всей исторіи флотовъ. Переходя изъ устъ въ уста, отъ поколѣнія къ поколѣнію, онъ будетъ составлять ту народную славу, ту народную гордость, которая никогда не умираетъ въ памяти сердецъ признательнаго потомства.

Нельзя не отдать полной справедливости и крейсерамъ нашимъ, которые въ теченіе цѣлаго года, несмотря на бурное

время, не отходили отъ пролива и съ такою настойчивостью зорко слѣдили за всѣмъ въ немъ происходившимъ.

Въ заключеніе приведемъ слова адмирала Мелихова, какъ уже было сказано по нашему мнѣнію весьма компетентнаго и безпристрастнаго судьи:

«Совершенство, въ которомъ явился черноморскій флотъ по окончаніи войны, заслуживаетъ также особеннаго вниманія. Сравнивая дѣйствія его въ продолженіе кампаніи 1806—1812 г. съ подвигами, которые были совершены въ продолженіи послѣдней войны, едва можно повѣрить, чтобы они принадлежали одному и тому же флоту—такъ велико различіе между ними! Въ прежнее время существованіе черноморскаго флота едва было замѣтно, теперь же оно оказываетъ рѣшительное вліяніе на важнѣйшія дѣйствія и на успѣхъ войны.

Доведеніе флота до того положенія, въ какомъ всѣ видѣли его въ 1828 и 1829 годахъ, принадлежитъ, безспорно, покойному адмиралу Алексѣю Самойловичу Грейгу. *Онъ былъ, въ истинномъ смыслѣ слова, его преобразователемъ: ему обязанъ флотъ приведеніемъ въ совершенный порядокъ своихъ матеріальныхъ средствъ, а офицеры любовію къ службѣ и пламеннымъ усердіемъ въ исполненіи своихъ обязанностей*». Нѣсколько далѣе:

«Самоотверженіе въ опасности и предпріимчивость, одушевлявшія морскихъ чиновъ въ продолженіе послѣдней турецкой войны, останутся навсегда достойными удивленія».

Слѣдующіе Высочайшіе Указы послужатъ убѣдительнымъ, неопровержимымъ доказательствомъ какъ Государь Императоръ цѣнилъ заслуги флота.

28 сентября 1829 г.

«Обращая Монаршее вниманіе на заслуги, отечеству флотомъ оказанныя и на подвиги въ битвѣ наваринской и въ Архипелагѣ, при покореніи Анапы, при содѣйствіи въ осадахъ Варны и Дунайскихъ крѣпостей и при завоеваніи Сизополя и береговъ Румеліи, мнѣ пріятно въ сей день торжественнаго празднованія, полезнаго для подданныхъ и единовѣрцевъ нашихъ мира, изъявить особенную признательность

«флагманамъ и капитанамъ, въ войнѣ сей эскадрами, отдѣльными частями и судами начальствовавшимъ, равномѣрно совершенную благодарность офицерамъ, дѣйствовавшимъ подъ ихъ командою противъ непріятеля и постановить въ пользу нижнихъ чиновъ слѣдующее:

1) Нижнимъ чинамъ, выслужившимъ безпорочно по сей день въ Гвардейскомъ экипажѣ 20 лѣтъ, въ линейныхъ, ластовыхъ, рабочихъ экипажахъ и въ артилерійской бригадѣ и каспійской ротѣ 22 года, уволить въ отставку на законномъ основаніи за выслугу лѣтъ.

2) Тѣмъ изъ нихъ, кои, не пользуясь отставкой, пожелаютъ нынѣ продолжать службу, производить двойной окладъ жалованья независимо отъ прибавочнаго, положеннаго прежними постановленіями нижнимъ чинамъ, добровольно оставшимся на службѣ сверхъ узаконеннаго срока.

3) Прослужившимъ 5 лѣтъ на семъ основаніи, получаемые оклады жалованья удвоить и одну половину всего обратить въ пожизненную пенсію при выходѣ въ отставку но если отставка послѣдуетъ по дѣйствительной болѣзни или увѣчью, а не по другой причинѣ, то обращать сей полный увеличенный окладъ на содержаніе по смерть.

4) Вышеупомянутые оклады производить независимо отъ пансіоновъ, которые кто получаетъ на знакъ отличія военнаго ордена и Св. Анны и по другимъ особеннымъ случаямъ».

1-го октября 1829 г

«Войскамъ арміи, Отдѣльнаго Кавказскаго корпуса и дѣйствовавшимъ эскадрамъ балтійскаго и черноморскаго Флотовъ.»

«Благословеніемъ Всевышняго окончена брань, въ коей вы покрылися незабвенною новою славою и трудами вашими Россія торжествуетъ миръ достославный!

Въ двухъ странахъ свѣта неумолкно раздавался громъ побѣдъ вашихъ; многочисленный упорный врагъ сокрушенъ повсюду и пала предъ вами вѣковая слава неприступныхъ твердынь, до появленія вашего не знавшихъ побѣдителей. Смѣлой стопою переносились вы черезъ хребты горъ непро-

ходимыхъ и, поражая врага въ неприступнѣйшихъ его убѣжищахъ, у вратъ Константинополя принудили его, къ торжественному сознанію, что мужеству вашему противустать онъ не въ силахъ. Столько же вы отличали себя кроткимъ обращеніемъ съ побѣжденными, дружелюбнымъ охраненіемъ мирныхъ жителей въ покоренныхъ областяхъ, постояннымъ соблюденіемъ самаго примѣрнаго воинскаго порядка и подчиненности и строгимъ исполненіемъ всѣхъ вашихъ обязанностей, вы истинно достойны имени русскихъ воиновъ.

Въ ознаменованіе такихъ заслугъ вашихъ престолу и отечеству, повелѣваемъ носить всѣмъ, участвовавшимъ въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ турокъ въ 1828 и 1829 годахъ, установленную мною особую медаль за турецкую войну на лентѣ ордена св. Великомученика Побѣдоносца Георгія.

Да будетъ знакъ сей памятникомъ вашей славы и моей къ вамъ признательности, да послужитъ онъ залогомъ и будущей вѣрной вашей службы».

7 октября 1829 г. адмиралъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

«Алексѣй Самойловичъ! во вниманіе къ отлично усердной службѣ вашей и къ трудамъ, понесеннымъ вами въ минувшую войну противъ Оттоманской Порты, жалую вамъ вензелевое изображеніе моего имени на эполеты. Мнѣ пріятно при этомъ случаѣ *удостовѣрить васъ, что заслуги ваши пріобрѣли вамъ право на всегдашнюю мою благосклонность*».

Наконецъ, въ 1838 г., при открытіи тріумфальныхъ воротъ въ С.-Петербургѣ Государь Императоръ вновь изволилъ изъявить свою признательность *за вѣрную службу и мужество адмираламъ, штабъ и оберъ-офицерамъ и нижнимъ чинамъ флота*, участвовавшимъ въ послѣдней турецкой кампаніи, равно какъ и тѣмъ, которые были въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ персіянъ на водахъ каспійскихъ.

Много было трудовъ и занятій для главнаго командира по окончаніи войны и послѣ такого продолжительнаго отсутствія изъ Николаева, какъ вдругъ извѣстіе о чумѣ открывшейся въ Севастополѣ и потомъ происшедшій бунтъ въ немъ должны были привлечь все его вниманіе. Возникла обширная переписка между адмираломъ Грейгомъ и графомъ Воронцо-

вымъ, бывшимъ Новороссійскимъ и Бессарабскимъ генералъ-губернаторомъ, и различіе ихъ взглядовъ на мѣры пресѣченія заразы, которыя принимались карантинными, медицинскими и полицейскими чиновниками, породили сначала охлажденіе между этими старыми друзьями; а когда, вслѣдствіе притѣсненій, произошелъ бунтъ, то холодность перешла въ ссору, которая, впрочемъ, не долго продолжалась.

Причина бунта, по существующимъ въ архивѣ документамъ и всей многосложной перепискѣ, возникшей по этому вопросу разъясняются нижеслѣдующимъ изложеніемъ, составленнымъ въ 1830 году.

«Городъ былъ оцѣпленъ въ іюнѣ мѣсяцѣ 1829 года, когда не было еще ни малѣйшихъ признаковъ чумы, которая въ первый разъ появилась только въ октябрѣ того же года въ карантинѣ. Причиною оцѣпленія было опасеніе, дабы отъ приходившихъ во время войны кораблей не распространилась чума, которая легко могла быть завезена ими. Опасеніе справедливое. Но для этого слѣдовало бы, просто, не допускать никакого сообщенія между приходившими экипажами и городомъ, или по крайней мѣрѣ сдѣлать оное безопаснымъ, принявъ должныя предосторожности, вмѣсто того, чтобы оцѣпивъ цѣлый городъ, отдать оный какъ бы на жертву чумѣ.

Но мѣра эта, т. е. оцѣпленіе всего города, оправдывалась тѣмъ, что корабли, въ военное время приходившіе, требовали скораго отправленія по вооруженію своему и полученію всего имъ нужнаго, почему и сообщенію ихъ нельзя было положить препоны.

Но въ октябрѣ мѣсяцѣ, когда въ первый разъ появилась чума въ карантинѣ, войны уже не было, не было, слѣдственно, и препятствія къ пресѣченію всякихъ сношеній города съ кораблями. Чего было легче, какъ оцѣпить южную бухту и карантинъ, единственные источники, откуда могла выйдти чума. Тогда городъ находился бы внѣ всякой опасности; оцѣпленіе же кругомъ онаго, столь стѣснительное, было бы излишне. Къ тому же для самаго строгаго оцѣпленія бухты и карантина требовалось несравненно меньшее число людей нежели кругомъ города, гдѣ пространство не позволяло дер-

жать столь сильную цѣпь. Но этого не сдѣлали; все осталось попрежнему и чума, наконецъ, вкралась въ городъ, что случилось уже въ декабрѣ мѣсяцѣ. Слѣдственно пять мѣсяцевъ прошло отъ оцѣпленія города до появленіи въ немъ, наконецъ, заразы.

Легко представить можно, что подобныя распоряженія способствовали: во 1) къ поселенію во всѣхъ почти жителяхъ совершеннаго невѣрія къ существованію чумы (когда оная и появилась даже), и во 2) къ порожденію ропота на всѣ мѣры, казавшіяся имъ совершенно излишними и какъ бы выдуманными для ихъ стѣсненія.

Замѣтить надобно, что большая часть жителей снискивала себѣ пропитаніе поденными роботами въ окрестностяхъ города, чего принуждены были лишиться по причинѣ оцѣпленія. Но выше приведенныя обстоятельства, сколь ни тягостныя для жителей, порождали только неудовольствіе и ропотъ, но никогда не довели бы до совершеннаго возмущенія. Главною же причиною ожесточенія ихъ и бунта, были всякаго рода недостатки, которые претерпѣвали они въ водѣ, въ дровахъ, въ пищѣ—во всемъ, необходимѣйшемъ для существованія, какъ видно изъ собственныхъ ихъ показаній. Два слѣдующія обстоятельства уже достаточно объясняютъ какимъ образомъ пеклись о продовольствіи города: 1) мука, которая раздавалась жителямъ во время внутренняго оцѣпленія, часто до такой степени была испорчена, что они принуждены были кидать ее, или употреблять на кормъ скотинѣ и сами оставались голодными; 2) на продовольствіе города и на раздачу жителямъ назначена была весьма значительная сумма, но изъ сей суммы двѣ трети поступили на содержаніе карантинныхъ и медицинскихъ чиновниковъ, а остальное малое количество роздано было жителямъ.

И такъ, во время всеобщаго страданія, карантинные и медицинскіе чиновники находились въ избыткѣ. Получая значительныя суммы на разъѣзды и разныя потребности, они, кромѣ сихъ выгодъ, находили еще въ чумѣ средство къ достиженію разныхъ наградъ, а потому и не могли не желать ея продолженія.

Пользуясь слабостью мѣстнаго начальства, нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались истинными бичами города; часто обращаясь съ жителями жестоко и вездѣ находя чуму. Всякаго больнаго признавали за чумнаго: умершихъ же съ одра смерти тащили мортусы и часто самымъ отвратительнымъ образомъ.

Все это не могло, наконецъ, не привести къ ожесточенію жителей, и безъ того уже роптавшихъ противъ стѣснительныхъ мѣръ. И вотъ главная причина возмущенія. Вышеприведенныя обстоятельства вполнѣ объясняютъ также ненависть жетелей къ карантиннымъ и медицинскимъ чиновникамъ, противъ коихъ устремлены были всѣ злыя намѣренія ихъ.

Поводомъ къ бунту, какъ извѣстно, послужила смерть одной женщины въ Корабельной слободкѣ, которую медики признавали за чумную и требовали возобновленія въ сей части города всѣхъ карантинныхъ строгостей, начинавшихъ было уменьшаться, отчего жители пришли въ неповиновеніе и взбунтовались.

Но достойно примѣчанія, что къ женщинѣ сей, которую медики выдавали за чумную, вся толпа почти прикасалась и даже на нѣсколько часовъ привязанъ былъ къ ней лекарь Шрамковъ, но никто изъ прикасавшихся, ни лекарь, ни жители слободки не зачумѣли. Мало того, когда чума оказалась уже въ разныхъ частяхъ города, Корабельная слободка не начала еще подвергаться оной (*).

Матросы имѣли еще особенную причину къ негодованію: карантинное положеніе города заставило ихъ лишиться многихъ выгодъ, коими пользовались, снискивая въ свободное время вольныя работы.

При начатіи возмущенія, когда надлежало прибѣгнуть къ мѣрамъ рѣшительнымъ, мѣстное начальство показало слабость непостижимую и вполнѣ объясняющую, почему бунтъ могъ приведенъ быть въ дѣйствіе и имѣть столь гибельныя послѣдствія.

(*) Примѣчательно и то, что изъ числа всѣхъ арестантовъ, собранныхъ изъ разныхъ частей города въ крѣпость, на сѣверную сторону, и коихъ было до 900 человѣкъ, ни одинъ не оказался чумнымъ.

Генералъ-лейтенантъ Столыпинъ медлилъ до конца жизни, не отдавая никакого приказа на счетъ дѣйствія, разстановленнымъ въ разныхъ мѣстахъ командамъ, а баталіонные командиры и нѣкоторые другіе офицеры, въ ожиданіи приказаній, были спокойными зрителями бунта. Если бы военное начальство не забывало своей обязанности и дѣйствовало какъ должно, то рѣшительно можно сказать, что возмущеніе утушено было бы при самомъ началѣ онаго.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о дѣйствіяхъ главнаго мѣстнаго начальства касательно открытія причинъ бунта.

Высочайше учрежденная слѣдственная коммисія въ предметѣ своемъ долженствовала имѣть: 1) открытіе бунтовщиковъ и произведеніе надъ ними слѣдствія; 2) открытіе всѣхъ истинныхъ причинъ возмущенія и произведеніе по онымъ другаго слѣдствія, буде бы оказались виновные. Но она все свое вниманіе устремила на первый изъ сихъ предметовъ, на второй же и, по видимому, главный, смотрѣла какъ на нѣчто постороннее и до нея некасающееся.

Графъ Воронцовъ управлявшій всѣми ея дѣйствіями, употребилъ всевозможныя средства, дабы причины бунта остались сокровенными или обнаружились только такія, которыя не подвергали бы опасности чиновниковъ мѣстнаго начальства, какъ то: карантинныхъ, медицинскихъ и другихъ. Всѣ его распоряженія носятъ на себѣ этотъ отпечатокъ.

Коммисія, адмираломъ Грейгомъ составленная, которая могла открыть многое, такъ какъ собирала жалобы отъ всего города, уничтожена была 19 іюля, приказомъ графа Воронцова, послѣ мѣсячнаго существованія. Рапортъ, представленный ею адмиралу Грейгу, объясняющій нѣкоторыя обстоятельства, которые желали держать скрытыми, былъ главною причиною ея закрытія, а приказъ адмирала Грейга отъ 4 іюля, обнаруживающій пристрастія, послужилъ какъ-бы только предлогомъ. Впрочемъ, коммисія сія, не приведя еще къ окончанію трудовъ своихъ, не могла подать посему никакого законнаго повода къ ея уничтоженію.

По предписанію графа Воронцова означенная коммисія замѣнена была полковникомъ Гинтовтомъ. И это невольно поражаетъ всякаго. Произвольно разрушивши коммисію, вдругъ одному лицу предоставляютъ всѣ права оной, одно лицо полагаютъ достаточнымъ тамъ, гдѣ многіе какъ бы ошибались; но отъ дѣйствія полковника Гинтовта ожидали другихъ послѣдствій, и потому всѣ прочіе доводы остались ничтожными.

Въ городъ отряжено было отъ Высочайше учрежденной слѣдственной коммисіи особое отдѣленіе для разныхъ спросовъ жителей корабельной слободки и хребта. Первыхъ должны были спросить, между прочимъ, о претерпѣнныхъ ими нуждахъ и истязаніяхъ, чего не могли не сдѣлать по силѣ Высочайшаго повелѣнія. Казалось, что этотъ же вопросъ надлежало сдѣлать и жителямъ хребта, въ равной степени причастнымъ къ бунту. Но отъ этихъ вопросовъ съ намѣреніемъ воздержались, а ограничились только вообще спросомъ о причинахъ бунта. И что же вышло изъ этого? Такъ какъ о причинахъ спрашивали тѣхъ, которые не находились подъ слѣдствіемъ, то они, естественно, и показывали, во избѣжаніе всякой отвѣтственности, что, не участвуя въ бунтѣ, не знаютъ что побудило другихъ къ произведенію онаго. Такимъ образомъ вопросъ сей, повидимому, довольно важный, на самомъ дѣлѣ ничего не объяснилъ.

Слѣдствіе же въ Корабельной слободкѣ достойно примѣчанія. Такъ какъ у жителей оной невольно слѣдовало спрашивать о потерпѣнныхъ ими нуждахъ и истязаніяхъ, то они всѣ почти единогласно начали показывать, что дѣйствительно претерпѣвали величайшіе недостатки въ дровахъ, въ водѣ, въ пищѣ, а нѣкоторыя, что даже терпѣли и разныя истязанія.

Таковыя показанія, приводящія въ опасность карантинныхъ чиновниковъ, не по сердцу были верховному начальству. Но выписанный нарочно, дабы засѣдать въ сей коммисіи евпаторійскій городничій Эссенъ, вскорѣ по прибытіи своемъ, поспѣшилъ исполнить цѣль, для которой былъ при-

званъ, сдѣлавъ доносъ на пристрастіе слѣдователей, и на несправедливыя ихъ дѣйствія. Этимъ благопріятнымъ случаемъ тотчасъ воспользовались, чтобы не изслѣдовавъ еще справедливости доноса Эссена, всѣ показанія жителей найдти подверженными сомнѣнію и достойными пересмотра.

Но можно ли по доносу одного члена осуждать цѣлую коммисію, находить несправедливыми всѣ показанія и велѣть пересматривать все дѣло, тогда какъ не изслѣдовали еще истины доноса? Какъ бы чувствуя всю беззаконность сего поступка, хотѣли-было прикрыть оный какимъ-то мнимымъ безпристрастіемъ, предоставивъ главному командиру, какъ постороннему лицу, пересмотръ дѣла, уже конченнаго. Съ этимъ же вмѣстѣ назначили ему въ помощь полковника Гинтовта, и все заранѣе приготовили, дабы участіе его не только было недѣйствительнымъ, но даже послужило бы подтвержденіемъ доноса Эссена.

Тогда адмиралу слѣдовало только отказаться, что онъ и сдѣлалъ. Когда, сначала, хотѣлъ-было онъ вступить въ нѣкоторыя по сему случаю распоряженія, что же вдругъ оказалось? Тѣ члены коммисіи, которые, по расторопности и опыту своему, могли открыть правду, вдругъ всѣ исчезли. Бургомистръ Гахъ былъ уже внѣ города, въ отпуску; аудиторъ же Бочаровъ, тотъ самый на коего доносилъ Эссенъ, отозвался больнымъ. Оставались одни безгласные и неопытные, и изъ нихъ одинъ даже содержался на гауптвахтѣ, словомъ— все было въ рукахъ г. Эссена, который будучи назначенъ полиціймейстеромъ города Севастополя, могъ вмѣстѣ съ г. Гинтовтомъ дать всему дѣлу такой оборотъ, какой желалъ. Что оставалось дѣлать въ семъ случаѣ, какъ не отказаться отъ соучастія въ дѣйствіяхъ неправильныхъ, когда пособить было не возможно.

Отозвавшись больнымъ и, по сей причинѣ, не входя уже ни въ какія распоряженія, главный комндиръ не могъ имѣть подробныхъ свѣдѣній о томъ, что происходило; узнавъ, наконецъ, что новая, окончательная коммисія, имѣющая цѣлію открытіе причинъ бунта, учреждается по Высочайшему пове-

лѣнію, главный командиръ поспѣшилъ рапортоваться здоровымъ».

Въ августѣ мѣсяцѣ 1830 году по Высочайшему повелѣнію адмиралъ былъ назначенъ предсѣдателемъ комитета объ улучшеніяхъ по флоту. Членами его были: вице-адмиралъ Крузенштернъ, контръ-адмиралъ Лазаревъ, генералъ-интендантъ контръ-адмиралъ Авиновъ, инспекторъ корпуса корабельныхъ инженеровъ генералъ-лейтенантъ Брюнъ-Сенъ-Катеринъ и начальникъ адмиралтейскихъ ижорскихъ заводовъ генералъ-лейтенантъ Вильсонъ. Комитету предстояло разсмотрѣть всѣ современныя нововведенія иностранныхъ флотовъ, всѣ улучшенія и приспособленія, привезенныя на эскадрѣ контръ-адмирала Лазарева, возвратившейся изъ Средиземнаго моря, и высказаться на счетъ введенія ихъ въ употребленіе на нашемъ флотѣ. Многочисленныя занятія по этому комитету задержали адмирала цѣлый годъ въ Петербургѣ, такъ что онъ вернулся въ Николаевъ къ августу 1831 года.

Въ слѣдующемъ году онъ, въ сопровожденіи вновь назначеннаго начальникомъ штаба, контръ-адмирала Лазарева, обозрѣвалъ восточные берега Чернаго моря и представилъ свои соображенія касательно извѣстной впослѣдствіи такъ называемой *черноморской береговой линіи*. Занятіе же мѣстъ на этой линіи принадлежитъ всецѣло черноморскому флоту, уже подъ командою преемника его столь извѣстнаго впослѣдствіи генералъ-адъютанта адмирала Михаила Петровича Лазарева.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ возникаетъ переписка, о предполагаемой экспедиціи въ Босфоръ въ будущемъ 1833 году, между адмираломъ Грейгомъ и начальникомъ главнаго морскаго штаба княземъ Меншиковымъ, который писалъ, что Государь Императоръ поручилъ ему просить адмирала доставить въ возможной скорости, для доклада Его Императорскому

Величеству свѣдѣнія, какія мѣры адмиралъ признаетъ нужными принять нынѣ же, на случай, если бы встрѣтилась надобность вооружить черноморскій флотъ къ ранней веснѣ будущаго года, и въ какомъ числѣ судовъ, какихъ именно рангова, могъ бы означенный флотъ быть готовъ, въ такомъ случаѣ, выдти къ сему времени въ море.

На это письмо главный командиръ отвѣчалъ, что къ ранней веснѣ могутъ быть изготовлены суда въ прилагаемой у сего запискѣ, показанныя, что морской провизіи состоитъ въ магазинахъ на три мѣсяца для пяти кораблей и четырехъ фрегатовъ. А потому князь усмотритъ, какое количество провизіи нужно будетъ добавить благовременнымъ заготовленіемъ въ случаѣ вооруженія всего флота, сообразно съ временемъ, которое онъ долженъ будетъ находиться въ кампаніи.

Далѣе адмиралъ прибавляетъ, что спѣшитъ доставить его свѣтлости эти свѣдѣнія собственно отъ себя, удерживаясь отъ собранія официальныхъ справокъ, чтобы не подать повода къ какимъ-либо догадкамъ или толкованіямъ, и что, по отправленіи сего нарочнаго, онъ приступаетъ къ соображенію подробнѣйшихъ по сему предмету свѣдѣній, по полученіи коихъ немедленно сообщитъ.

Въ запискѣ о судахъ, кои могутъ быть изготовлены къ кампаніи 1833 г. значились:

Корабли:	1) «Парижъ».	Фрегаты:	1) «Тенедосъ».
—	2) «Марія».	—	2) «Архипелагъ».
—	3) «Чесьма».	—	3) «Эривань».
—	4) «Адріанополь».	—	4) «Варна»
—	5) «Память Евстафія».	—	5) «Эносъ».
—	6) «Анапа».	—	6) «Бургасъ».
—	7) «Екатерина».	—	7) «Штандартъ».
—	8) «Пантелеймонъ».		
—	9) «Пименъ».		
—	10) «Парменъ».		
—	11) «Іоаннъ Златоустъ».		

Вслѣдъ за отправленіемъ письма получено было приказаніе, что о Государю Императору угодно, чтобы черноморскій флотъ

былъ нынѣ же *наипоспѣшнѣе* приготовленъ къ немедленному выходу въ море, если бы обстоятельства сего требовали. Сообщая сію Высочайшую волю адмиралу, къ исполненію, князь Меншиковъ просилъ, съ возвращеніемъ отправляемаго нарочнаго фельдъегеря, почтить увѣдомленіемъ для доклада Его Императорскому Величеству о мѣрахъ, кои онъ по сему случаю приметъ, о времени, къ которому можетъ быть флотъ въ готовности и о тѣхъ именно судахъ, кои будутъ вооружаться.

Князь Меншиковъ, сообщивъ Высочайшее повелѣніе о немедленномъ вооруженіи черноморскаго флота, присоединяетъ, что обстоятельства, могущія возникнуть отъ успѣховъ египтянъ, могутъ также понудить въ теченіи еще зимы къ высылкѣ въ море нашихъ эскадръ, а потому Государь Императоръ, полагая, что слабость здоровья адмирала можетъ воспрепятствовать самому идти въ столь дурное время года съ флотомъ, желаетъ чтобы командованіе въ морѣ предоставлено было контръ-адмиралу Лазареву, но въ такомъ только случаѣ, если главный командиръ сочтетъ нужнымъ оставаться на берегу, или здоровье его не позволитъ ему быть постоянно на флотѣ, что, впрочемъ, совершенно зависѣть будетъ отъ его ближайшаго усмотрѣнія.

Чрезъ нѣсколько дней получены были отъ князя Меншикова въ дополненіе къ объявленной уже Высочайшей волѣ, слѣдующія повелѣнія:

1) Приложить возможную дѣятельность къ поспѣшнѣйшему вооруженію пяти кораблей, четырехъ фрегатовъ и нѣкотораго числа мелкихъ судовъ.

2) Эскадру сію по первому требованію, которое вы, милостивый государь, получите отъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника Бутенева, отправить безъ промедленія въ Константинопольскій проливъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Лазарева.

3) Адмиралу сему поставить на видъ, что цѣль его отправленія есть защита Константинополя отъ покушенія египетскихъ войскъ, прегражденіе имъ перехода на евро-

пейскій берегъ и вообще вспомоществованіе турецкому правительству, а потому вы неоставите ему предписать:

a) Между Чернымъ моремъ и Дарданеллами занять то положеніе, которое окажется выгоднѣйшимъ для воспрепятствованія силою оружія египетскимъ войскамъ вторгнуться въ предѣлы Европейской Турціи.

b) Всѣми имѣющимися у него средствами препятствовать покушеніямъ египетскаго флота занять Дарданеллы.

c) Вспомоществовать турецкому правительству всѣми мѣрами какъ въ Черномъ и Мраморномъ моряхъ, такъ и въ проливахъ Константинопольскомъ и Дарданелльскомъ.

d) Могущія быть домогательства турецкаго правительства о дѣйствіяхъ въ Архипелагѣ отклонять; но если бы египетскій флотъ приблизился къ Дарданелламъ до высоты мыса Баба и турецкій флотъ готовился къ нападенію, то стараться содѣйствовать сему послѣднему къ пораженію непріятеля.

e) Быть въ частыхъ сношеніяхъ съ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Бутеневымъ, коему въ подробности всегда извѣстны будутъ виды Государя Императора, а потому принимать въ особое вниманіе указанія сего министра.

4) По отправленіи вышеупомянутыхъ 5-ти кораблей и 4-хъ фрегатовъ съ мелкими судами распорядиться о безостановочномъ слѣдованіи остальной части черноморскаго флота въ подкрѣпленіе первой.

По полученіи этихъ отношеній адмиралъ отвѣчалъ слѣдующимъ письмомъ.

Милостивый государь,
Князь Александръ Сергѣевичъ.

«Съ чувствомъ глубочайшаго благоволенія прочиталъ я въ письмѣ вашей свѣтлости слова Всемилостивѣйшаго снисхожденія Его Императорскаго Величества къ слабому моему здоровью, и къ крайнему сожалѣнію долженъ увѣдомить васъ, милостивый государь, что ненадежное состояніе онаго принуждаетъ меня воспользоваться таковымъ Монаршимъ снисхожденіемъ въ предоставленіи другому принять начальство надъ изготовляемымъ нынѣ въ кампанію флотомъ.

Посему, назначивъ къ командованію имъ контръ-адмирала Лазарева, я по крайней мѣрѣ утѣшаюсь мыслью, что при настоящемъ случаѣ служба ничего не потерпитъ, имѣя начальникомъ флота адмирала, коего извѣстныя до сего опытность, усердіе и дѣятельность, ручаются за отличныя дѣйствія его по возлагаемой на него вновь обязанности».

Такъ какъ экспедиціею въ Босфоръ открывается поприще дѣятельности будущаго главнаго командира, адмирала Лазарева, и принадлежа исторіи черноморскаго флота, относится только косвенно къ біографіи Алексѣя Самуиловича, то мы оставляемъ въ сторонѣ всѣ подробности этой замѣчательной кампаніи, приготовленіе эскадры, неожиданное появленіе русскаго флота въ Буюкдере, ея нравственное вліяніе, русскій лагерь по азіятскому берегу, дипломатическія интриги и т. п. Здѣсь только упомянемъ, что, согласно Высочайшей волѣ, три отряда подъ общимъ командованіемъ контръ-адмирала Лазарева, по степени ихъ готовности, направлены были въ Константинополь. Всѣ отряды состояли изъ слѣдующихъ судовъ.

I Отрядъ.

Контръ-адмиралъ Лазаревъ.

Корабли: «Память Евстафія».
«Чесьма».
«Анапа».
«Императрица Екатерина II».

Фрегаты 60 пушечные. «Тенедесъ».
«Еривань».
«Варна».

Корветъ «Сизополь» и бригъ «Пегасъ».

II Отрядъ.

Контръ-адмиралъ Кумани.

Корабли: «Императрица Марія».
«Пантелеймонъ».
«Парменъ»

Фрегатъ 60 пушечный «Архипелагъ».

III Отрядъ.

Контръ-адмиралъ Стожевскій.

Корабли: 100 пуш. «Парижъ».
«Пименъ».
«Адріанополь».
«Іоаннъ Златоустъ».

Фрегатъ «Штандартъ».

Въ дѣлахъ архива хранятся 37 писемъ Михаила Петровича Лазарева къ Алексѣю Самуиловичу; прочтя ихъ и зная его открытый, прямой характеръ, можно ясно понять всю степень глубокаго уваженія и то истинное сознаніе высокихъ достоинствъ, ума и проницательности, которое онъ питалъ къ своему начальнику, и какъ бы ни старались близорукіе фанатики подозрѣвать въ ихъ отношеніяхъ мелкія страсти, письма эти будутъ служить всегда *неопровержимымъ документомъ безпристрастному историку*.

2 февраля первый отрядъ вышелъ изъ Севастополя и въ 8 день пришелъ въ Босфоръ, а 9 сентября весь флотъ возвратился въ севастопольскую бухту и, по выдержаніи карантина, втянулся въ гавань.

Въ концѣ іюля мѣсяца морской министръ препроводилъ къ главному командиру на разсмотрѣніе проектъ, неизвѣстно кѣмъ составленный, о соединеніи всѣхъ частей черноморскаго управленія въ Севастополѣ, подъ предлогомъ того, что главный командиръ и прочія лица не могутъ обращать своего вниманія лично на дѣйствія въ Севастополѣ.

По разсмотрѣніи этого проекта адмиралъ отвѣчалъ: «что онъ оказался незаслуживающимъ ни малѣйшаго вниманія, какъ потому, что составленъ единственно изъ побужденій, болѣе или менѣе маловажныхъ, даже ничтожныхъ; причинъ, основанныхъ на ошибочныхъ соображеніяхъ сочинителя, съ упущеніемъ изъ виду самыхъ важныхъ обстоятельствъ, со вредомъ государству сопряженныхъ, коихъ ожидать надлежало бы съ приведеніемъ въ исполненіе помянутаго предположенія, если бы сіе и возможно было, а потому проектъ этотъ въ существѣ своемъ ничего не обѣщаетъ, кромѣ вели-

чайшихъ и невознаградимыхъ пожертвованій многолѣтними издержками и попеченіями правительства, разоренія одного изъ лучшихъ городовъ въ Новороссійскомъ краѣ съ большею частью его жителей, необычайныхъ и даже отяготительныхъ для казны расходовъ на возведеніе того въ Севастополѣ, что въ Николаевѣ уже существуетъ, на тотъ только конецъ, дабы въ будущемъ навсегда увеличить государственный расходъ и что всего важнѣе *подвергнуть опасности разоренія господствующій нынѣ на Черномъ морѣ флотъ нашъ, со всѣми имѣющимися теперь способами къ возобновленію и поддержкѣ онаго, однимъ изъ неотразимыхъ ударовъ сильнаго и предпріимчиваго непріятеля.*

Впрочемъ, какъ соединеніе всѣхъ частей черноморскаго управленія и верфей въ Севастополѣ будетъ сопровождено тѣми же выгодами и невыгодами какое имѣло бы подобное соединеніе главнаго управленія балтійскаго флота со всѣми онаго частями и кораблестроеніемъ въ Ревелѣ, то изъ сего ваше высокопревосходительство заключить можете, какъ *объ удобствѣ и пользѣ, такъ и о благоразуміи онаго».*

Читая эти строки, теперь только можемъ оцѣнить и зрѣлость мыслей, и обширный, дальновидный государственный умъ адмирала Грейга и его вѣрный взглядъ, столь печально оправдавшійся при разгромѣ Севастополя въ послѣднюю восточную войну 1855 года. Этотъ мудрый совѣтъ былъ послѣднею услугою, которую приносилъ главный командиръ черноморскому флоту, бывшему въ его командованіи въ теченіи 17½ лѣтъ.

2 го августа 1833 года состоялся Высочайшій приказъ о назначеніи адмирала Грейга членомъ государственнаго совѣта и вице-адмирала генералъ-адъютанта Лазарева главнымъ командиромъ черноморскаго флота и портовъ,

Разставаясь съ сослуживцами, Алексѣй Самуиловичъ отдалъ слѣдующій приказъ 7-го октября:

«Съ исполненіемъ нынѣ столь лестной для меня Высочайшей Государя Императора воли, долженствуя оставить мѣста сіи, гдѣ въ теченіе болѣе 17 лѣтъ имѣлъ удовольствіе быть свидѣтелемъ отличнаго усердія, трудовъ и ревности чиновъ

флота и вообще черноморскаго вѣдомства, я почитаю одною изъ самыхъ пріятнѣйшихъ для себя обязанностей заключить распоряженія мои по главному управленію черноморскаго флота и портовъ, изъявленіемъ чувствъ искренней моей благодарности всѣмъ и каждому изъ любезныхъ моихъ сослуживцевъ, оправдавшихъ поведеніемъ, усердіемъ и дѣятельностью свое доброе о нихъ мнѣніе начальства, и увѣрить ихъ, что проведенное мною между ними время, останется въ душѣ моей однимъ изъ сладостнѣйшихъ воспоминаній моей жизни, и что почту себя счастливымъ быть для нихъ, сколько отъ меня зависитъ, *полезнымъ*, видѣть ихъ *благополучными* и оставаться въ твердомъ упованіи, что они всегда преисполнены будутъ тѣми же чувствами усердія и ревности, коими прежде сего одушевлены были на поприщѣ вѣрноподданнѣйшей службы Его Императорскому Величеству».

Нельзя безъ особеннаго удовольствія читать эти строки, въ которыхъ съ такою теплотою выразилось нѣжное вниманіе къ дорогимъ ему подчиненнымъ. И онъ, впослѣдствіи, вполнѣ доказалъ искренность своихъ чувствъ и дѣйствительно былъ полезенъ и словомъ и дѣломъ, ходатайствуя о нихъ, на сколько могъ, когда они обращались къ нему съ своими нуждами и просьбами.

Готовясь заключить описаніе дѣятельности адмирала въ черноморскомъ флотѣ, мы были бы несправедливы, если бы уклонились отъ твердо принятаго плана, если бы не коснулись и тѣхъ дѣлъ, которыя доставляли ему такъ много непріятныхъ минутъ—я разумѣю подъ этимъ доносы и всю клевету, раздуваемую его врагами, тайными и явными.

Въ такомъ обширномъ и многосложномъ управленіи неминуемо нашлись личности не безъ упрека. Взысканія за упущенія ихъ по службѣ, преслѣдованіе злоупотребленій, породили недовольныхъ, которые надѣясь вывернуться своими доносами и разсчитывая на покровительство сильныхъ, не щадили своей чести и прибѣгали къ самымъ низкимъ презрѣннымъ навѣтамъ. Прочтя всѣ эти дѣла, хранящіяся въ архивѣ, отъ доски до доски, невольно приходишь къ заключенію, что, какъ злоба ни сильна, какъ зависть ни ехидна, но

нельзя, по выраженію Державина, вѣкъ носить личинъ и истина должна открыться. Нѣкоторыя дѣла тянулись по нѣсколько лѣтъ, заканчиваясь, какъ бы насильно снова подымались, какъ грозные валы, съ тѣмъ, чтобы съ большею силою разбиться о скалу чести и добра. И если я упоминаю о нихъ, хотя сознаю вполнѣ, что они недостойны имѣть мѣста, что по окончаніи этихъ дѣлъ несомнѣнно доказано словами самого Царя, то потому только, чтобы привести два знаменательныя письма адмирала къ Государю Императору, столь рельефно рисующія его принципы, его заботливое вниманіе къ подчиненнымъ. По полученіи Высочайшаго повелѣнія, которымъ предписывалось прекратить дѣло обревизованія севастопольскаго порта вице-адмираломъ Белинсгаузеномъ и фл. ад. Римскимъ Корсаковымъ, въ ожиданіи въ свое время общей ревизіи въ государственномъ контролѣ, адмиралъ писалъ:

«Имѣя въ виду, что ожиданіе общей ревизіи въ государственномъ контролѣ можетъ отдалить окончательное рѣшеніе вышеизложеннаго дѣла на долгое время, къ крайнему угнетенію множества чиновниковъ около двухъ лѣтъ *невинно, можетъ быть, страждущихъ*, я, какъ главный начальникъ сихъ несчастливцевъ, легко могущихъ впасть въ уныніе и даже самоотчаяніе, дерзаю всеподданнѣйше повергнуть участь ихъ милосердному вниманію Вашего Императорскаго Величества, священнымъ долгамъ почитая испрашивать Высочайшаго Вашего, Всемилостивѣйшій Государь, повелѣнія о начатіи нынѣ же въ государственномъ контролѣ ревизіи сказанныхъ отчетовъ и окончаніи оной въ возможной скорости, дабы, предавъ виновныхъ справедливому наказанію, избавить невинно страждущихъ отъ горестнаго для нихъ подозрѣнія, могущаго лишить службу Вашего Императорскаго Величества многихъ способныхъ и достойныхъ довѣренности правительства чиновниковъ».

А письмо свое къ князю Меншикову по этому же дѣлу онъ заканчиваетъ:

«Изъ всего вышеизложеннаго открывается, что тотъ, кто сіе донесъ Государю Императору, что болѣзни, на флотѣ существующія, есть послѣдствія чрезвычайно худой провизіи

для довольствія нижнихъ чиновъ употребляемой, осмѣлился сдѣлать Его Императорскому Величеству доносъ, обличенный *ложнымъ*—командирами, офицерами и нижними чинами на флотѣ находящимися».

По случаю самыхъ лестныхъ словъ Государя, о которыхъ говорили выше, онъ снова пишетъ Его Императорскому Величеству въ слѣдующихъ выраженіяхъ.

«Возможно ли думать, чтобы я дерзнулъ въ чемъ-либо обмануть Всемилостивѣйшаго Моего Государя, *когда вся моя жизнь*, могу смѣло сказать, и всѣ мои дѣйствія доказываютъ неусыпное стараніе къ отвращенію зла и строгому соблюденію казенныхъ выгодъ. Совѣсть моя ни по сему, ни по какому другому дѣлу службы, меня не упрекаетъ и душа моя покойна. Послѣ же полученія мною столь лестнаго для меня Всемилостивѣйшаго рескрипта Вашего Величества, никакое судебное мѣсто въ имперіи не вправѣ входить въ какое либо сужденіе на счетъ моихъ дѣйствій по этому предмету. Сей рескриптъ служитъ мнѣ и будетъ служить моему потомству неоспоримымъ доказательствомъ моей невинности».

Теперь я перехожу къ прощальному обѣду, данному ему жителями города Николаева, на которомъ они поднесли ему слѣдующій адресъ:

«Ваше Высокопревосходительство!

«Болѣе семнадцати лѣтъ протекло времени отъ счастливаго дня, въ который, благословенный и вѣчной славы достойный Государь Императоръ Александръ Павловичъ, Всемилостивѣйше постановилъ Васъ быть начальникомъ нашимъ, и тѣмъ изрекъ наше благополучіе! И сіе благополучіе наше продлилъ милосердіемъ своимъ нынѣ царствующій Всемилостивѣйшій Государь нашъ Николай Павловичъ! даже до дня сего, въ который, благоугодно было Его Императорскому Величеству воззвать Васъ къ подвигамъ высшимъ для пользы государственной и къ славѣ Вашей.

Гряди благословенъ, мужъ великихъ доблестей, избранный помазанникомъ Господнимъ, пекущимся о благоденствіи своего народа, на опредѣленную чреду высокую!

Мы совершенно увѣрены, что всѣ силы и вся жизнь твоя посвящены будутъ на пользу государственную, подобно какъ здѣсь всѣ дни свои посвящалъ ты на пользу службы, и по многочисленной, весьма трудной обязанности главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, и вмѣстѣ для блага народнаго, ввѣренныхъ тебѣ городовъ: Николаева и Севастополя. Частица сего знаменитаго твоего управленія, мы граждане города Николаева, не можемъ умолчать о тѣхъ благотворныхъ дѣйствіяхъ твоихъ, кои имѣли счастіе испытать собственно надъ собою: городъ нашъ, до прибытія въ оный вашего высокопревосходительства, имѣлъ населеніе до 700 домовъ, коммерцію, можно сказать въ ничтожествѣ, зданія прежняго времени представляли собою руины, окрестности находились въ запустѣніи, въ теченіе же времени начальствованія вашего народонаселеніе умножилось, не говоря о зданіяхъ казенныхъ, до 4 тысячъ домовъ частныхъ, въ томъ числѣ много капитальныхъ и прочныхъ зданій изящной архитектуры; коммерція подъ покровительствомъ вашимъ возвысилась и произвела капиталы; самый городовой капиталъ попеченіями вашими умноженъ свыше 300 тысячъ руб. не упоминая, что изъ оного же устроены: стѣна съ сухопутной стороны, ограждающая городъ и служащая оному охраненіемъ отъ внесенія чумной заразы и коммерческая для удобства въ погрузкѣ «пристань» судовъ, стоившая не маловажныхъ суммъ; для образованія юношества учреждены и упрочены приходское и уѣздное училища; окрестности города, представлявшія собою одни сыпучіе пески, бывъ мановеніемъ благотворительныхъ рукъ вашихъ, насаждены рѣдкими произведеніями, оживотворились и составили собою украшеніе и пріятныя для общества гулянья въ самомъ городѣ; учрежденный превосходнѣйшій порядокъ, благочиніе и чистота, бывъ доведены до примѣрнаго совершенства, доставили жителямъ спокойствіе, которое тѣмъ охранено и обезпечено.

Кто, сверхъ того, изъ насъ гражданъ, не былъ оживотворенъ вашимъ ласковымъ и можно сказать отеческимъ обращеніемъ. кто изъ бѣдныхъ вдовъ и сиротъ, прибѣгнувшихъ, остав-

ленъ безъ призрѣнія? и кто наконецъ не насладился въ домѣ вашемъ радушнымъ угощеніемъ, и по русски не поѣлъ хлѣба соли?

Всѣ сіи вкратцѣ только выраженныя великія доблести твои, мужъ избранный! суть и пребудутъ навсегда неизгладимыми памятниками твоихъ добродѣтелей и высокихъ достоинствъ, и поводомъ нашего вѣчнаго къ тебѣ благодаренія, которое, запечатлѣвая въ сердцахъ нашихъ, умоляемъ тебя: за вся я же содѣлалъ намъ благая, удостоить принять сію истинную признательность нашу, яко малѣйшую лепту оставляемыхъ тобою въ благоденствіи, благодарныхъ жителей города Николаева, обрекающихъ себя и потомковъ своихъ прославлять и благословлять всегда знаменитое и любезное для насъ имя адмирала Грейга».

По разсказамъ очевидцевъ, въ минуту отъѣзда 9 октября народъ толпился около дома его и съ благословеніемъ провожалъ его до заставы; что же касается всѣхъ остальныхъ сословій, то, какъ пишетъ одинъ изъ присутствующихъ, трудно видѣть болѣе задушевныхъ привѣтствій, болѣе искренной преданности и неподдѣльной любви, какія выражались на лицахъ всѣхъ, тутъ собравшихся.

Вступленіе новаго начальника и вся его послѣдующая благотворная дѣятельность породила толки и движенія страстей, часто проистекающихъ изъ мелкихъ разсчетовъ, презрѣнной лести и низкихъ побужденій. Какъ будто воздавая должную дань одному, необходимо ронять достоинство другаго.

Непогрѣшимость несовмѣстна, по ученію Христа, въ человѣкѣ но двуличіе людей еще въ настоящее время силится доказать противное на римскомъ соборѣ. Общество сослуживцевъ, соотечественники, государство воздаетъ дань признательности по количеству пользы и добра, принесеннаго гражданиномъ въ кругу своихъ дѣйствій. А количество это, какъ мы видѣли, на основаніи самыхъ фактовъ и подлинныхъ документовъ и въ дѣлахъ, и въ мысляхъ, и въ предположеніяхъ Алексѣя Самуиловича было не только громадно, но изумительно.

Ошибаться онъ могъ и, можетъ быть, ошибался, но тѣмъ не менѣе дальновидность, мудрость, безграничное усердіе, съ

обширнѣйшими и разнообразными знаніями соединенное, содѣлали, произвели указанные нами результаты, которые и составляютъ тѣ важныя государственныя заслуги, нынѣ воздвигающія ему памятникъ.

Я твердо убѣжденъ, что, оставляя Николаевъ, онъ увозилъ драгоцѣнное, сердечное убѣжденіе, что онъ свято исполнилъ свой долгъ—убѣжденіе, которое какъ неотъемлемое сокровище, сохраняется въ нашемъ сердцѣ и съ которыми никакія похвалы и никакія награды сравняться не могутъ.

Здѣсь мы приведемъ печатныя о немъ заявленія современниковъ двухъ періодовъ времени.

«Алексѣй Самойловичъ вновь вызвалъ къ жизни черноморскій флотъ изъ хаоса, произведеннаго, послѣ славныхъ Екатерининскихъ временъ, его предшественниками, дилетантами заграничнаго и доморощеннаго происхожденія, и Михаилъ Петровичъ слѣдуя по порядку времени за Алексѣемъ Самойловичемъ, былъ совершенно необходимымъ и достойнымъ его дополненіемъ и, вѣруя твердо въ законъ прогреса, полагаю, что преемники Михаила Петровича, въ свою очередь, принесли бы пользу флоту и Россіи, если бы продолжались тѣ же обстоятельства. Трудно было бы кому-либо совратиться съ безошибочнаго пути, проложеннаго 35-лѣтними усиліями, по которому двигалось уже сознательно цѣлое сословіе. Только такимъ образомъ происходятъ всѣ прочныя улучшенія и честные дѣятели различныхъ эпохъ, каждый въ своемъ образѣ, свойственномъ его личности, должны считаться благодѣтелями потомства».

Нѣсколько далѣе: «Что бы ни писали обѣ стороны, какимъ бы побужденіямъ ни слѣдовали защитники Алексѣя Самойловича и Михаила Петровича, изъ борьбы мнѣній выйдетъ только одна истина, ясная какъ день: черноморскій флотъ былъ истинно дѣйствителенъ потому, что имъ управляли адмиралы, преданные дѣлу, посвятившіе на него цѣлую жизнь и сроднившіеся съ сословіемъ. Но эта истина уже доказана фактами, извѣстными Россіи. Будемъ же вспоминать о главныхъ виновникахъ нашего значенія въ минувшемъ, съ цѣлью

продолжать ими начатое и похвальною надеждою превзойдти ихъ, не переставая чтить ихъ памяти, а не съ тѣмъ, чтобы знаменательныя и сравнительно еще свѣжія могилы ихъ, превращать въ арену отвратительной борьбы мелкихъ чувствъ и разсчетовъ». *И. Шестаковъ.* («Морск. Сб.» 1864 г. № 4).

«Беру на себя увѣрить всѣхъ и каждаго, что глубокое уваженіе и чувства искренней признательности къ адмиралу Алексѣю Самойловичу Грейгу, при полномъ сознаніи его высокихъ заслугъ и огромной пользы, принесенной морской службѣ вообще и черноморскому флоту въ особенности, не говоря уже о его государственныхъ заслугахъ, ни на минуту не оставляло и не оставляетъ бывшихъ подчиненныхъ покойнаго адмирала, нынѣ совершенныхъ стариковъ или почти стариковъ. Всѣ они, отправляясь мало по малу на вѣчный покой, уносятъ съ собою чистыя и благородныя чувства къ адмиралу; оставшіеся же еще въ живыхъ, хотя, конечно, и не въ большомъ числѣ, могу увѣрить, какъ очевидецъ, приняли извѣстіе о рѣшеніи дѣла по сооруженію памятника съ искреннею радостью и каждый съ удовольствіемъ принесетъ посильную свою лепту, не какъ вынужденный налогъ, а какъ вполнѣ добровольное приношеніе.

«Теперь, когда уже не можетъ болѣе подлежать сомнѣнію сооруженіе памятника и изданіе біографіи адмиралу Алексѣю Самойловичу Грейгу, могу и я сказать, въ свою очередь: пусть предложенный черноморцами къ сооруженію въ г. Николаевѣ памятникъ, напоминаетъ будущимъ поколѣніямъ нашимъ, примѣръ адмирала и человѣка, а біографія его пусть поучаетъ какимъ образомъ можно сдѣлаться достойнымъ такой памяти любви и уваженія». *Голосъ стараго моряка.* («Морск. Сб.» 1863 г. № 3).

Кажется, что послѣ всего здѣсь сказаннаго, мы, припоминая наши слова въ минуту его назначенія на постъ главнаго командира черноморскаго флота и портовъ, вправѣ заключить, что Алексѣй Самуиловичъ вполнѣ оправдалъ общія ожиданія, сопровождавшія его изъ Петербурга, и что от-

борныя сѣмена, на тщательно воздѣланной почвѣ, принесли богатый урожай.

III.

Послѣдніе годы жизни адмирала. Государственный Совѣтъ. Пулковская Обсерваторія. Заключеніе.

Переходя къ послѣднему періоду жизни адмирала, т. е. къ его дѣятельности какъ члена государственнаго совѣта, мы, къ крайнему нашему сожалѣнію, не имѣемъ никакихъ матеріаловъ, но остаемся въ непоколебимомъ убѣжденіи, что его обширнѣйшія разностороннія познанія, его свѣтлый умъ, его опытность и политическая дальновидность должны были приносить несомнѣнную пользу въ коллегіальныхъ совѣщаніяхъ. А здѣсь мы можемъ указать только на избраніе его президентомъ комитета построенія и устройства Пулковской обсерваторіи.

Знаменитый отечественный астрономъ *Струве*, по всей справедливости признаваемый первокласснымъ свѣтиломъ науки, въ своемъ историческомъ изложеніи построенія этой обсерваторіи говоритъ:

«Графъ Уваровъ (бывшій министръ просвѣщенія), будучи проникнутъ высокою важностью проекта Государя Императора объ устройствѣ обсерваторіи и предвидя, что для успѣха необходимо расположить приготовительныя работы для обсужденія и исполненія, а также не теряя изъ виду существенную цѣль обсерваторіи, научную, не преминулъ принять одну изъ благоразумнѣйшихъ мѣръ—составить комитетъ изъ четырехъ академиковъ: Парота, Вишневскаго, Фусса и Струве и просить Его Императорское Величество, во главѣ этой коммисіи назначить президентомъ, члена государственнаго совѣта и почетнаго члена академіи наукъ, адмирала Грейга.

«*Сей ученый морякъ былъ извѣстенъ во всей Европѣ*, какъ глубокій знатокъ астрономіи, въ особенности практической, которою онъ съ ревностью занимался въ своей молодости, и оказавшій уже Россіи услугу основаніемъ въ Николаевѣ

обсерваторіи, построенной подъ непосредственнымъ его руководствомъ».

Обсерваторія была открыта 7 (19) августа 1839 г. На торжественное открытіе были приглашены знаменитости столицы, государственные люди, дипломатическій корпусъ, извѣстные отечественные и иностранные ученые; причемъ адмиралъ Грейгъ, въ качествѣ президента комитета, передалъ ее г. министру народнаго просвѣщенія. Нѣсколько дней спустя, Ея Императорское Величество и Великая Княгиня Ольга Николаевна удостоили своимъ посѣщеніемъ обсерваторію, а 8 октября посѣтилъ ее и Государь Императоръ. Его Величество удостоилъ разсмотрѣть различныя части зданія, а директоръ Струве имѣлъ честь въ теченіи двухъ часовъ словесно объяснять все устройство, стараясь представить, что *центральная обсерваторія есть осуществленіе научной идеи, ясно понятой*, и что можно надѣяться, что она сдѣлается достойною высокаго и просвѣщеннаго покровительства Августѣйшаго Основателя. Его Величество осматривалъ даже подземелье и, взглянувъ на всю окрестность, приказалъ украсить ее растеніями и деревьями.

За тѣмъ Его Величество поздравилъ графа Уварова, что въ его управленіе министерствомъ воздвигнутъ *такой величественный памятникъ*.

На другой день адмиралъ Грейгъ получилъ слѣдующій рескриптъ:

«Алексѣй Самойловичъ! поручивъ устроеніе главной обсерваторіи особой коммисіи, Я ввѣрилъ руководство ея занятіями вашей опытности и усердію на пользу наукъ. При личномъ обозрѣніи обсерваторіи Я съ удовольствіемъ убѣдился, что Мое желаніе исполнено: воздвигнутое на Пулковской горѣ зданіе вполнѣ соотвѣтствуетъ своему назначенію и удовлетворяетъ всѣмъ условіямъ ученымъ и техническимъ. Мнѣ пріятно изъявить вамъ совершенную признательность за дѣятельныя и постоянныя попеченія ваши. Въ ознаменованіе особаго Моего благоволенія, Всемилостивѣйше жалую вамъ бриліантами украшенную табакерку съ моимъ портретомъ. Пребываю къ вамъ всегда благосклоннымъ».

Въ 1841 году адмиралъ второй разъ получилъ бриліантовую табакерку съ портретомъ Его Императорскаго Величества, а въ 1843—высшій орденъ имперіи—Св. Андрея Первозваннаго.

18 января 1845 года адмиралъ Грейгъ скончался на 70 году отъ рожденія и погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Приступая къ заключенію нашего біографическаго очерка, мы, на основаніи какъ всего вышеизложеннаго, такъ и согласно письмамъ, изустнымъ разсказамъ и, наконецъ, изъ собственнаго наблюденія, постараемся обрисовать эту высоко знаменательную личность.

Глубокія познанія и свѣтлый умъ соединялись въ немъ съ самою величайшею скромностью; любовь къ наукамъ и стремленіе къ знанію уступали только пламенному усердію къ службѣ государственной; теплота сердца, возвышенность характера, непоколебимость принциповъ, выработали въ немъ строгія правила къ самому себѣ и другимъ и не позволяли ни въ какомъ случаѣ выйдти изъ предѣловъ деликатности. Заботы попечительнаго начальника смѣнялись настойчивымъ преслѣдованіемъ мысли государственнаго мужа. Ясность предположеній, строгая опредѣлительность, точность въ дѣйствіяхъ, единство плана, позволяли его подчиненнымъ безошибочно идти по твердо избранному пути. Зависть, интриги, ему были столь же чужды и несвойственны, какъ двуличіе и искательство. Украшенный столькими достоинствами, онъ смѣло признавалъ ихъ въ другихъ и умѣлъ цѣнить и воздавать должное заслугамъ и труду. Его прямой, открытый характеръ уничтожалъ всякое поползновеніе къ фаворитизму; врагъ кастогыхъ отличій, онъ всячески старался о сближеніи общества. Общежитіе, радушіе, гостепріимство оставляли неизгладимое воспоминаніе во всѣхъ тѣхъ, кто ими пользовался, а его прекрасная, спокойная, величавая наружность, соединенная съ природною привѣтливостью, располагали къ той интимной пріятной бесѣдѣ, къ той отрадной сердечной свободѣ, которая устраняетъ всякую принужденность.

Пройдя блистательно свое служебное поприще, разрабатывая и развивая морское искуство между подчиненными, онъ, какъ начальникъ и учитель, оставляя глубокіе неизгладимые слѣды своей дѣятельности, составлявшіе его государственную заслугу, вмѣстѣ съ тѣмъ запечатлѣлъ свое имя въ благодарныхъ, признательныхъ сердцахъ, какъ имя дорогаго, любимаго, душевно-чтимаго человѣка. А потому, прежде чѣмъ поставится памятникъ ему въ Николаевѣ, онъ уже самъ воздвигъ себѣ тотъ мавзолей, котораго по выраженію поэта.

Ни громъ, ни вихрь не сломитъ быстротечный.
Ни времени полетъ его не сокрушитъ.